Годъ 10-й. Кн. XXXIX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1898, № 4.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.
1898.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

„МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА“

и

тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

II [1]).

Легендъ, повѣствующихъ о медвѣдѣ, какъ сверхъестественномъ существѣ, собрано, сравнительно, значительное количество изъ устъ остяковъ и вогуловъ. Изъ этого цикла произведеній народнаго творчества для нашихъ цѣлей представляютъ особенный интересъ тѣ, въ которыхъ повѣствуется о происхожденіи медвѣдя и объ его отношеніи къ людямъ.

Разсказы о происхожденіи медвѣдя могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Къ одной относятся всѣ тѣ, въ которыхъ сообщается, что медвѣдь прежде жилъ на небѣ у бога и затѣмъ спущенъ на землю. Къ другой группѣ слѣдуетъ отнести тѣ легенды, въ которыхъ медвѣдь оказывается потомкомъ людей [2]). Легенды первой категоріи сводятся къ тому, что медвѣдь, или по собственному желанію или въ наказаніе за ослушаніе, былъ спущенъ съ неба главнымъ божествомъ, въ домѣ котораго онъ прежде жилъ. Спуская медвѣдя на землю, божество даетъ ему наставленія, чѣмъ питаться, запрещая трогать запасъ пищи у людей. Медвѣдь не исполняетъ приказаній божества, и въ результатѣ начинаетъ худѣть. Въ виду этого онъ или обращается къ божеству, которое даетъ ему вторично наставленія, или самъ сознаетъ свою ошибку и не выходитъ болѣе изъ повиновенія богу. Медвѣдю богъ разрѣшаетъ питаться всѣми дикими звѣрями, но изъ прирученныхъ людьми животныхъ онъ позволяетъ ему употреблять въ пищу только тѣхъ, которыя принадлежатъ дурнымъ людямъ. Послѣд-

---

[1]) См. „Этногр. Обозр.“ XXXVIII.

[2]) Н. Л. Гондатти, Культъ медвѣдя, стр. 78—79, Patkanow, Die Irtysch-Ostjaken, стр. 125—126.

нимъ онъ долженъ былъ вообще причинять всевозможный вредъ, и если они подойдутъ къ нему близко, то убивать ихъ; то же медвѣдь имѣетъ право дѣлать и въ отношеніи къ людямъ, которые насмѣхаются надъ нимъ. Спущенный съ неба медвѣдь, согласно легендамъ, впослѣдствіи былъ убитъ богатыремъ Узынъ-одыръ-пыхъ, но божество позволило тѣни медвѣдя принять прежній видъ и навсегда остаться на землѣ: этого божественнаго медвѣдя и до настоящаго времени иногда можно видѣть на Уралѣ.

Вогулы въ „медвѣжьихъ пѣсняхъ" иногда называютъ медвѣдя *сыномъ* высшаго бога, низведеннаго по зависти съ неба на землю [1]).

Циклъ легендъ второй категоріи производитъ медвѣдей отъ людей. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ версіи, сообщаемыя г. Паткановымъ: медвѣдь оказывается потомкомъ богатырей, которые населяли землю въ прежнее время и по различнымъ обстоятельствамъ были вынуждены избѣжать людского общества, вслѣдствіе чего жили въ глухихъ лѣсахъ. Иногда происхожденіе медвѣдей объясняется легендой, что они плодъ брака дочерей богатырей съ лѣсными духами или наоборотъ. Такъ по одной версіи у дочери одного изъ богатырей лицо было покрыто густыми волосами. Когда она однажды собирала ягоды въ лѣсу, она встрѣтила лѣсного духа въ образѣ молодого человѣка, отъ связи съ которымъ у ней родился сынъ; онъ отличался силой и дикостью, и остяцкая община, гдѣ они жили, изгнала ихъ изъ селенія. Сынъ выросъ и сдѣлался медвѣдемъ, мать превратилась въ большой камень. По другимъ версіямъ въ медвѣдя превратился проклятый матерью сынъ: онъ покинулъ свою мать, ушелъ въ лѣсъ, нашелъ себѣ подругу изъ богатырскихъ дочерей, превращенную въ медвѣдицу за избіеніе по злости всѣхъ своихъ братьевъ, и зажилъ съ нею, прижилъ дѣтей, такъ что теперь медвѣди считаются потомками этой четы. Превращенные въ медвѣдей люди также сдѣланы божествомъ хранителями истины и справедливости на землѣ.

По преданію васьюганскихъ остяковъ въ медвѣдя превращается богатырь: онъ заблудился въ лѣсу, отыскивая дорогу; онъ перелѣзаетъ, снявъ предварительно одежду, черезъ поросшую мхомъ колоду; результатомъ этого оказывается, что его тѣло покрывается

---

[1]) Н. М. Ядринцевъ: О культѣ медвѣдя, стр. 110.

мхомъ, и богатырь превращается въ медвѣдя. Онъ перелѣзаетъ обратно, чтобы отыскать свою одежду, но послѣднюю унесъ дьяволъ; богатырь остается жить въ лѣсу [1]).

Такимъ образомъ, какъ бы ни объясняли остяки и вогулы происхожденіе медвѣдей, послѣдніе въ большинствѣ случаевъ въ своемъ качествѣ представителей справедливости на землѣ, являются равно священными. Неудивительно поэтому, замѣчаетъ по этому поводу г. Гондатти, „что всякій, сознающій за собой грѣхъ, невольно дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; но тѣмъ не менѣе всякій стремится на охоту за нимъ, хотя и со страхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайной надеждой, что богъ пошлетъ ему такого медвѣдя, который погрѣшилъ чѣмъ-нибудь и котораго богъ рѣшилъ наказать и исполнителемъ этого наказанія изберетъ его — угоднаго себѣ человѣка“ [2]). Слѣдовательно, убить медвѣдя можно только праведному человѣку и притомъ лишь согрѣшившаго, виновнаго медвѣдя. Очевидно, что въ этомъ объясненіи мы имѣемъ попытку примирить болѣе древнія представленія о медвѣдѣ, какъ священномъ звѣрѣ, котораго нельзя убивать, съ установившимся представленіемъ о высшемъ существѣ, которое позволяетъ охотнику заглушить укоры совѣсти за преступленіе, совершаемое убійствомъ медвѣдя. Оно должно на нашъ взглядъ считаться вѣскимъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что нѣкогда, когда остяки находились на болѣе низкой ступени религіознаго развитія, убивать медвѣдя вообще считалось грѣхомъ, что сближаетъ отношеніе къ нему съ отношеніемъ дикарей къ своимъ тотемамъ.

Во всякомъ случаѣ медвѣдь является въ глазахъ остяковъ животнымъ священнымъ самъ по себѣ. Медвѣдь научилъ остяковъ и вогуловъ искусству употребленія огня. По словамъ Кастрена, остякъ предполагаетъ, что медвѣдь вовсе не похожъ на остальныхъ звѣрей: шкура является только его одеждой, подъ которой онъ скрываетъ человѣческій видъ; онъ обладаетъ божественной силой и мудростью [3]). Въ виду этого вполнѣ понятно, что его мясо, жиръ и т. д. имѣютъ цѣлебную силу—это часть его божественнаго тѣла.

---

[1]) Потанинъ: Очерки сѣв.-западной Монголіи, IV, стр. 754-755.

[2]) Н. Л. Гондатти, l. c. стр. 79.

[3]) Ср. Потанинъ: Оч. с.-з. Монголіи, IV, стр. 750 (енис. остяки). Patkanow. l. c. стр. 125

Желчь медвѣдя, особенно бѣлаго, равно и медвѣжье сердце употребляютъ въ качествѣ лѣкарственныхъ средствъ.

„Сухую такую желчь употребляютъ отъ живота и отъ нечисти, также даютъ и больнымъ ребятамъ“ [1]). Его зубы и когти носятъ въ качествѣ священныхъ предметовъ и пр.

Съ подобными чертами божественности выступаетъ медвѣдь почти всюду, гдѣ культъ его сохраняется еще съ бо́льшей жизненностью. Лопари [2]), напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считали медвѣдя за „божью собаку“: онъ обладалъ большимъ умомъ, а силы у него столько, сколько у двѣнадцати мужчинъ; въ другихъ мѣстахъ лопари считали медвѣдя за самое умное и понятливое изъ всѣхъ животныхъ и т. п. Медвѣжій жиръ употреблялся въ качествѣ лѣкарствъ [3]).

У самоѣдовъ наиболѣе видный представитель медвѣдей, именно бѣлый, встрѣчающійся въ ихъ владѣніяхъ чаще, чѣмъ бурый медвѣдь, считается посланникомъ неба; ему приписываютъ заслугу ознакомленія людей съ полученіемъ и употребленіемъ огня. Самоѣды дѣйствительно убиваютъ и употребляютъ его въ пищу, но примиряются затѣмъ съ убитымъ, хотя коллективныя празднества и устраиваются у нихъ рѣже, чѣмъ у остяковъ и вогуловъ вслѣдствіе разбросанности населенія. Они запрещаютъ женщинамъ ѣсть голову медвѣдя. Окуриваніе медвѣжьимъ жиромъ—наиболѣе дѣйствительное средство оградить себя при охотѣ отъ неудачъ, проистекающихъ вслѣдствіе дурного пожеланія врага или благодаря встрѣчѣ съ женщиной [4]).

Самоѣды разсказываютъ, что медвѣдь произошелъ отъ женщины, имѣвшей половину туловища звѣриную, половину—человѣческую, съ лѣшимъ (намтуръ) [5]).

Буряты полагаютъ, что медвѣдь прежде былъ человѣкомъ, но обращенъ впослѣдствіи въ звѣря за то, что хотѣлъ испугать бога. По однимъ версіямъ онъ былъ царемъ, по другимъ, очевидно болѣе древнимъ, онъ былъ прежде большимъ чернымъ шаманомъ.

---

[1]) Палласъ: Путешествіе, III, пол. 1-ая, стр. 67.

[2]) Русскіе лопари, стр. 199, 203.

[3]) Ср. въ Калевалѣ повѣствованіе Вейнемейнена о сверхъестественномъ рожденіи медвѣдя на небѣ, его отпускѣ на землю и данномъ ему завѣтѣ. Калевала, пер. Бѣльскаго; рун. 32 и 46. стр. 414 и 545-548.

[4]) A. Erman: Reise um die Erde. I. стр. 681; Н. Л. Гондатти, l. c. 75.

[5]) Потанинъ: Оч. сѣв.-зап. Монголіи. IV. стр. 754.

или шаманкой; они превратились въ медвѣдей, желая испугать самого бурхана, за что послѣдній оставилъ ихъ навсегда медвѣдями. Вообще, по словамъ г. Хангалова, „души чернаго шамана или шаманки обращаются въ медвѣдей и въ такомъ видѣ странствуютъ, куда имъ угодно, для исполненія своихъ намѣреній“ [1]). Иногда въ медвѣдя, по преданіямъ бурятъ, превращается охотникъ: отправляясь на охоту, онъ обходилъ три раза дерѣво и превращался въ медвѣдя [2]).

По представленіямъ кумандинцевъ, Эрликъ имѣетъ медвѣжій видъ. Иногда алтайскіе тюрки приписываютъ происхожденіе медвѣдя превращенію человѣка, обиженнаго семьей. Далѣе „Кереметъ, въ поволжскихъ легендахъ принимаетъ образъ медвѣдя, когда хочетъ показаться людямъ“ [3]).

Покровителемъ шамановъ медвѣдь считается и у якутовъ. Въ медвѣдей обращаются души шамановъ: самыми могущественными шаманами считаются тѣ, которые имѣютъ своимъ звѣринымъ воплощеніемъ быка-пороса, жеребца, орла, лося или чернаго медвѣдя. Циклъ разсказовъ и легендъ, повѣствующихъ о сверхъестественныхъ качествахъ медвѣдя, чрезвычайно обширенъ у якутовъ; черный медвѣдь считается „царемъ рощъ и лѣсовъ“. О немъ нельзя дурно говорить. Онъ уменъ, какъ человѣкъ, даже умнѣе послѣдняго; „онъ все можетъ, все знаетъ и понимаетъ, и если не говоритъ, то только потому, что не хочетъ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ медвѣдя прямо считаютъ колдуномъ. „Медвѣдь вовсе не звѣрь, а колдунъ; ты бы посмотрѣлъ на медвѣдя, когда съ него снимутъ кожу: женщина, какъ есть женщина, грудь, ноги— все женское“, говорили на Алданѣ г. Сѣрошевскому. Существуютъ преданія о превращеніи людей въ медвѣдей. Празднествъ въ честь убитаго медвѣдя въ настоящее время, кажется, не устраивается, но слѣды ихъ сохраняются въ обычаяхъ при охотѣ на медвѣдя. Наконецъ человѣкъ убившій, медвѣдя, получаетъ даръ лѣчить нѣкоторыя болѣзни [4]).

---

[1]) М. Хангаловъ: Духи-людоѣды у бурятъ, въ Этногр. Обозр. 1896, № 1, стр. 137; см. также Бурятскія сказки въ Зап. Восточн.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по Эт. I, 1, стр. 119.

[2]) Н. М. Ядринцевъ: О культѣ медвѣдя, стр. 110.

[3]) Ibid. стр. 110, 111; Вербицкій: Алтайскіе инородцы. стр.137.

[4]) В. Л. Сѣрошевскій: Якуты, I, стр. 626, 638, 658—660.

Въ представленіяхъ многочисленныхъ инородцевъ медвѣдь является такимъ образомъ сверхъестественнымъ существомъ, какъ и у вогуловъ и остяковъ. Такъ какъ культъ его не позволяетъ предполагать, что поклоненіе медвѣдю возникло изъ зоолатріи, основанной на страхѣ дикаря передъ крупнымъ звѣремъ, борьба съ которымъ является опасной, то намъ предстоитъ разсмотрѣть основныя черты представленій о медвѣдѣ, какъ о существѣ божественномъ, и выдѣлить изъ нихъ черты, сближающія эти вѣрованія съ тотемическими. Что современныя представленія не носятъ непосредственно тотемическаго характера—вполнѣ естественно, такъ какъ тотемизмъ, какъ элементъ вѣрованій, прикрытъ другими, болѣе развитыми религіозными взглядами. Между тѣмъ мнѣніе, что вѣра въ медвѣдя, какъ въ существо сверхъестественное, возникла благодаря развитію тотемическихъ элементовъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ.

Въ системѣ тотемическихъ вѣрованій некультурныхъ народностей чрезвычайно характерны миѳы, легенды и преданія, повѣствующія о дѣятельности того или иного тотемическаго животнаго. Обыкновенно тотемическая группа считаетъ себя происходящей отъ одного общаго родоначальника съ тотемомъ, часто признаетъ послѣдняго своимъ предкомъ. Тотему приписывается благодѣтельное вліяніе на жизнь группы; онъ нерѣдко участвуетъ въ сотвореніи міра, является героемъ-цивилизаторомъ и пр. Къ имени тотема прикрѣпляются разсказы, рисующіе его вообще благодѣтельнымъ для группы существомъ.

Въ настоящее время ни остяки, ни вогулы не признаютъ, насколько можно судить по собраннымъ легендамъ о медвѣдѣ, родственныхъ узъ съ послѣднимъ. Но что нѣкогда, вѣроятно, такое родство между медвѣдемъ и какимъ-нибудь родомъ существовало, доказывается преданіемъ о происхожденіи медвѣдей отъ богатырскаго поколѣнія, населявшаго прежде землю. Эти богатыри были предшественниками людей. Они были спущены съ неба послѣ потопа. О нихъ сохранилась масса преданій: они разселились частью отдѣльными семьями, частью цѣлыми деревнями; дома устраивали изъ камня и изъ земли; богатыри отличались чрезвычайной силой; побѣжденныхъ враговъ своихъ они скальпировали, предавались антропофагіи, съѣдая сердце и печень убитаго и т. п. Въ преданіяхъ о богатыряхъ сохранилось много чертъ древняго быта ино-

родцевъ. Богатыри оказываются родоначальниками вогуловъ: и до настоящаго времени всѣ вогулы ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ богатырей; мало того, даже „многіе изъ родовыхъ и семейныхъ боговъ—ничто иное, какъ именно эти богатыри, признаваемые почему либо покровителями" [1]).

Эти преданія о богатыряхъ проливаютъ свѣтъ на легенду о происхожденіи медвѣдя отъ смѣшаннаго брака дочери (или сына) богатыря съ лѣснымъ духомъ (или дочерью послѣдняго). Они устанавливаютъ связь, существующую между обществомъ людей и медвѣдями. Едва ли возможно сомнѣваться, что при родовомъ характерѣ, которымъ проникнуты легенды о богатыряхъ, преданіе о происхожденіи медвѣдей отъ дочери или сына богатыря имѣло въ прежнее время также родовой характеръ и лишь впослѣдствіи сдѣлалось достояніемъ всего племени: извѣстный родъ, создавшій легенду о происхожденіи медвѣдя, долженъ былъ признавать существованіе родственныхъ узъ между своими членами и медвѣдями. Такимъ образомъ медвѣдь оказывался родственникомъ, а слѣдовательно и тотемомъ опредѣленной группы инородцевъ, такъ какъ узы родства между извѣстнымъ видомъ животныхъ и группой людей оказывается одной изъ основныхъ чертъ тотемизма. Если въ развитіи послѣдняго представленіе, что извѣстный видъ предметовъ, одушевленныхъ или неодушевленныхъ, оказывается тотемами группы людей, предшествуетъ появленію вѣрованія о родственной связи между людьми и ихъ тотемомъ, то, наоборотъ, признаки этихъ родственныхъ узъ заставляютъ поддерживать въ жизни вѣру, что данный видъ предметовъ является духами-покровителями группы, бо́льшею частью рода.

Тотемическому характеру группы легендъ, повѣствующихъ о происхожденіи медвѣдя отъ людей, нисколько не противорѣчитъ введеніе въ нихъ сверхъестественнаго элемента: проклятіе матери, благодаря чему сынъ превращается въ медвѣдя или бракъ человѣка съ лѣснымъ духомъ. Эти элементы неизбѣжно должны были явиться по мѣрѣ упадка тотемическихъ представленій. Разъ миѳологія народа составляетъ его, такъ сказать, научную энциклопедію, отвѣты на вопросы, которые задаетъ себѣ дикарь о причинахъ окружающихъ его явленій, собственной жизни и вѣрова-

---

[1]) Н. Л. Гондатти: Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ, стр. 64.

ній и которые онъ рѣшаетъ сообразно съ уровнемъ своихъ знаній и развитія—онъ долженъ былъ при упадкѣ тотемическихъ вѣрованій поставить себѣ вопросы, какимъ путемъ могъ человѣкъ оказаться въ родствѣ съ медвѣдемъ, какъ могъ появиться медвѣдь, не смотря на свое человѣческое происхожденіе, почему онъ живетъ въ лѣсу и т. д. На всѣ эти и подобные вопросы некультурный умъ легко находитъ себѣ отвѣтъ, вводя элементъ чудеснаго для объясненія сдѣлавшагося для него непонятнымъ своего родства съ медвѣдемъ, равно и культа, который онъ оказываетъ послѣднему: бракъ съ лѣснымъ духомъ объясняетъ и звѣриный видъ медвѣдя, для котораго шкура служитъ лишь внѣшней оболочкой, и фактъ, что медвѣдь живетъ въ лѣсу. Значеніе, придаваемое вообще родительскому проклятію, придетъ на помощь некультурному человѣку, чтобы объяснить, какимъ образомъ человѣкъ могъ оказаться въ родствѣ съ животнымъ: онъ заставилъ, благодаря проклятію, обратиться одного изъ сородичей въ почитаемаго звѣря. Всѣ эти пріемы лишь облегчаютъ дикарю объяснить древніе взгляды и формы культа: не рѣшаясь видоизмѣнить послѣднія, онъ даетъ имъ новое объясненіе, удовлетворяющее его любознательности въ каждый данный моментъ его культурнаго развитія.

Вѣра, что тотемъ оказывается одновременно и героемъ-цивилизаторомъ, чрезвычайно распространена у некультурныхъ племенъ разныхъ материковъ. Если нельзя, конечно, всѣхъ героевъ-цивилизаторовъ сводить непремѣнно къ тотемической основѣ, то тамъ, гдѣ героемъ-цивилизаторомъ оказывается животное, можно видѣть несомнѣнное доказательство тотемизма. Тотемъ—духъ покровитель группы; отъ него люди ожидаютъ только добра и пользы себѣ. Поэтому, когда некультурный умъ поднимаетъ вопросы, откуда онъ получилъ то или иное полезное изобрѣтеніе, онъ отвѣчаетъ на это, что его научилъ тотемъ. Дикарь вообще охотно группируетъ миѳы о происхожденіи полезныхъ изобрѣтеній, о сотвореніи земли, появленіи свѣтилъ и пр. вокругъ именъ своихъ родоначальниковъ, которые въ этомъ качествѣ естественно являются благодѣтельными для своихъ потомковъ существами. Новозеландскій Мауи, самоанскіе Таланги и Ти-ити-и, бакаирскій Кери и Каме [1]) являются единовременно и устроителями міра и лицами,

[1]) Waitz: Anthropologie VI, 257; Turner: Samoa, стр. 209 и слѣд.; Steinen. Unter d. Naturvölkern Brasiliens, стр. 373, 377.

научившими своихъ потомковъ искусству употребленія огня, похитивъ послѣдній у хранившихъ его сверхъестественныхъ существъ. Впрочемъ, тотемическая основа въ Кери и Каме выясняется изъ легенды, что мать ихъ была женой ягуара. Въ случаяхъ, когда въ этой роли героевъ-цивилизаторовъ выступаютъ животныя, слѣдуетъ предположить, что послѣднія признавались за духовъ-покровителей—тотемовъ группы, для пользы которой они предпринимаютъ рядъ трудныхъ подвиговъ, въ томъ числѣ, нерѣдко, добываютъ и огонь для людей; другое объясненіе появленія подобныхъ разсказовъ объ этихъ зооморфныхъ герояхъ едва ли можетъ быть подыскано. Тамъ, гдѣ еще живы тотемическія представленія, тотемическій характеръ этихъ и аналогичныхъ сказаній не подлежитъ никакому сомнѣнію. Роль, которую играетъ волкъ въ качествѣ тотема у многихъ изъ краснокожихъ племенъ Сѣв. Америки, съ легкостью объясняетъ, что именно ему приписывается честь добычи огня на пользу людямъ. У тлинкитовъ священный воронъ—Ель, участвующій въ устроительствѣ міра и похищающій огонь, [1]) оказывается не болѣе, какъ тотемомъ этой народности. Циклъ легендъ, разсказывающихъ о подвигахъ Еля, сводится въ значительной степени къ борьбѣ его съ болѣе старымъ и сильнымъ Ханухомъ (волкомъ). Ель—воронъ былъ покровителемъ, тотемомъ племени вóрона, какъ Ханухъ-волкъ—тотемомъ племени волка. Птица и собака коняговъ, устраивающія землю, творящія море, рѣки и возвышенности, собака алеутовъ, участвующая въ устроительствѣ земли, прерійный волкъ одного изъ племенъ Калифорніи, дающій начало всѣмъ животнымъ и людямъ, создающій землю,—считаются одновременно и предками народности и, слѣдовательно, были его тотемами [2]).

Медвѣдь, приносящій, по вѣрованіямъ остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ огонь для людей или обучающій ихъ искусству обходиться съ огнемъ, принадлежитъ къ числу такихъ-же зооморфныхъ героевъ-цивилизаторовъ, какими оказываются тотемы-животныя у другихъ народностей. Въ этихъ преданіяхъ о медвѣдѣ слѣдуетъ видѣть лишь отголосокъ, быть можетъ, прежде болѣе

---

[1]) И. Веніаминовъ: Зап. объ о-вахъ Уналашкинскаго отдѣла, III, стр. 48.

[2]) Lang: Mythes cultes et religion, стр. 171, 175, 376, 370.

обширнаго цикла тотемическихъ легендъ, группировавшагося вокругъ медвѣдя, частью забытыхъ, частью, какъ преданіе о принесеніи людямъ огня, сдѣлавшихся изъ родового преданія общеплеменнымъ.

Разсказы, сообщающіе о прежней жизни медвѣдя на небѣ, о существованіи на Уралѣ до настоящаго времени перваго медвѣдя, спущеннаго на землю божествомъ, назначеніе послѣднимъ медвѣдя представителемъ добра и справедливости на землѣ, являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тотемическихъ представленій. Эти преданія о медвѣдѣ не только не противорѣчатъ выставляемому нами предположенію о первоначальномъ тотемическомъ значеніи медвѣдя, скорѣе, напротивъ, служатъ лишнимъ косвеннымъ доказательствомъ въ пользу его, такъ какъ представленія о медвѣдѣ въ данномъ случаѣ испытали на себѣ тѣ-же перемѣны, которыя выпадаютъ на долю тотемическимъ животнымъ при религіозномъ развитіи племени и забвеніи первоначальнаго тотемизма. Съ увеличеніемъ населенія группы, съ упадкомъ обособленности отдѣльныхъ тотемическихъ родовыхъ единицъ, прежняя организація, основанная на тотемизмѣ, естественно распадается: часть тотемовъ забывается, часть переходитъ въ божества, мало-по-малу сбрасывающія съ себя теріоморфическія черты, чтобы объединиться въ различныхъ іерархическихъ отношеніяхъ въ общій пантеонъ съ антропоморфными божествами, возникшими изъ другихъ, чѣмъ тотемизмъ, основныхъ элементовъ вѣрованій. Нерѣдко остальныя подраздѣленія племени объединяются культомъ духа-покровителя, бывшаго тотемомъ болѣе сильнаго или многочисленнаго рода; наконецъ, въ то время, какъ тотемы, избранные изъ числа незначительныхъ представителей фауны или флоры, или переходятъ въ божества или забываются, тотемъ—крупный представитель мѣстной фауны продолжаетъ обращать на себя особое вниманіе и, слѣдовательно, пользоваться ея поклоненіемъ. Религіозныя ассоціаціи, встрѣчающіяся у нѣкоторыхъ дикарей [1]) и объединяющія не родственниковъ культомъ одного духа-покровителя, могли сыграть роль фактора, способствующаго переходу тотема въ національное божество. Какъ бы то ни было, но съ развитіемъ религіозныхъ представленій, идущихъ параллельно съ развитіемъ племени, исключитель-

[1]) Fraser, Totemism, стр. 49—51.

ность культа, миѳовъ и вѣрованій, вытекающихъ изъ родовой организаціи, падаетъ сама собой, и родовая, племенная религія или культъ дѣлаются локальными или національными. Бывшій тотемъ или выростаетъ въ высшее существо, представителя высшей идеи справедливости, насколько эта послѣдняя доступна некультурному уму, или занимаетъ извѣстное подчиненное мѣсто въ общей іерархіи боговъ. Ель у тлинкитовъ превратился въ высшее существо, хотя и не главное въ ихъ пантеонѣ: прежде господствовавшее вѣрованіе о родственныхъ узахъ, соединяющихъ всѣхъ членовъ рода во́рона со всѣми во́ронами, постепенно превратилось въ представленіе, что надъ всѣми во́ронами поднимается главный во́ронъ, божественное существо, родоначальникъ, не вполнѣ освободившійся еще отъ своихъ орнитоморфныхъ атрибутовъ. Въ Африкѣ, среди населенія Золотаго берега, сравнительно еще живы тотемическія представленія: отдѣльныя родовыя группы признаютъ своимъ родоначальникомъ то или иное животное, напр. буйвола, собаку, леопарда, попугая или растеніе, и воздерживаются отъ употребленія въ пищу своего тотема-родоначальника. Одновременно съ существованіемъ тотемизма нѣкоторые тотемы, однако, уже превратились въ божества, пользующіяся поклоненіемъ въ качествѣ локальныхъ территоріальныхъ боговъ; они сохраняютъ, однако, еще ясные слѣды своего происхожденія отъ животныхъ-тотемовъ. Въ народномъ представленіи они утратили уже свой теріоморфный характеръ, но ихъ продолжаютъ представлять, хотя въ человѣческомъ образѣ, но съ нѣкоторыми атрибутами животныхъ; такъ, напр., Таби, одинъ изъ морскихъ боговъ, представляется въ видѣ человѣка, лѣвая рука котораго, однако, замѣнена плавникомъ акулы; морская богиня Аинфва имѣетъ человѣческій видъ, но покрыта подобно козѣ бѣлой шерстью [1]). Происхожденіе подобныхъ не вполнѣ антропоморфизированныхъ территоріальныхъ божествъ, культъ которыхъ не переходитъ за предѣлы опредѣленной территоріи, изъ родовыхъ тотемовъ животныхъ можетъ считаться въ настоящее время доказаннымъ: наиболѣе рельефные примѣры подобнаго перехода тотемовъ въ территоріальныя, полузооморфныя, полу-антропоморфныя божества представляютъ, какъ извѣстно, локальные культы древняго Египта.

[1]) Ellis: The Tschi-speaking peoples, стр. 44, 48, 204 и слѣд.

Переходъ прежнихъ тотемическихъ божествъ въ національныя, племенныя божества можно съ наглядностью наблюдать среди народностей Африки, образовавшихъ государственныя организаціи на Невольничьемъ берегу. Тотемизмъ еще существуетъ среди населенія какъ явленіе жизненное: мы тамъ встрѣчаемъ также рода, производящіе себя отъ животныхъ (леопарда, льва, змѣи, крокодила и пр.) и соблюдающіе тотемическіе обряды. Но въ то же время населеніе всего племени объединяется поклоненіемъ опредѣленнымъ племеннымъ божествамъ, при чемъ тотемическое происхожденіе нѣкоторыхъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сами эти божества пользуются поклоненіемъ въ лицѣ животныхъ, которыя считаются ихъ инкарнаціей. Къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, извѣстный культъ змѣи въ Дагомеѣ, сдѣлавшійся изъ тотемическаго божества національнымъ, равно и бывшій въ королевствѣ Вида культъ крокодила. Этотъ послѣдній во времена самостоятельнаго существованія королевства пользовался особымъ поклоненіемъ: его можно назвать государственнымъ божествомъ. У королевскаго дворца находились двѣ лужи, въ которыхъ содержались крокодилы; для служенія имъ были назначены многочисленные жрецы. Съ паденіемъ королевства крокодилъ изъ государственнаго божества перешелъ въ разрядъ второстепенныхъ: ему оказываютъ культъ лишь члены тотемическаго рода крокодила и лица, которыя живутъ у лагунъ [1]). Главное божество бушменовъ, Кагнь, къ которому они обращаются съ молитвами во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни, обнаруживаетъ свое прежнее, очевидно тотемическое происхожденіе изъ саранчи, надѣленной, какъ и всѣ тотемы дикарей, сверхъестественными способностями. Австралійскій Пунджель (орелъ-соколъ) выросъ въ высшее существо представителя справедливости, но еще не всюду утратилъ своей орнитоморфной природы; происхожденіе его изъ тотема доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что орелъ-соколъ и до настоящаго времени оказывается виднымъ кобангомъ (тотемомъ) во многихъ мѣстахъ Австраліи. Заяцъ у альгонкиновъ выросъ, повидимому, въ высшее существо изъ простого тотема: онъ принималъ участіе въ сотвореніи міра, онъ живетъ на восходѣ солнца, къ нему переходятъ души умершихъ краснокожихъ. Культъ Великаго зайца очень рас-

[1]) A. B. Ellis. The Ewe-speaking peoples, стр. 54, 71, 100.

пространенъ, и родъ, имѣвшій его въ качествѣ своего тотема, окружался особымъ почетомъ [1]).

Переходъ тотема въ высшее божество, государственное или національное, можно наблюдать и въ древней Перуанской монархіи. Послѣ того какъ Куновымъ была доказана родовая организація, лежавшая въ основѣ государственнаго строя древняго Перу, свѣдѣнія, сообщаемыя Гарцилассо де-ла-Вега о нѣкоторыхъ вѣрованіяхъ прежняго населенія, представляются въ новомъ освѣщеніи. Гарцилласо отмѣчаетъ, что каждый индѣецъ только тогда пользовался уваженіемъ, когда онъ *происходилъ* отъ рѣки, медвѣдя, орла, кондора и т. д., что нѣкоторые обоготворяли сардинку, акулу, крабби, летучую мышь и пр. Мы въ правѣ, зная родовой характеръ устройства Перуанскаго государства, видѣть въ этихъ свѣдѣніяхъ живыя свидѣтельства тотемизма, не уничтоженнаго, какъ это удостовѣрено другими испанскими писателями, и послѣ покоренія Перу. Такимъ же тотемомъ для рода инковъ, покорившихъ остальные рода и племена, являлось солнце, потомками котораго признавали себя инки. Тотемъ племени покорителей сдѣлался государственнымъ божествомъ, и культъ солнца, какъ главнаго божества, настолько отодвинулъ на второй планъ культъ остальныхъ боговъ другихъ родовыхъ и племенныхъ группъ, вошедшихъ въ составъ Перуанской монархіи, что послѣднюю называли именно благодаря господству этого культа „страной солнца", земнымъ представителемъ котораго признавался инка [2]).

Не умножая примѣровъ подобнаго перехода родовыхъ тотемовъ въ племенныя, локальныя или національныя божества, мы ограничимся замѣчаніемъ, что при развитіи тотема въ божество, послѣднее уже въ зависимости отъ ряда условій можетъ сдѣлаться или главнымъ божествомъ племенной группы, или оказаться въ извѣстной степени зависимости отъ другихъ высшихъ божествъ. Медвѣдь у остяковъ и вогуловъ испыталъ послѣднее, совершенно такъ же, какъ это произошло съ Елемъ тлинкитовъ и многими богами древне-египетскаго пантеона, собакой коняговъ и пр.

---

[1]) Lang: Mythes, cultes et religion, стр. 320—322, 331, 372, 374.

[2]) H. Cunow: Die soziale Verfassung d. Inkareichs, стр. 41, 94 и др.; Lang, Mythes etc., стр. 71, 191.

Нѣкоторая двойственность въ вѣрованіяхъ въ медвѣдя, замѣчаемая у сѣверо-западныхъ сибирскихъ инородцевъ, именно признаніе, что одновременно съ священнымъ значеніемъ всѣхъ медвѣдей надъ ними поднимается главный медвѣдь, тотъ самый, который былъ спущенъ богомъ на землю и который живетъ и показывается иногда на Уралѣ, только подверждаетъ лишній разъ предположеніе о тотемическомъ происхожденіи культа медвѣдя. Едва ли есть основаніе предполагать, что миѳъ о спусканіи медвѣдя на землю подалъ поводъ къ представленію, что на Уралѣ живетъ божественный медвѣдь; скорѣе наоборотъ — вѣрованіе въ существованіе божественнаго медвѣдя въ Уральскихъ горахъ привело къ созданію миѳа, что главный медвѣдь, убитый богатыремъ, не возвратился на небо, какъ это дѣлаютъ по современнымъ вѣрованіямъ инородцевъ духи остальныхъ убитыхъ людьми медвѣдей [1]).

При тотемизмѣ, какъ извѣстно, поклоненіемъ пользуется весь классъ существъ, признаваемыхъ духами-покровителями. Съ развитіемъ народности, по мѣрѣ сложенія ея въ рѣзко обособленныя группы, некультурному уму дикаря, переносящему людскія отношенія на міръ своихъ боговъ, этотъ послѣдній представляется устроеннымъ на тѣхъ же началахъ, какъ и людскія общежитія: надъ всѣми животными, признаваемыми тотемами, поднимается главный тотемъ, какъ старѣйшина, вождь поднимается надъ людской группой; онъ становится олицетвореніемъ всѣхъ тотемическихъ животныхъ извѣстнаго класса, отличается особою силой, близостью къ богамъ, т. е. обладаетъ тѣми же качествами, какими обыкновенно обладаетъ и вождь въ общежитіяхъ дикарей, часто являющійся и шаманомъ-колдуномъ. Этотъ главный тотемъ такимъ образомъ вырастаетъ въ главное видовое божество, или управляющее остальными тотемическими животными даннаго вида, или одухотворяющее остальныхъ тотемовъ. Такимъ божественнымъ вброномъ является Ель тлинкитовъ, выдѣленный изъ группы остальныхъ тотемовъ-вброновъ. Приводимое Тэйлоромъ [2]) вѣрованіе у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ краснокожихъ, что „всѣ животныя каждаго вида имѣютъ старшаго брата, который служитъ какъ бы началомъ и корнемъ всѣхъ другихъ особей“,

---

[1]) Patkanow: Die Irtysch-Ostjaken., стр. 131.
[2]) Тэйлоръ, Первобытная культура, II, стр. 288.

очевидно, происходитъ благодаря тому же процессу постепеннаго выдѣленія изъ группы тотемовъ главнаго представителя послѣднихъ. Упомянутое выше вѣрованіе остяковъ и вогуловъ должно быть, на нашъ взглядъ, отнесено къ этой же категоріи религіозныхъ представленій.

Вѣрованіе бурятъ и якутовъ, что шаманы имѣютъ медвѣдя въ числѣ своихъ духовъ-покровителей, образъ которыхъ они могутъ принимать,—служитъ доказательствомъ, что и у этихъ народностей культъ медвѣдя стоитъ въ связи съ тотемизмомъ. Шаманъ, по представленіямъ нецивилизованныхъ расъ, обладаетъ обыкновенно способностью къ превращеніямъ именно въ своего личнаго или родового тотема. Съ упадкомъ тотемизма среди народности, онъ сохраняется обыкновенно въ представленіяхъ о дѣятельности шамановъ. Личные духи-покровители шамановъ якутовъ, о которыхъ сообщены обстоятельныя свѣдѣнія г. Сѣрошевскимъ [1]), доказываютъ наглядно, что мы имѣемъ дѣло съ сохранившимся представленіемъ о личныхъ тотемахъ, основа которыхъ однако, можетъ-быть, таится въ родовомъ тотемическомъ устройствѣ: это подтверждается между прочимъ встрѣченнымъ повѣрьемъ, что хотя шаманскій даръ и не наслѣдственный, однако „въ роду, гдѣ разъ объявился шаманъ, онъ уже не переведется; его ӓмӓгять (духъ-покровитель) послѣ смерти послѣдняго старается преимущественно поселиться въ кого-либо, принадлежащаго къ агауса (отцовскому роду) покойника“. Въ противуположность якутамъ, у которыхъ шаманы превращаются въ различныхъ животныхъ, смотря по тому, какой видъ животнаго имѣетъ ихъ духъ-покровитель,—бурятскіе шаманы имѣютъ всѣ способность превращаться въ медвѣдя: это вѣрованіе слѣдуетъ очевидно считать остаткомъ болѣе древнихъ представленій, измѣненныхъ въ томъ отношеніи, что на наиболѣе сильнаго и могущественнаго тотема была перенесена впослѣдствіи привилегія спеціальнаго покровительствованія шаманамъ, и утратой другими представителями мѣстной фауны ихъ прежняго, древняго, священнаго значенія.

Предположеніе, что медвѣдь нѣкогда считался тотемомъ той или иной родственной группы и впослѣдствіи перешелъ въ обоготворяемое всѣми представителями племени существо, что культъ

1) Сѣрошевскій. Якуты, стр. 625 и слѣд.

медвѣдя въ своемъ первоисточникѣ происходитъ изъ тотемизма, можетъ быть признано только подъ условіемъ существованія нѣкогда вообще тотемизма среди остяковъ и вогуловъ, равно и другихъ инородцевъ Россіи. Изслѣдователи однако мало обращали вниманія на остатки этой группы религіозныхъ представленій, вслѣдствіе чего свѣдѣнія, доказывающія существованіе тотемизма въ прежнее время у русскихъ инородцевъ, крайне ограничены. Несмотря на это, ихъ все же достаточно, чтобы подтвердить положеніе, что и русскіе инородцы, какъ и большинство народностей, не миновали въ своемъ религіозномъ развитіи и тотемизма. Характерными признаками бывшихъ нѣкогда тотемическихъ представленій должны считаться: 1) разсказы, повѣствующіе о происхожденіи племени или рода отъ животнаго или растенія, и 2) запрещеніе употреблять въ пищу животное, отъ котораго группа производитъ себя. И тотъ и другой признакъ мы встрѣтимъ среди инородцевъ Россіи.

У тюрковъ и монголовъ распространено вѣрованіе о происхожденіи обоихъ племенъ отъ волковъ. Такъ, по преданію тюрковъ, сохраненному китайскими историками, праотецъ тюрковъ (тукю) былъ родомъ изъ владѣнія Со. „Одинъ изъ его потомковъ, родившійся отъ волчицы и одаренный сверхъестественными качествами, имѣлъ двухъ женъ: дочь духа неба и дочь духа земли. Отъ первой у него родилось 4 сына, изъ которыхъ одинъ превратился въ лебедя“. Другое преданіе, сохраненное также китайцами, производитъ тюрковъ отъ „волчицы и десятилѣтняго мальчика, уцѣлѣвшаго отъ истребленнаго врагами рода кунновъ и брошеннаго съ отрубленными руками и ногами; волчица питала его, пока враги не свѣдали о чудесномъ сохраненіи жизни юноши и не убили его; тогда волчица удалилась въ окруженную со всѣхъ сторонъ непроходимыми горами долину и родила тамъ 10 сыновей, отъ которыхъ произошли турки-тюгу“. Легенда о происхожденіи монголовъ гласитъ, что они произошли отъ небомъ рожденнаго бураго волка и сивой лани [1]). Оба предка монголовъ, восточныхъ и западныхъ, по другому варьянту, считаются братьями и сыновьями „Бюртечино“, т. е. синяго волка, по преданію, предка Чингисханова“ [2]).

---

[1]) Н. А. Аристовъ. Замѣтки объ этнограф. составѣ тюркскихъ племенъ, Живая Старина, 1897, вып. 3—4, стр. 278, 281.

[2]) А. А. Ивановскій. Монголы-торгоуты, стр. 2.

Въ связи съ преданіемъ объ обращеніи въ лебедя одного изъ сыновей предка тюрковъ, слѣдуетъ поставить, что тюрки, живущіе по р. Лебеди (притоку Біи), называютъ себя Ку-кши т. е. „люди-лебеди“ [1]), совершенно такъ же, какъ, напр., населеніе Невольничьяго берега, раздѣленное на тотемическіе союзы, называетъ себя Кродо́, „народъ (племя, родъ) леопарда“, Ело-до́ „народъ (племя, родъ) крокодила“ и т. д., или бегуаны, Ба-куена—„люди-крокодилы“, Ба-тлапи—„люди-рыбы“, Ба-нареръ—„люди-буйволы“ и пр. [2]).

Принимая во вниманіе вышеприведенныя тотемическія преданія о происхожденіи тюрковъ и монголовъ, мы не должны удивляться, что слѣды тотемизма сохранились въ качествѣ переживаній среди якутовъ и бурятъ. Тотемическій характеръ носятъ прежде всего разсказы о происхожденіи людей отъ коня: богъ сначала сотворилъ коня, отъ него произошелъ полу-конь, полу-человѣкъ, а уже отъ послѣдняго родился человѣкъ [3]).

Еще Страленбергъ отмѣчаетъ, что у якутовъ каждый родъ считаетъ священнымъ какое-нибудь существо—лебедя, гуся, ворона; это священное животное не употребляется въ пищу членами даннаго рода, но члены другихъ родовъ, имѣющихъ другихъ священныхъ животныхъ, могутъ ихъ ѣсть [4]). До настоящаго времени нѣкоторые якутскіе рода называются по именамъ животныхъ, напр.: сасылъ—лисица, эсе—медвѣдь, кукакы—дятелъ [5]).

Слѣды тотемическихъ вѣрованій якутовъ сказываются наглядно въ сообщаемомъ г. Щукинымъ представленіи ихъ, что между человѣчествомъ и божествомъ существуетъ ходатай, или повѣренный, который принимаетъ молитвы людей, возноситъ ихъ къ богамъ и сообщаетъ людямъ волю послѣднихъ; имя этого ходатая—*эехситъ*. Въ каждомъ родѣ якутовъ эехситъ „пребываетъ въ видѣ бѣло-голубого или косматаго жеребца, во̀рона, орла, журавля и т. п. Каждый родъ чтитъ своего ходатая и не употребляетъ олицетвореніе его въ пищу“ [6]).

---

1) Н. А. Аристовъ, l. c., стр. 279.

2) Ellis: The Ewe-speaking peoples, стр. 100. Lang, Mythes etc., стр. 67.

3) Сѣрошевскій: Якуты, стр. 263.

4) Strahlenberg: Nord u. östliche Theil v. Europa u. Asia—въ Изв. О. Арх., Ист. и Этн. при Казан. ун. XI, 43, стр. 244.

5) Сѣрошевскій: Якуты, стр. 470.

6) Щукинъ: Якуты, стр. 17, въ Ж. М. Вн. Д. 1854, VII.

Преданіе якутовъ, заимствованное г. Аристовымъ изъ „Сѣвернаго Архива“ 1822 г. [1]) и сообщающее, что жена верховнаго бога якутовъ, Аръ-тоіона—„милостиваго господина“, явилась предкамъ якутовъ въ видѣ лебедя, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ не употребляютъ лебедя въ пищу, очевидно, стремится объяснить сдѣлавшееся непонятнымъ для самихъ якутовъ возникшее изъ тотемической основы запрещеніе ѣсть лебедя.

Среди бурятскихъ родовыхъ сказаній встрѣчаются и носящія несомнѣнные слѣды тотемизма. Такъ, напр., племена булагаты и экириты производятъ себя отъ двухъ родоначальниковъ, изъ которыхъ Булагатъ былъ рожденъ дочерью Тайжи-хана отъ связи съ Буха-ноёнъ-бабаемъ, принявшимъ видъ темно-сѣраго пороса, и впослѣдствіи вскормленъ послѣднимъ. Экиритъ былъ усыновленъ одною шаманкой; онъ прежде жилъ въ рѣкѣ, и когда еще былъ маленькимъ, его воспитывала рыба, пестрый налимъ; „поэтому пестрый налимъ называется его отцомъ; щель берега служила ему колыбелью, поэтому считается матерью Экирита“. Происхожденіе обычая не употреблять въ пищу лебедя нѣкоторыми бурятами объясняется тѣмъ, что одинъ изъ ихъ родоначальниковъ женился на дѣвицѣ сверхъестественнаго происхожденія, имѣвшей способность превращаться въ лебедя: онъ похищаетъ ея лебединую одежду, этимъ получаетъ власть надъ ней, беретъ ее въ жены, приживаетъ съ ней 13 сыновей, послѣ чего лебедь выпрашиваетъ свою одежду у мужа и снова улетаетъ. Въ преданіи о происхожденіи кости Шаранутъ, несмотря на позднѣйшее искаженіе, слѣды тотемизма едва ли подлежатъ сомнѣнію: буряты этой кости, по преданію, произошли отъ незаконнаго сына одной дѣвушки, котораго послѣдняя привязала къ хвосту соловаго жеребца и отпустила. Узелъ развязался и мальчикъ упалъ; выросши, онъ женился и сдѣлался родоначальникомъ шаранутской кости, о которой и теперь буряты говорятъ, что ихъ бурханъ соловый жеребецъ. Названіе Шаранутъ сокращено изъ Шарганутъ, „соловенькіе“, отъ шарги—соловый [2]).

Въ качествѣ остатковъ тотемическихъ вѣрованій у остяковъ

---

[1]) Н. А. Аристовъ, l. c., стр. 335, примѣч.

[2]) Сказнія бурятъ—въ Зап. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по отд. этнографіи, I вып. 2. стр. 89-90, 94 и слѣд., 114, 125.

и вогуловъ можно указать на почитаніе ими нѣкоторыхъ животныхъ, какъ напримѣръ: лебедя, филина, щуки и проч. Въ этихъ животныхъ превращаются боги. По вѣрованію инородцевъ, во главѣ политеистическаго пантеона стоитъ нуми-торумъ (явныхъ-торумъ); вокругъ него группируются его сыновья. Нѣкоторые изъ послѣднихъ имѣютъ способность превращаться въ животныхъ и, повидимому, пользуются въ лицѣ своихъ зооморфныхъ изображеній локальнымъ культомъ, на происхожденіе котораго изъ родового культа нами было уже указано. Такъ, напримѣръ, по словамъ г. Гондатти, въ Сома-паулѣ почитаютъ изображеніе гагары, въ Аныевскихъ юртахъ—чайки, въ Тоболдинскихъ—лягушки. Новицкій упоминаетъ, что у остяковъ „иные поклоняются кумиру по подобію звѣриному, *наипаче медвѣдя*, иные же въ подобіе птицъ: лебедя, гуся и всякъ по своему пристрастію“ [1]).

Одинъ изъ сыновей Нуми въ минуты опасности принималъ видъ гуся и улеталъ; этимъ и объясняются, по справедливому мнѣнію г. Гондатти, такъ часто встрѣчающіяся среди священныхъ предметовъ изображенія гусей изъ золота, серебра или другого металла. Но этотъ же богъ представляется уже въ человѣческомъ видѣ. Мѣстомъ пребыванія его признается священное урочище около Троицкихъ юртъ, на Оби; къ этому урочищу каждый инородецъ считаетъ необходимымъ отправиться въ три года разъ на поклоненіе или, по крайней мѣрѣ, послать туда дары [2]). Въ образѣ гуся является людямъ это божество, одно изъ наиболѣе могущественныхъ, по вѣрованіямъ остяковъ [3]). Идолъ его въ Бѣлогорскихъ юртахъ въ началѣ XVIII вѣка имѣлъ свое капище, „Скверное жилище“, по словамъ Гр. Новицкаго, и былъ изваянъ изъ мѣди на подобіе гуся [4]).

Другой сынъ Нуми принималъ во время опасности видъ чайки; еще одинъ изъ сыновей того же божества, живущій въ Обской губѣ при взморьѣ, имѣетъ видъ щуки. Щука считается „священнымъ животнымъ“, при чемъ у прииртышскихъ остяковъ за таковыхъ считаются не всѣ щуки, а только нѣкоторыя, живущія въ

[1]) Новицкій: Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 47.
[2]) Н. Л. Гондатти: Слѣды языч. вѣрованій у маньзовъ, стр. 51, 56.
[3]) Patkanow: Die Irtisch-Otjaken, стр. 102, 131.
[4]) Новицкій: Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 57.

глубинахъ, отличающіяся своею старостью и имѣющія особенно большія головы [1]).

Аясъ-торумъ, также одинъ изъ сыновей Нуми, живетъ около моря при устьѣ Оби и можетъ мѣнять человѣческій видъ на лебединый. Онъ женился на дочери великана, обладавшаго способностью превращаться въ сороку; добываніе невѣсты происходило при содѣйствіи младшаго брата Аясъ-торума, имѣвшаго способность превращаться въ ястреба [2]). Въ видѣ лебедя улетаетъ отъ преслѣдованій и извѣстный покровитель рыбъ Обскій старецъ, имѣвшій свое мѣстопребываніе въ капищѣ недалеко отъ Самарова, при сліяніи Иртыша съ Обью; его идолъ имѣлъ видъ человѣка, но когда миссіонеры рѣшили его сжечь, остяки ему приписали чудо: „сожигаемаго убо зряще кумира, притвориша себе видѣти отъ пламене подобіемъ лебедя излетѣвшаго, и вездѣ лестцы и лжеслужителіе разсѣяша плевелы сіи“ [3]).

Наконецъ, одинъ изъ сыновей Нуми-торума появляется на свѣтъ въ видѣ лягушки, вырѣзанной изъ налима. Въ этомъ преданіи мы имѣемъ уже совершенно ясный примѣръ родового тотемическаго разсказа, такъ какъ оно связано съ легендами о богатыряхъ. Въ награду одному изъ богатырей за его мирный нравъ Нуми-торумъ посылаетъ своего сына. Богатырь идетъ ловить рыбу и приноситъ домой только одного налима; разрѣзавъ послѣдняго, онъ находитъ лягушку, которая заплакала, какъ живой ребенокъ; богатырь кладетъ лягушку въ люльку, воспитываетъ ее вмѣстѣ со своей женой, и лягушка, бывшая воплощеніемъ одного изъ сыновей Нуми, вскорѣ вырастаетъ въ могучаго богатыря, получившаго то же имя, какъ и его воспитатель. Послѣдняя подробность указываетъ на тотемическій характеръ преданія, такъ какъ тождество именъ воспитателя и воспитанника, происшедшаго изъ лягушки, находившейся во внутренностяхъ налима, свидѣтельствуетъ о бывшемъ прежде отождествленіи обѣихъ личностей. При родовомъ характерѣ сказаній о богатыряхъ у вогуловъ, мы въ правѣ видѣть въ приведенной легендѣ разсказъ о чудесномъ рожденіи родоначальника-животнаго, впослѣдствіи обоготвореннаго и обратившагося, на ряду съ другими полузооморф-

---

1) Patkanow, l. c. стр., 56, 57.

2) Гондатти, l. c., стр. 57.

3) Новицкій: Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 71.

ными, полуантропоморфными родоначальниками, въ сыновей главнаго божества. Мѣсто его подвиговъ въ борьбѣ съ враждебными духами пользуется особымъ поклоненіемъ населенія, при чемъ на родовой характеръ культа указываетъ, между прочимъ, и то, что даже въ настоящее время доступъ къ святилищу этого бога на Сосьвѣ запрещенъ женщинамъ [1]).

Локальный характеръ культа этихъ божествъ, способность къ превращеніямъ ихъ во то или другое животное, изображеніе самихъ божествъ, даже по совершившейся уже антропоморфизаціи ихъ, у остяковъ и вогуловъ иногда въ образѣ животныхъ— не оставляютъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ остаткомъ зоолатріи, основанной на тотемизмѣ: боги—птицы, рыбы и т. д. постепенно утрачиваютъ свой древній теріоморфный обликъ, группируются въ пантеонъ, въ семью боговъ, находящуюся подъ управленіемъ отца, и изъ исключительно родовыхъ дѣлаются племенными богами, пользующимися однако нерѣдко лишь локальнымъ культомъ и имѣющими опредѣленное мѣстопребываніе—въ урочищахъ, гдѣ стоятъ ихъ, въ настоящее время уже антропоморфные, идолы. Святилища, бывшія прежде очевидно родовыми, съ развитіемъ племенного единства, утратили свой прежній узкородовой характеръ. Если относительно происхожденія этихъ божествъ изъ родовыхъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, то самый фактъ почитанія цѣлаго вида животныхъ родомъ можетъ быть объясненъ тотемизмомъ. Въ настоящее время, когда языческія вѣрованія, достигши значительной степени развитія, сохраняются только въ качествѣ старины у оффиціально обращенныхъ въ христіанство остяковъ и вогуловъ, мы не въ правѣ ожидать, чтобы вытекающее изъ тотемизма запрещеніе употреблять въ пищу тотема могло ослабить жизненные слѣды въ бытѣ указанныхъ народовъ. Инородцы употребляютъ въ пищу гусей, собираютъ и ѣдятъ лебединыя яйца. Употребляютъ ли они въ пищу лебедя или нѣтъ, намъ неизвѣстно. Но весьма важно, что по представленіямъ остяковъ употребленіе лебедя въ пищу считается грѣхомъ: вымираніе остяковъ въ Майковскихъ юртахъ объясняется населеніемъ Темлячевской волости какъ наказаніе за совершеніе подобнаго святотатственнаго поступка [2]). Что нѣкогда тотемизмъ не былъ чуждъ

[1]) Н. Л. Гондатти, l. c. стр. 58, 59.

[2]) Patkanow, l. c, стр. 131

и другимъ финнамъ, доказывается, между прочимъ, и интереснымъ фактомъ, сообщаемымъ г. Богаевскимъ, [2]) что вотяцкое названіе одного изъ родовъ—Юсь —значитъ лебедь. Племенное имя у вотяковъ является одновременно и именемъ ихъ родового духа покровителя (воршудъ, мудоръ). Далѣе, самъ духъ-покровитель считается обыкновенно родоначальникомъ или родоначальницей даннаго рода; такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что родъ Юсь, имѣющій и духа-покровителя того же имени, долженъ былъ въ отдаленное время признавать свое происхожденіе отъ лебедя, что безспорно свидѣтельствуетъ о тотемизмѣ. Въ связи съ этимъ можетъ быть поставленъ описанный Н. Аѳанасьевымъ[1]) „праздникъ лебедей" у вотяковъ-язычниковъ Мамадышскаго уѣзда. Черезъ каждые 2 года вотяки пріобрѣтаютъ въ началѣ весны пару лебедей (самца и самку), платя иногда за нихъ до 100 рублей, откармливаютъ ихъ и пріучаютъ къ людямъ. Въ первыхъ числахъ іюля въ присутствіи этихъ лебедей совершается торжественное жертвоприношеніе въ керемети, во время котораго закалываются лошади, коровы, овцы, гуси и т. п. Во время праздника лебеди находятся въ керемети; по окончаніи торжества имъ привязываютъ на шею шелковымъ снуркомъ по серебряному рублю, кланяются имъ и на парѣ лошадей торжественно отправляютъ съ провожатыми на р. Вятку. Здѣсь послѣ новыхъ поклоновъ ихъ спускаютъ въ воду. Хотя въ настоящее время это празднество доступно всѣмъ, хотя по вѣрованіямъ вотяковъ лебеди считаются *представителями* отъ боговъ, изъ которыхъ Пидзымъ-Ильмаръ, Пси-Ильмаръ и Колгынъ-Ильмаръ присутствуютъ на праздникѣ, едва ли этотъ видъ зоолатріи можно объяснить иначе, чѣмъ слѣдомъ древняго тотемическаго празднества.

Весьма извѣстнымъ проявленіемъ тотемизма можетъ считаться обычай татуировать фигуру, изображающую тотема. Этотъ обычай встрѣченъ въ сравнительно значительномъ количествѣ случаевъ у разныхъ народовъ земного шара [1]). Повидимому, онъ не былъ чуждъ и сѣверо-западнымъ сибирскимъ инородцамъ. Григ.

---

[1]) П. М. Богаевскій: Очеркъ религіозныхъ вѣрованій вотяковъ. („Этнографическое Обозрѣніе" 1890).

[2]) Аѳанасьевъ: Праздникъ лебедей у вотяковъ-язычниковъ Мамадышскаго у.—въ Изв. И. Р. Г. О. У, 1881, стр. 281—286.

[3]) Ср. Frazer: Totemism стр. 28—20.

Новицкій упоминаетъ объ обычаѣ остяковъ татуировать „на руцѣхъ или нозѣ или на персѣхъ“ „знаменія нѣкая“, представляющія преимущественно птицъ и звѣрей. Эти рисунки, сдѣланные посредствомъ втиранія въ тѣло сажи въ проколы иглой, остаются на всю жизнь и служатъ имъ вмѣсто украшеній. Изображеніе этихъ же рисунковъ замѣняли подписи: „и сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто подписанія рукою своею черты своя выписуютъ и заемная утверждаютъ писанія“ [1]).

Палласъ, сообщая объ обычаѣ остячекъ татуировать тѣло, замѣчаетъ, что то же дѣлаютъ и мужчины, но только на однѣхъ кистяхъ, „и оные знаки, продолжаетъ онъ, записываются въ ясашную книгу, что у нихъ такъ, какъ и у другихъ безграмотныхъ народовъ, столько же важитъ, сколько рукой подписаться“ [2]). Остяки вмѣсто подписи начертывали фигуру, изображенную на тѣлѣ. Г. Оглобинъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о характерѣ рисунковъ, которые инородцы, въ томъ числѣ и остяки, прикладывали на офиціальныхъ докладахъ [3]), такъ что, сопоставляя матеріалъ, добытый г. Оглобинымъ изъ древнихъ актовъ, съ вышеприведенными словами Палласа, мы можемъ составить себѣ представленіе о рисункахъ, которые остяки татуировали себѣ. Впрочемъ часть клеймъ могла быть заимствована и другимъ путемъ; такъ, напр., въ документахъ, изслѣдованныхъ г. Оглоблинымъ, указывается иногда, откуда заимствуется „знамя“: напр. „знамя Абоково—имя, что на оленѣ пятно“, или „знамя Асиково, имя—на лѣвой рукѣ ево топоромъ посѣчено“. Но, напр., въ Березовскомъ сыскѣ 1642 г. встрѣчаются при нѣкоторыхъ знаменахъ, отличающихся простотой — именно изображающихъ линію (прямую или косыя)—слѣдующее объясненіе, намекающее на татуировку: напр. „знамя..., имя ему рубецъ, порѣзано на рукѣ“.

Подъ остяками въ XVII в. подразумѣвались, повидимому, и другіе инородцы; но такъ какъ значительная часть открытыхъ и опубликованныхъ г. Оглоблинымъ остяцкихъ „знаменъ“ принадлежитъ инородцамъ Березовскаго, Сургутскаго и Нарынскаго окру-

---

1) Новицкій: Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 33.

2) Палласъ: Путешествіе, III. пол. 1-ая, стр. 53.

3) Н. Н. Оглоблинъ: Остяцкія знамена XVII в. (Истор. Вѣстн. 1889 г. № 10) и Знамена сиб. инородцевъ XVII в. (Екатеринбургская Недѣля, 1891, № 4).

говъ, мы въ правѣ признать, что такія знамена принадлежатъ остякамъ въ этнографическомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ указанные округа являются до извѣстной степени и коренною областью обитанія представителей этой народности.

Остяцкія знамена весьма часто изображаютъ животныхъ (напр. медвѣдя, выдру, соболя, бобра, лисицу, россомаху оленя), птицъ (напр. орла, филина, тетерева, журавля), рыбъ, змѣй, лягушку. Едвали можно предполагать, что во время, отъ котораго дошли изслѣдованные г. Оглоблинымъ документы, эти изображенія, если они были татуированы, имѣли значеніе тотемическое, т. е. изображенія духа-покровителя: одновременно съ упомянутыми изображеніями встрѣчаются и человѣческія фигуры, деревья, лукъ со стрѣлою, посохъ, костыль острый, весла, мѣсяцъ, солнце и пр. Вѣроятнѣе всего, что въ XVII в. эти изображенія имѣли лишь характеръ украшеній. Но на ихъ первоначальное религіозное значеніе указываетъ то, что значительная часть изображаемыхъ животныхъ имѣла въ глазахъ остяковъ священный характеръ, напр. филинъ, тетеревъ, змѣя, лягушка и т. д., такъ какъ въ настоящее время они еще считаются священными въ глазахъ остяковъ. На это-же указываетъ и употребленіе интересныхъ клеймъ, изображающихъ очевидно боговъ и идоловъ: первые въ объясненіи клеймъ отмѣчены подъ названіемъ „шайтанова рожа“, причемъ подъ именемъ шайтанъ очевидно не слѣдуетъ разумѣть представителя нечистой силы, по мнѣнію остяковъ, а языческое божество, или антропоморфнаго фетиша лишь въ глазахъ русскихъ считаемаго, какъ и всѣ языческія божества, бѣсомъ, шайтаномъ. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что напр. объяснительная надпись при одной „шайтановой рожѣ“ гласитъ: „знамя Шила Кодаева сына, имя ему—болванъ (истуканъ)“ [1]). Большинство клеймъ имѣетъ личный характеръ, такъ что каждый остякъ имѣлъ свое клеймо. Если мы предположимъ, что остяки, татуируя себя и изображая фигуру священнаго животнаго, дѣлали это первоначально изъ соображеній религіозныхъ, вѣроятнѣе всего придется признать въ этихъ изображеніяхъ рисунокъ того животнаго, которое остякъ считалъ своимъ личнымъ духомъ-покровителемъ—тотемомъ. Обычай татуированья своего духа-

[1]) Оглоблинъ: Остяцкіе знамена, Ист. В. 1889, X, стр. 147.

покровителя, съ упадкомъ тотемизма, долженъ былъ утратить свой смыслъ и сохранился въ качествѣ наслѣдія старины, при чемъ татуируемый избиралъ для рисунка не только извѣстныхъ животныхъ, но и различные предметы.

Другое значеніе имѣютъ „волостныя знамена", встрѣченныя г. Оглоблинымъ однако лишь въ крайне ограниченномъ количествѣ. На сыскѣ 1682 г. ясашный остякъ Кораконской волости Кытынбакъ Улусовъ прикладываетъ „волостное свое знамя—орелъ", остякъ Лункупольской волости П. Сычеминъ „за себя и вмѣсто товарищей своихъ приложилъ волостное свое знамя—ель", наконецъ „на томъ же сыскѣ помѣщено волостное знамя Салымской волости—соболь" и пр. При родовомъ характерѣ, которымъ проникнутъ былъ общественный строй остяковъ до послѣдняго времени, „волостныя знамена" вѣроятнѣе всего совпадали съ родовыми клеймами; если же роду служило клеймомъ изображеніе того или иного звѣря, вѣроятнѣе всего предположить, что онъ считался духомъ-покровителемъ данной родственной, впослѣдствіи быть можетъ территоріальной группы. По предположенію г. Сѣрошевскаго [1]), названія якутскихъ родовъ Сасыль—лисица Эсе—медвѣдь и т. д. указываютъ приблизительно, какія могли быть у нихъ знамена, въ настоящее время, съ упадкомъ родоваго быта, забытыя якутами совершенно такъ же, какъ и боевой крикъ каждаго рода (уранъ).

Зная, что въ продолженіи родовъ по именамъ животныхъ, слѣдуетъ видѣть слѣды тотемизма, мы вынуждены признать, что въ родовомъ знакѣ якутовъ, если онъ изображалъ животное, названіе котораго носилъ родъ, изображался тотемъ послѣдняго.

Не настаивая на предположеніи, что личныя и волостныя клейма остяковъ и якутовъ, изображающія представителей мѣстной фауны, возникли изъ тотемическихъ основъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что какъ ни скудны приведенныя выше свѣдѣнія о слѣдахъ тотемизма у остяковъ и вогуловъ, они даютъ право утверждать, что нѣкогда тотемическія вѣрованія имъ не были чужды. Признаніе медвѣдя тотемомъ въ первоначальныхъ религіозныхъ представленіяхъ указанныхъ народностей оказывается такимъ образомъ лишь однимъ изъ проявленій существовавшаго вообще

---

1) Сѣрошевскій: Якуты, стр. 470—471.

у нихъ тотемизма. Если медвѣдю посчастливилось больше, чѣмъ остальнымъ тотемическимъ животнымъ, если культъ его не былъ забытъ, если медвѣдь не смѣшался съ тѣми богами, которые, возникнувъ изъ тотемической основы, впослѣдствіи антропоморфировались и пополнили остяцкій пантеонъ, то причину этого слѣдуетъ искать въ томъ, что медвѣдь былъ наиболѣе крупнымъ представителемъ мѣстной фауны, что онъ какъ таковой внушалъ къ себѣ страхъ и уваженіе, что встрѣча съ нимъ представляла опасности и т. д., однимъ словомъ оттого, что медвѣдь самъ по себѣ, не утрачивая своихъ зооморфныхъ чертъ, представлялся и позднѣйшему, болѣе развитому остяку или вогулу такимъ же сверхъестественнымъ существомъ, какимъ онъ являлся воображенію ихъ предковъ, избравшихъ его себѣ духомъ-покровителя. Именно этимъ значеніемъ медвѣдя слѣдуетъ объяснить, почему культъ его могъ такъ долго просуществовать и представляетъ въ настоящее время еще наиболѣе яркій примѣръ зоолатріи среди инородцевъ сѣверо-западной Сибири.

Выше приведенныя данныя оправдываютъ выставленную нами гипотезу о происхожденіи культа медвѣдя изъ тотемической основы. Если мы не располагаемъ большимъ количествомъ фактовъ, которые могли бы безспорно доказать наше положеніе, то это слѣдуетъ объяснить прежде всего тѣмъ, что тотемизмъ, который, какъ мы старались доказать, хотя и не былъ чуждъ первобытнымъ вѣрованіямъ остяковъ и вогуловъ, принадлежитъ въ ихъ средѣ къ явленіямъ уже отжившимъ, сохранившимся у нихъ только въ качествѣ фактовъ переживанія и въ миѳахъ. Кромѣ того, изслѣдователи, довольно подробно описавшіе религіозныя представленія указанныхъ народностей, поскольку рѣчь идетъ о спиритуалистическихъ вѣрованіяхъ въ высшія существа и о фетишизмѣ, совершенно не обращали вниманія на изученіе остатковъ тотемическихъ вѣрованій. Въ настоящее время языческія вѣрованія и культъ у остяковъ и вогуловъ приходятъ въ упадокъ. Падаетъ и уваженіе къ медвѣдю и его культъ: еще Эрманъ могъ отмѣтить, что мѣстами остяки послѣ убійства медвѣдя относятся насмѣшливо къ убитому звѣрю. Празднеству въ честь медвѣдя предшествуютъ дѣйствія, имѣющія цѣлью унизить и осмѣять медвѣдя. Снятую шкуру набиваютъ сѣномъ, топчутъ ногами, плюютъ на нее, поютъ насмѣшливыя пѣсни, насмѣхаясь надъ тѣмъ, что такой сильный звѣрь

не могъ устоять противъ человѣка и т. д., послѣ этого ставятъ шкуру въ юрту и приступаютъ къ чествованію его „какъ своего бога-покровителя“ [1]).

Насмѣшливое отношеніе къ убитому звѣрю, пользующемуся или пользовавщемуся поклоненіемъ, встрѣчается не только у остяковъ: коряки, напр., убивъ лисицу, оборачивали по снятіи шкуры ея тѣло травой, предлагали ей отправиться и разсказать своимъ, гдѣ она была въ гостяхъ, какъ ее хорошо принимали и какъ ей вмѣсто старой одежды подарили новую [2]). Даяки Борнео при охотѣ на алигаторовъ обращаются къ пойманному багромъ звѣрю съ нѣжными и почтительными рѣчами, пока не захватятъ его ногъ, а затѣмъ насмѣшливо называютъ его „раджа“ и „дѣдушка“ и т. д. По поводу всѣхъ этихъ фактовъ мы можемъ лишь повторить слова Тэйлора, что когда дикарь побѣдитъ свой страхъ передъ крупнымъ представителемъ фауны, онъ все еще сохраняетъ въ иронической формѣ почтеніе, имѣвшее своимъ источникомъ самый искренній ужасъ [3]). Остякъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ медвѣдь утратилъ для него священный характеръ, осмѣиваетъ и унижаетъ убитаго звѣря, но онъ еще не настолько эманципировался отъ прежнихъ вѣрованій, чтобы не оказать тотчасъ затѣмъ всѣхъ знаковъ почтенія медвѣдю, съ цѣлью гарантировать себя отъ мести раздраженнаго духа убитаго и осмѣяннаго звѣря. Упадокъ культа сказывается и въ развивающемся обыкновеніи у прииртышскихъ остяковъ продажи шкуры медвѣдя, съ цѣлью возмѣстить расходы по дорого стоющему празднеству, и въ трудности найти въ настоящее время инородца, который бы зналъ хорошо въ деталяхъ ритуалъ самого празднества и пр. Въ виду этого вполнѣ естественнымъ является фактъ, что ни остяки ни вогулы не охраняютъ медвѣдя, а напротивъ съ удовольствіемъ идутъ на охоту противъ него, вмѣняютъ себѣ въ честь убійство медвѣля и ограничиваются чествованіемъ, носящимъ слѣды старины и древнихъ вѣрованій. Очевидно, однако, что если медвѣдь былъ прежде тотемомъ, само празднованіе должно было имѣть другое основаніе,

---

[1]) Erman: Reise in die Erde I, стр. 670; ср: также Бѣлявскій. Поѣздка къ Ледовитому морю, стр. 99—100, примѣч.

[2]) Bastian: Der Mensch III, стр. 26.

[3]) Тэйлоръ: Первобытная культура, II, стр. 45

чѣмъ въ настоящее время, такъ какъ своего тотема дикарь избѣгаетъ убивать и употреблять его мясо въ пищу.

Есть основаніе предполагать, что первоначально праздникъ медвѣдя носилъ родовой характеръ. Относительно остяковъ и вогуловъ, равно и лопарей, у которыхъ культъ медвѣдя сохранялся довольно жизненно въ предшествующія столѣтія, это предположеніе находитъ себѣ оправданіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Родовыя празднества вообще отличаются исключительностью; въ нихъ принимаютъ участіе преимущественно только мужчины; женщины, какъ чужеродки, не принимаютъ вовсе или принимаютъ только относительное участіе. 2) Дѣти, какъ не посвященныя въ родовой культъ, исключаются отъ участія въ этихъ празднествахъ И ту и другую черту носитъ чествованіе медвѣдя. Вышеприведенныя свѣдѣнія, сообщенныя о томскихъ остякахъ г. Филимоновымъ, доказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, дѣти не допускаются къ празднеству: они находятся внѣ юрты, гдѣ происходитъ празднество, и поэтому-то къ нимъ и обращается старуха съ вопросомъ, кто съѣлъ мясо медвѣдя, куда улетѣли птицы, которымъ дѣти приписываютъ вину расхищенія останковъ медвѣдя. Удаленіе дѣтей при чествованіи медвѣдя можетъ до извѣстной степени служить также косвеннымъ указаніемъ на тотемическое происхожденіе культа медвѣдя. Многіе обычаи, практикуемые некультурными народами при наступленіи совершеннолѣтія, имѣютъ цѣлью пріобщить юношу къ тотемическому союзу, установить родство между нимъ и родовымъ тотемомъ [1]). Значительное количество подобныхъ фактовъ собрано и объяснено Фразеромъ [2]). Чтобы быть участникомъ тотемическаго празднества, необходимо установить свое родство съ тотемомъ, что совершается при наступленіи совершеннолѣтія. Вслѣдствіе этого удаленіе не совершеннолѣтнихъ является естественнымъ слѣдствіемъ указаннаго порядка вещей. Быть можетъ, въ исключеніи мѣстами малолѣтнихъ отъ участія въ празднествѣ въ честь медвѣдя можно видѣть отголосокъ прежняго взгляда, согласно которому члены тотемическаго союза только послѣ ритуальнаго вступленія въ него

---

[1]) Marillier: La place du totemisme etc, стр. 226—227.

[2]) Frazer: Totemism, стр. 38—47; Frazer: The golden Bough II, стр. 342—359,

при совершеннолѣтіи имѣютъ право принимать участіе въ родовомъ празднествѣ.

Женщины не являются даже въ настоящее время ровноправными участницами въ празднествѣ. Имъ дается часть медвѣжьяго мяса, но нѣкоторые куски спеціально принадлежатъ мущинамъ. У древнихъ лопарей женщины не принимали участія въ приготовленіи мяса; варка его производилась одними мужчинами въ шалашѣ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ ритуальныхъ обрядовъ, причемъ въ это время женщины не имѣли права входить въ шалашъ. Часть мяса посылалась затѣмъ женщинамъ, причемъ однако обращалось вниманіе, чтобы имъ не достались нѣкоторыя части медвѣдя [1]). Подобное-же ограниченіе женщинъ въ пользованіи медвѣжьимъ мясомъ встрѣчается и у остяковъ и вогуловъ: въ распоряженіе женщинъ предоставляется только медвѣжій задъ, такъ что въ ритуальномъ общеніи пищей онѣ не участвуютъ. Мужчины, наоборотъ, кромѣ мяса, которое готовится и съѣдается во время празднества, готовятъ себѣ спеціально въ полѣ по окончаніи торжества голову, сердце и лапы медвѣдя [2]). Что касается нѣкоторыхъ другихъ народностей, среди которыхъ мы встрѣчаемъ болѣе ясные слѣды культа медвѣдя, мы видимъ иногда слѣды бывшаго нѣкогда родового характера пиршества. У айновъ, напр., онъ носитъ часто локальный характеръ. Хотя обыкновенно лицо, устраивающее пиршество, приглашаетъ и родственниковъ и знакомыхъ, но въ небольшихъ деревняхъ почти вся община принимаетъ участіе въ праздникѣ въ честь медвѣдя [3]). У гиляковъ „праздникъ медвѣдя" носитъ уже опредѣленныя черты родового праздника. Какъ и у айновъ и гольдовъ, такъ и у гиляковъ существуетъ обычай пріобрѣтать медвѣдя, который затѣмъ въ опредѣленное время убивается. Хотя медвѣдя пріобрѣтаетъ кто-нибудь одинъ изъ членовъ рода, но расходы по празднеству несутъ всѣ сородичи. Въ настоящее время на этотъ праздникъ съѣзжаются не только сородичи, но и чужеродные гости; не смотря на это родовой характеръ празднества нисколько не измѣняется: женщины, хотя и допускаются къ вкушенію медвѣжьяго мяса, но не могутъ присутствовать при убіеніи медвѣдя; огонь, надъ которымъ варилось мясо, долженъ

[1]) Русскіе Лопари, стр. 201.

[2]) Л. Н. Гондатти: Культъ медвѣдя, стр. 77.

[3]) Frazer: The golden Bough, II, стр. 102.

быть разведенъ не иначе какъ родовымъ огнивомъ [1]). Какъ-бы ни объяснялся съ точки зрѣнія современныхъ вѣрованій гиляковъ праздникъ медвѣдя, его родовой характеръ не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, что въ прежнее время, когда деревенская община еще не замѣнила собой родовъ, этотъ праздникъ и у айновъ носилъ такой-же характеръ, и вѣроятно, на основаніи вышеизложеннаго, это празднество медвѣдя у остяковъ и вогуловъ отличалось той-же исключительностью, свойственной вообще всѣмъ родовымъ ритуальнымъ пиршествамъ.

Родовыя пиршества, во время которыхъ убивается и употребляется въ пищу тотемическое животное, распространены у некультурныхъ народовъ. Въ основѣ этихъ пиршествъ, какъ и другихъ имъ аналогичныхъ, лежитъ общее некультурнымъ народамъ убѣжденіе, что употребленіе въ пищу извѣстнаго животнаго передаетъ участникамъ трапезы и качества животнаго. Съѣданіе въ опредѣленное время своего тотема, ритуальное общеніе священнымъ мясомъ лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же тотемическому роду, объясняется такимъ образомъ желаніемъ, какъ воспринять качества съѣденнаго звѣря, такъ и подчеркнуть, наглядно представить свое общеніе съ нимъ. Но убійство тотема требуетъ искупительныхъ обрядовъ, извиненій передъ убитой особью священнаго класса животныхъ. Отсюда стремленіе, какъ мы это видимъ у остяковъ и вогуловъ, умилостивить духа убитаго, чествованіе его, принятіе мѣръ, чтобы душа медвѣдя могла неповрежденной вернуться на небо. Съ другой стороны, желаніе воспринять качества медвѣдя заставляетъ инородцевъ оставлять только для мужчинъ, т. е. для членовъ рода, сердце и голову, т. е. тѣ части, въ которыхъ по преимуществу признается мѣстопребываніе души и, слѣдовательно, особенно важныя при ритуальномъ общеніи пищей. Что самое приготовленіе пищи и трапезы по окончаніи празднества носитъ религіозный характеръ, доказывается въ достаточной степени священнымъ характеромъ всего празднества, равно и обрядами, соблюдаемыми при послѣдней трапезѣ, по окончаніи чествованія медвѣдя.

Въ праздникѣ, слѣдующемъ за убіеніемъ медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, мы склонны видѣть слѣды родового-тотемическаго

---

1) Штернбергъ: Сахалинскіе гиляки въ „Этн. Обозр." XVII, стр. 9—10.

празднества, во время котораго сородичи употребляли въ пищу своего тотема. Съ утратой тотемическихъ чертъ въ вѣрованіяхъ, медвѣдь, который убивался для родового праздника, сталъ убиваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Члены другихъ тотемическихъ союзовъ не были обязаны охранять медвѣдя. Но упадокъ тотемизма долженъ былъ привести къ тому, что тѣ инородцы, которые признавали медвѣдя своимъ духомъ-покровителемъ, стали разрѣшать охоту на него во всякое время, слились въ этомъ отношеніи съ представителями другихъ родовъ и, наоборотъ, послѣдніе, въ виду силы медвѣдя и опасности, представляемой охотою на него, восприняли обряды и обычаи, служащіе для умилостивленія духа убитаго медвѣдя и выработанные въ отдаленную эпоху господства тотемизма; этому широкому распространенію культа медвѣдя способствовало совершившееся при упадкѣ родовой религіи поднятіе медвѣдя изъ разряда духа-покровителя рода въ сверхъестественное, полу-божественное существо всего народа.

Обычай айновъ, гольдовъ и гиляковъ пріобрѣтать медвѣдя, сохранять его въ клѣткѣ и затѣмъ убивать его съ ритуальными обрядами, сопровождающими пиршество, объясняется Фразеромъ изъ желанія некультурнаго человѣка умилостивлять весь родъ медвѣдей посредствомъ чествованія одного изъ представителей этого послѣдняго. Медвѣдь могущественъ и страшенъ людямъ, онъ имъ полезенъ, такъ какъ они пользуются его шкурой и мясомъ, онъ понятливъ, и потому необходимо дать всему роду медвѣдей удовлетвореніе за предпринимаемыя охоты и совершаемое убійство. Для достиженія этой цѣли, именно дать удовлетвореніе за убіеніе медвѣдей, за потерю, которую послѣдніе несутъ, айны берутъ медвѣженка, вскармливаютъ его и затѣмъ убиваютъ съ выраженіемъ своей печали и благоговѣнія [1]). Таково объясненіе Фразера обычая айновъ ловить въ концѣ зимы медвѣженка, приносить его въ деревню, гдѣ его сначала вскармливаетъ грудью женщина, а когда онъ подрастетъ—убивать его осенью и устраивать торжественное пиршество [2]). Аналогичный способъ устрой-

---

[1]) Fraser: The golden Bough, II, стр. 132. Описаніе праздника по убійствѣ медвѣдя у айновъ см. также: Ядринцевъ, О культѣ медвѣдя, стр. 105—106.

[2]) Ibid., стр. 101 и слѣд.

ства праздника въ честь медвѣдя отмѣченъ у гиляковъ и гольдовъ.

Весьма обстоятельное описаніе праздника въ честь медвѣдя у гиляковъ и гольдовъ приведено Шренкомъ [1]). Медвѣдь ловится живымъ и затѣмъ его торжественно убиваютъ. Иногда въ цѣляхъ устройства празднества покупаютъ медвѣдя. Чрезвычайно интереснымъ представляется намъ фактъ, отмѣчаемый Шренкомъ, что празднество устраивается только въ честь медвѣдя, убитаго въ неволѣ; если медвѣдь во время охоты не будетъ пойманъ живымъ, а будетъ убитъ охотниками, мясо его съѣдаютъ безъ соблюденія торжественныхъ обрядностей. Культъ *всѣхъ* медвѣдей перешелъ и у гиляковъ, какъ и у айновъ, на индивидуальнаго, воспитываемаго или удержаннаго въ неволѣ медвѣдя. Священное значеніе медвѣдя у гиляковъ наглядно выясняется изъ широко распространеннаго обычая имѣть въ числѣ прочихъ зооморфныхъ идоловъ и идола, изображающаго медвѣдя. По словамъ Шренка, подобный идолъ можно встрѣтить въ окрестностяхъ почти каждаго гиляцкаго селенія [2]).

Мы не думаемъ, чтобы вышеприведенное мнѣніе Фразера объясняло удовлетворительнымъ образомъ оригинальный обычай айновъ, гиляковъ и гольдовъ вскармливать медвѣженка съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ убить его. Трудно предположить, чтобы этимъ путемъ преслѣдовались цѣли ритуальнымъ пиршествомъ удовлетворять остальныхъ медвѣдей, такъ какъ едва ли дикарь могъ думать, что, убивая одного изъ представителей опасныхъ, но полезныхъ для него животныхъ, хотя бы убійство и сопровождалось обрядовымъ пиршествомъ, онъ удовлетворялъ другихъ медвѣдей за смерть тѣхъ изъ нихъ, которые убивались на охотѣ безъ всякихъ обрядностей. Естественнѣе предположить, что культъ медвѣдя, обычаи, употребляемые при убіеніи вскормленнаго въ деревнѣ медвѣженка, ритуалъ пиршества и т. д. предшествовали по времени своего появленія обычаю

---

[1]) Schrenck: Reisen u. Forschungen im Amurlande, III, Lief. 3, стр. 696—737.

[2]) Ibid. III. Lief. 2, стр. 562—563, Lief 3, стр. 746. См. также Штернбергъ: Сахалинскіе гиляки (Этногр. Обозр. XVII). Ср. празднества у орочень: С. Леонтовичъ, Природа и населеніе р. Тумни (Землевѣдѣніе, 1897, № 3—4, стр. 56 и слѣд.).

ловить медвѣженка и затѣмъ убивать его. На послѣдняго, очевидно, лишь перенесены черты культа, прежде примѣнявшагося вообще при убійствѣ медвѣдя. Способъ убіенія медвѣженка, пиршество, которымъ оно сопровождается, носятъ религіозный характеръ; оно, въ своей основѣ, вытекаетъ изъ родового пиршества, впослѣдствіи замѣненнаго общиннымъ или частнымъ. Мы должны предположить, что ритуальное убійство медвѣдя для устройства родового празднества, во время котораго употреблялось въ пищу мясо медвѣдя, предшествовало обычаю ловить медвѣженка. Далѣе, въ послѣднемъ обычаѣ мы не можемъ признать исключительно средства облегчить охоту на медвѣдя, путемъ ловли маленькаго медвѣдя въ цѣляхъ убить его впослѣдствіи: этому противорѣчилъ бы фактъ, что охоты на медвѣдя встрѣчаются часто у названныхъ народовъ, и, слѣдовательно, опасность, представляемая охотой, не могла бы удержать населеніе отъ устройства религіознаго пиршества въ честь медвѣдя. Причину остается искать въ другомъ.

При тотемизмѣ духами-покровителями признаются всѣ особи даннаго вида животныхъ. Но одновременное господство съ тотемизмомъ и фетишизма приводитъ къ тому, что часто только отдѣльный представитель тотемовъ пользуется поклоненіемъ. Такъ, напримѣръ, у одного изъ племенъ Америки личный тотемъ новорожденнаго опредѣляется при помощи извѣстныхъ средствъ при самомъ рожденіи ребенка; но когда послѣдній подрастаетъ, онъ достаетъ себѣ особь животнаго, которое считается его тотемомъ, и заботится о немъ, вѣруя, что его жизнь связана съ жизнью послѣдняго [1]). У другихъ американскихъ племенъ личнымъ тотемомъ признается животное, которое видитъ во снѣ юноша въ теченіе поста, которому онъ подвергается при наступленіи совершеннолѣтія: онъ долженъ убить представителя своего тотема и носить его шкуру или другую часть своего тотема постоянно при себѣ [2]). Въ этихъ случаяхъ культъ тотема превращается въ культъ фетиша, и различіе подобнаго рода видоизмѣненія тотемизма отъ чистаго фетишизма заключается главнымъ образомъ въ томъ, что дикарь, почитая особь, сознаетъ, однако, свою связь съ видомъ тотемическаго животнаго. Совершенно то же имѣетъ мѣсто и въ случаяхъ, когда тотемическій союзъ переноситъ поклоненіе на особь своего тотема. Отдѣльнаго представителя класса живот-

[1]) Frazer: Totemism, стр. 55.
[2]) Fr. Schultze: Der Fetischismus, стр. 115.

ныхъ, признаваемыхъ за тотемовъ, держатъ въ клѣткахъ, оказываютъ ему знаки почтенія и т. п. Нѣсколько примѣровъ подобного рода приведены и Фразеромъ: нарриньери южной Австраліи, если они принадлежатъ къ роду змѣй, поступаютъ такъ со змѣями. Жители Явы, если они признаютъ своимъ тотемомъ рыжую собаку, держатъ ее въ каждой семьѣ и оберегаютъ ее. Племя Moqui, имѣющее своимъ тотемомъ орла, держитъ иногда въ своихъ деревняхъ въ клѣткахъ орла и кормитъ его. Айны держатъ въ клѣткахъ не только медвѣдей, но и орловъ, совъ, вóроновъ и оказываютъ имъ суевѣрное уваженіе [1]). На Самоа въ мѣстностяхъ, гдѣ богомъ-покровителемъ считался голубь, этотъ послѣдній содержался и кормился. Божество считалось воплощеннымъ во всѣхъ птицъ данной породы, но поклоненіе приносилось одному представителю [2]). Обычай айновъ ловить медвѣженка, держать его въ клѣткѣ, оказывать ему знаки почитанія при жизни слѣдуетъ, очевидно, объяснить переходомъ тотемическаго культа отъ всего вида животныхъ къ отдѣльнымъ его представителямъ. Что культъ медвѣдя у айновъ возникъ изъ тотемизма, доказывается, между прочимъ, и преданіемъ ихъ, будто первый родоначальникъ айновъ былъ выкормленъ медвѣдемъ [3]) Вполнѣ понятно, что для тотемическаго обрядоваго пиршества убивался именно пойманный представитель медвѣдей, которому и приносились извиненія передъ убійствомъ и въ честь котораго устраивалось затѣмъ празднество. Этотъ обычай сохранился и тогда, когда тотемизмъ былъ забытъ, охота на медвѣдей разрѣшена, когда, наконецъ, айны начали пользоваться мясомъ медвѣдя, какъ лакомымъ блюдомъ, и употреблять шкуру его для одежды: медвѣдь утратилъ свое священное значеніе, но культъ воспитываемаго въ селеніи медвѣдя, равно и ритуальное убіеніе его и употребленіе въ пищу сохранились, какъ интересный отголосокъ прежнихъ тотемическихъ вѣрованій. Обычай гиляковъ покупать медвѣдя долженъ быть признанъ лишь видоизмѣненіемъ поимки медвѣженка, его кормленія и почитанія, видоизмѣненіемъ, естественнымъ при общемъ упадкѣ какъ тотемическихъ вѣрованій вообще, такъ и самого культа медвѣдя.

Что касается остяковъ и вогуловъ, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы развитіе ихъ религіозныхъ представленій

1) Frazer: Totemism, стр. 14.
2) Turner: Samoa a hundred years ago and long before, стр. 64,26.
3) Frazer: Totemism, стр. 7.

привело ихъ къ почитанію особи медвѣдя, какъ мы это видимъ у айновъ, гиляковъ и гольдовъ. Повидимому, упадокъ тотемизма привелъ къ разрѣшенію охоты на медвѣдя подъ условіемъ соблюденія обрядовъ, возникшихъ въ эпоху господства тотемизма. Клятву медвѣдемъ у остяковъ и вогуловъ, равно и у тѣхъ народностей, среди которыхъ культъ медвѣдя возникъ, повидимому, изъ тотемической основы, слѣдуетъ считать такимъ образомъ клятвой тотемомъ, духомъ-покровителемъ, поскольку это касается самого основанія происхожденія подобной присяги. Въ этомъ отношеніи ни остяки ни вогулы не представляютъ исключенія. Обыкновенно, при господствѣ тотемизма, наиболѣе дѣйствительнымъ видомъ ордалій, наиболѣе священными клятвами признаются такія, въ которыхъ фигурируетъ тотемъ. Ордаліи съ тотемическимъ характеромъ и клятва тотемомъ вытекаютъ изъ основного представленія, что свой тотемъ, какъ бы онъ ни былъ опасенъ для другихъ, не дѣлаетъ вообще никакого вреда членамъ тотемическаго союза; если тотемъ причиняетъ вредъ, то только въ случаяхъ, когда онъ оскорбленъ даннымъ лицомъ. Поэтому опасное для всѣхъ вообще тотемическое животное дѣлается таковымъ для членовъ группы, признающихъ его духомъ-покровителемъ, лишь тогда, когда членъ группы оказывается виновнымъ въ какомъ-нибудь преступленіи, или если онъ, выдавая себя за члена даннаго тотемическаго союза, въ дѣйствительности не оказывается таковымъ.

Вслѣдствіе этого, напримѣръ, въ Сенегамбіи члены тотемическаго племени скорпіона утверждаютъ, что, хотя укушеніе скорпіона вообще влечетъ смерть, скорпіоны никогда не причинятъ вреда лицамъ, признающимъ ихъ тотемомъ; отсюда вытекаетъ обычай опредѣлять этимъ путемъ принадлежность лица къ указанному племени. Тотемическій родъ змѣй, псиллы, въ Африкѣ опредѣляли законность новорожденныхъ дѣтей тѣмъ, что ихъ выставляли змѣямъ: если змѣи не кусали новорожденнаго, или если укусъ не влекъ за собой смерти, ребенокъ признавался законнымъ. Другіе народы изгоняютъ изъ своего рода всякаго, кого укусилъ тотемъ, хотя бы укушенный остался живъ: такой человѣкъ очевидно навлекъ на себя гнѣвъ тотема какимъ-нибудь дурнымъ поступкомъ, и присутствіе его въ родовомъ тотемическомъ союзѣ можетъ вредно отразиться на остальныхъ членахъ. Такъ родъ крокодила у бегуановъ изгоняетъ не только лицо, укушенное крокодиломъ, но даже и такого, на котораго брызнула вода отъ хвоста

крокодила. Ордалія, посредствомъ которой моксосы Перу опредѣляли шамана, заключалась въ томъ, что лицо, объявляющее себя шаманомъ, должно было доказать свое родство съ тотемомъ—ягуаромъ; оно должно было подвергнуться укушенію ягуара, и если оставалось живымъ, то признавалось за родственника ягуара. Отсюда понятно, что ордаліи тотемомъ примѣнялись и на судѣ. Такъ въ Траванкорѣ, гдѣ слѣды тотемизма жизненны, судъ божій состоялъ въ томъ, что обвиняемый клалъ руку въ плащъ, въ которомъ была завернута змѣя: если послѣдняя кусала его, онъ считался виновнымъ [1]). Въ Меланезіи, въ мѣстностяхъ, гдѣ много алигаторовъ, въ важныхъ случаяхъ обвиняемый долженъ доказать свою невинность тѣмъ, что переплываетъ черезъ проливъ, въ которомъ находятся алигаторы: невинность его доказана, если алигаторы его не тронутъ [2]). Тоже и относительно клятвъ: такъ, напримѣръ, у бегуановъ племени крокодила клятва приносилась крокодиломъ; у санталовъ, въ Бенгаліи, у которыхъ тигръ считается однимъ изъ тотемовъ, наиболѣе торжественной присягой считалась принесенная на шкурѣ тигра [3]).

Сопоставляя вышеприведенныя свѣдѣнія съ „медвѣжьей присягой" остяковъ и вогуловъ, можно признать, что въ виду тотемической основы, лежащей въ первоначальномъ культѣ медвѣдя, сама „медвѣжья присяга" была первоначально не болѣе, какъ клятвой тотемомъ. Этотъ послѣдній не вредитъ своимъ, и остякъ и вогулъ до настоящаго времени вѣрятъ еще, что только грѣшный или оскорбившій медвѣдя человѣкъ можетъ быть убитъ послѣднимъ. Духъ покровитель, охраняя члена своего рода отъ напрасныхъ обвиненій, можетъ стерпѣть и не покарать присягающаго, даже если тотъ оскорбитъ тотема: отсюда обычай увѣчить голову медвѣдя при присягѣ; поступокъ, который вообще долженъ вызвать возмездіе со стороны медвѣдя, останется не наказаннымъ, потому что тотемъ этимъ наглядно засвидѣтельствуетъ невинность присягающаго. Естественнымъ слѣдствіемъ распространенія культа медвѣдя у всей народности, поднятія его изъ разряда родового духа-покровителя въ племенное божество, оказывается и распространеніе „медвѣжьей присяги" среди всѣхъ остяковъ и вогуловъ. Изъ клятвы тотемомъ она сдѣлалась клятвой священнымъ звѣремъ, культъ котораго сохранился, не смотря на всѣ измѣненія, которымъ

[1]) Frazer: Totemism, стр. 20—21.

[2]) Codrington: The Melanesians, стр. 213.

[3]) Frazer: Totemism, стр. 22.

подверглись религіозныя представленія обѣихъ народностей, какъ благодаря естественному развитію, такъ и вслѣдствіе воздѣйствія, хотя-бы и лишь формально усвоеннаго, христіанства.

Признавая тотемическую основу культа медвѣдя и „медвѣжьей присяги“ у остяковъ и вогуловъ, мы думаемъ, что изъ этихъ основъ слѣдуетъ выводить и аналогическій культъ у другихъ народностей, которыхъ мы привлекли для сравненія съ „праздникомъ медвѣдя“ у сѣверо-западныхъ сибирскихъ инородцевъ. Самый фактъ, что медвѣдь въ такомъ значительномъ количествѣ мѣстностей, у народностей, неродственныхъ другъ другу и разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ земного шара, признавался сначала тотемомъ, а затѣмъ божественнымъ звѣремъ, не представляетъ изъ себя ничего страннаго. Дикарь любитъ избирать духовъ-покровителей изъ числа сильныхъ, могущественныхъ, хотя-бы и опасныхъ для людей животныхъ. Змѣю въ качествѣ тотема мы встрѣчаемъ одновременно въ Австраліи, во многихъ мѣстахъ Африки и въ Америкѣ. Крокодилъ считается тотемомъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Африки; культъ крокодила въ древнемъ Египтѣ возникъ повидимому также изъ тотемической основы; мы встрѣчаемъ его одинаково и въ Индонезіи и Меланезіи. Буйволъ въ качествѣ тотема одинаково извѣстенъ въ Африкѣ и Америкѣ. Левъ, ягуаръ, леопардъ также чрезвычайно распространенные тотемы, одинаково почитаемые, гдѣ они являются одними изъ наиболѣе крупныхъ представителей мѣстной фауны, въ качествѣ духовъ-покровителей. Часто встрѣчаемое воззрѣніе у сѣверо-американскихъ краснокожихъ, что тотемомъ извѣстнаго рода оказывается медвѣдь (напримѣръ у ирокезовъ, моки, пунка, омага, іова, отое, кавза, виннебогна, манданы, крики, оджибвеи, и т. д.) [1]), дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ, почему совершенно самостоятельно могли избрать своимъ тотемомъ одновременно и разные рода финскихъ и тюркскихъ народностей, равно и арктическія племена. Медвѣдь, какъ наиболѣе крупный представитель мѣстной фауны, долженъ былъ быть и излюбленнымъ тотемомъ, а его сила, равно и опасность, представляемая борьбой съ нимъ, помогла ему, не утрачивая зооморфныхъ чертъ, подняться въ разрядъ національныхъ сверхъестественныхъ существъ, а культу его способствовала продержаться до нашихъ дней.

Н. Харузинъ.

---

1) Morgan; Urgesellschaft, стр. 130 и слѣд.

Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ [1]).

XVII. Олонецкая старинка о мѣстномъ силачѣ.

Одинъ изъ хорошихъ сказителей (Калининъ) сообщилъ Гильфердингу въ числѣ другихъ старинъ (о Святогорѣ, Вольгѣ и Микулѣ, Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ, Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ, Добрынѣ, Михаилѣ Потыкѣ, Ставрѣ, Чурилѣ, Дюкѣ и др.) мѣстное преданіе о силачѣ Рахтѣ, обработанное въ формѣ старинки. Преданіе о Рахтѣ связано съ небольшимъ озеромъ Рагнозеромъ (на картѣ Рангозеро), лежащимъ къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера. „Говорятъ, замѣчаетъ Гильфердингъ (въ примѣчаніи къ былинѣ № 11), будто тамъ еще существуетъ преданіе, что въ деревнѣ (на берегу озера) нѣкогда жилъ знаменитый борецъ". Гильфердингу не пришлось провѣрить на мѣстѣ, т. е. въ самой деревнѣ Рагнозерѣ, на сколько живы были въ его время эти мѣстныя преданія. Повидимому, Рахта не пользуется слишкомъ широкой извѣстностью за предѣлами Рагнозера; по крайней мѣрѣ, ни Гильфердингу, ни другимъ лицамъ, посѣщавшимъ Олонецкую губернію, не удалось записать другой варіантъ былины о немъ, пропѣтой Калининымъ въ деревнѣ Марнаволокѣ. Изъ слѣдующей замѣтки Гильфердинга можно даже вывести, что эта былина принадлежитъ къ числу ставшихъ уже рѣдкими. „Когда Калининъ пропѣлъ ее, бывшій тутъ кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ сказалъ мнѣ, что онъ слыхалъ ее, когда былъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти (т. е. лѣтъ 30 тому назадъ) отъ старика, который приходилъ къ нимъ въ домъ". По словамъ Мореходова, въ пересказѣ, слышанномъ имъ отъ старика, были нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ въ варіантѣ Калинина. Послѣ Гильфердинга одному изъ мѣстныхъ этнографовъ-любителей К. М. Петрову удалось услышать пересказъ ста-

[1]) См. „Этногр. Обозр." XXVIII.

ринки о Рахтѣ (иначе Ракхѣ) отъ сказителя Ал. Иванова, но въ прозаической передачѣ, причемъ извѣстное раньше сказаніе пополняется нѣкоторыми новыми чертами. Съ содержаніемъ замѣтки г. Петрова, напечатанной въ Олонецкихъ Вѣдомостяхъ (1875 г. № 81), знакомитъ болѣе обширный кругъ читателей Л. Н. Майковъ въ статейкѣ „Новыя данныя русскаго эпоса", помѣщенной имъ въ 1876 г. въ журналѣ „Древняя и новая Россія" (№ 6, стр. 195—198). Вотъ пока все, что существуетъ въ печати объ этомъ силачѣ, неизвѣстномъ нигдѣ за предѣлами одного уѣзда Олонецкой губерніи.

Припомнимъ .былину, записанную Гильфердингомъ, и нѣкоторыя мѣстныя преданія, прикрѣпленныя къ имени Рахты.

Былина разсказываетъ, что въ Москву бѣлокаменную пріѣхалъ какой-то невѣрный боецъ и требовалъ себѣ отъ князя московскаго поединщика, угрожая въ случаѣ неисполненія своего требованія сжечь Москву. Ни имени невѣрнаго бойца, ни имени московскаго князя Калининъ не зналъ. Впрочемъ, слушавшій былину кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ припомнилъ, что московскаго князя звали Василіемъ. Поединщики не вызывались. Въ это время бывшіе случайно въ Москвѣ мужики балахонники изъ подъ сѣверной стороны громко говорили между собою:

— Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскія,

— Этого борьца онъ бы нунь въ кучку склалъ!

Услыхали въ народѣ ихъ рѣчи, разспросили ихъ о Рахтѣ и отправили изъ Москвы скораго гонца, чтобъ привезти силача въ Москву. Изъ былины не извѣстно, кто распоряжается этимъ дѣломъ, и князь московскій при этомъ случаѣ не упоминается. Московскій гонецъ пріѣхалъ въ деревню Рагнозерскую, отыскалъ избу Рахты и узналъ отъ его жены, что онъ ушелъ въ лѣса. Узнавъ, съ какимъ порученіемъ прибылъ гонецъ, жена Рахты предупреждаетъ его, чтобы онъ не сердилъ ея мужа, пока онъ голоденъ, и говорилъ бы съ нимъ только тогда, когда онъ вдоволь покушаетъ хлѣба. Гонецъ по возвращеніи Рахты изъ лѣса исполняетъ ея совѣтъ. Насытившійся Рахта выслушиваетъ гонца и велитъ ему ѣхать немедленно въ Москву, обѣщаясь явиться туда раньше его. Гонецъ уѣзжаетъ. Рахта, подвязавъ лыжи, дѣйствительно раньше гонца добѣжалъ до Москвы и отыскалъ

князя московскаго. Здѣсь его кормили досыта и поили до-пьяна. Затѣмъ подоспѣлъ гонецъ и далъ совѣтъ князю московскому:

„Ты держи-тко ёго сутки да голоднаго,
„Тожно ты спусти къ борьцу да на бореніе“.

Наголодавшійся Рахта быстро расправился съ борцомъ невѣрнымъ, хватилъ его о кирпиченъ мостъ и склалъ въ кучку. На вопросъ князя:

„Чимъ тебя да нунечу пожертвовать?“

Рахта говоритъ, что ему ничего не нужно, только бы князь указалъ, чтобы въ Рагнозерскомъ озерѣ никто не ловилъ рыбы безъ его (Рахтова) дозволеньица.

Не трудно видѣть, что слагатель этой нехитрой былины воспользовался нѣкоторыми чертами широко извѣстной въ Олонецкой губерніи пѣсни о Кострюкѣ Темрюковичѣ, этомъ борцѣ-нахвальщикѣ, пріѣхавшемъ въ Москву и посрамленномъ русскимъ силачемъ-мужикомъ въ присутствіи царя. Мѣстный патріотизмъ могъ подсказать ему мысль, для пущаго возвеличенія рагнозерскаго силача, отправить его на „бореніе“ въ Москву, чтобы и тамъ, въ столицѣ, подивились его силѣ. Но понятія о Москвѣ и московскомъ князѣ у слагателя и у его героя крайне ограниченныя. Рахта спрашиваетъ гонца:

— „А прибуду буде пораньше васъ,
Гдѣ искать мнѣ князя да московскаго?“

Рагнозерскій дикарь, прибѣжавшій въ Москву на лыжахъ, какъ какой-нибудь лопарь, не промѣняетъ родной деревни на Москву, и право распоряжаться ловлей рыбы въ своемъ озерѣ ставитъ выше всякихъ княжескихъ наградъ. Примитивность попавшаго въ столицу захолустнаго мужика еще болѣе подчеркиваетъ дополненіе, сдѣланное къ былинѣ сказителемъ Ал. Ивановымъ. „Когда поединокъ кончился, царь сшилъ Рахтѣ цвѣтное платье, далъ десять рублей денегъ и велѣлъ гулять. Рахта пошелъ. Замѣтилъ это солдатикъ, остановилъ Рахту на улицѣ и сталъ требовать денегъ. Рахта струсилъ служиваго и отдалъ деньги. Тотъ сталъ требовать платья. Рахта и въ этомъ не смѣлъ отказать: зашелъ въ будку, снялъ цвѣтное платье и одѣлъ шинелишку. Приходитъ къ царю; тотъ спрашиваетъ: „А гдѣ-жъ у тебя платье и деньги?“ Рахта разсказалъ все какъ было. „Ну,

гдѣ тебѣ жить въ Москвѣ, Рахта, поди-ка лучше на свое Рагнозеро да лови рыбу" [1]).

Это дополненіе о томъ, какъ захолустный мужикъ спасовалъ передъ столичнымъ солдатомъ, напоминаетъ тѣ народные анекдоты, въ которыхъ продувной солдатъ потѣшается надъ сиволапыми мужиками и недогадливыми инородцами, беретъ, напримѣръ, съ попавшаго въ Москву мужичка деньги за право считать галокъ, обижаетъ и обманываетъ проотсватыхъ бабъ и т. п. Цѣлая эпопея этихъ народныхъ анекдотовъ о солдатахъ собрана въ извѣстномъ разсказѣ Ивана Ваненка о солдатѣ Яшкѣ-красной рубашкѣ.

Кромѣ единоборства съ невѣрнымъ борцомъ въ Москвѣ, къ имени мѣстнаго рагнозерскаго силача прикрѣплены еще два разсказа, сообщенные г. Ивановымъ. „Про силу Рахты разсказывается, что однажды онъ въ одну охапку принесъ лѣсу (копыльевъ, вязьевъ и оглобель) на двѣнадцать дровней; въ одинъ день и безъ помощи онъ выкашивалъ всѣ пожни по Рагнуксѣ, что́ коситъ теперь цѣлое сельское общество. Пригодилась Рахтѣ его необычайная сила и въ семейномъ дѣлѣ: у Рахты была жена, а у жены любовникъ. Имъ хотѣлось извести Рахту. Вотъ жена въ добрый часъ и спрашиваетъ мужа: „Всегда-ли у тебя одинаковая сила, или бываетъ она иногда меньше?" Рахта проговорился, что когда онъ сотворитъ съ нею блудъ, тогда сила теряется. Жена воспользовалась этимъ, и Рахту связали. Лежитъ онъ посреди избы связанный, а жена забавляется съ любовникомъ. Приходятъ Рахтины дѣти—дочь и сынишка маленькій. Рахта проситъ подать ножикъ, но дочь не даетъ, говоря, что не смѣетъ, боится богоданнаго батюшки; сынишка же маленькій подалъ отцу ножикъ; онъ перерѣзалъ канаты, побѣжалъ къ озеру, обмылся, сила возвратилась, и тогда онъ убилъ жену и любовника".

Послѣдній разсказъ о расправѣ Рахты съ невѣрной женой и ея любовникомъ представляетъ лишь одну изъ безчисленныхъ варіацій на этотъ широко распространенный сюжетъ. Въ былевомъ эпосѣ той же Олонецкой губерніи этотъ же мотивъ, какъ извѣстно, разработанъ въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, представляющей и частное сходство въ деталяхъ съ разсказомъ о

[1]) Древняя и новая Россія. 1876. № 6, стр. 197.

Рахтѣ. И здѣсь, и тамъ коварная жена, связавъ мужа, въ его присутствіи забавляется съ любовникомъ и затѣмъ предается казни освободившимся отъ своихъ путъ мужемъ. Въ былинѣ Иванъ Годиновичъ, поваливъ Кощея, проситъ жену подать ему ножъ, чтобы его прикончить, но жена принимаетъ сторону Кощея; въ разсказѣ о Рахтѣ дочь отказывается подать ножикъ отцу, принимая сторону „богоданнаго" батюшки. Извѣстна въ сказкахъ о невѣрныхъ женахъ и та черта, что жена овладѣваетъ силачемъ-мужемъ, когда онъ отъ извѣстнаго дѣйствія утратилъ временно свою силу. Можно поэтому думать, что весь этотъ разсказъ о Рахтѣ прикрѣпился лишь впослѣдствіи къ рагнозерскому мужику-силачу, какъ обыкновенно бываетъ съ лицами, отличавшимися необычайной физической силой: рядомъ съ дѣйствительными случаями проявленія этой силы въ позднѣйшихъ разсказахъ уже являются анекдоты, почерпнутые изъ обычнаго международнаго запаса на тему о чудесной силѣ. Если на Рагнозерѣ дѣйствительно жилъ когда-то крестьянинъ-силачъ, въ чемъ, конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго, то онъ могъ проявить свою силу въ обычномъ крестьянскомъ обиходѣ—чисткѣ лѣса, охотѣ на звѣря, пахотѣ, косьбѣ и т. п. Нѣкоторые изъ такихъ случаевъ проявленія силы въ крестьянскихъ работахъ и донесло до насъ преданіе въ разсказѣ о Рахтѣ, хотя, конечно, въ преувеличенномъ видѣ. Но жизнь крестьянина такъ однообразна, что такіе будничные подвиги представляютъ лишь незначительный интересъ. И вотъ личностью силача овладѣваетъ процессъ „поэтизаціи". Мѣстный силачъ выходитъ изъ тѣснаго круга родной деревни въ міръ странствующихъ разсказовъ, онъ побораетъ сильнѣйшаго борца въ столицѣ, на глазахъ у царя или князя, онъ вступаетъ въ сюжетъ о невѣрныхъ женщинахъ, какъ Самсонъ, Иванъ Годиновичъ, Потокъ Михайловичъ и многіе другіе. Изъ желанья разукрасить мѣстнаго силача припоминаются многіе разсказы, ходящіе о другихъ подобныхъ личностяхъ въ сказкахъ и былинахъ...

Съ этой стороны рагнозерскіе разсказы о Рахтѣ представляютъ лишь незначительный интересъ, какъ обычное пріуроченіе къ мѣстному силачу мотивовъ изъ народныхъ сказокъ. Интереснѣе по своей загадочности имя рагнозерскаго силача. Рагнозерскій православный крестьянинъ носитъ не календарное имя и отчество, а какое-то странное, неизвѣстное ни въ святцахъ, ни въ

славянскихъ именословахъ. Это даже какъ будто не имя, а какое-то прозвище: Рахта рагнозерскій можетъ, пожалуй, представляться чѣмъ-то въ родѣ: *силачъ* рагнозерскій, *удалецъ* рагнозерскій. Необычность имени Рахта видна далѣе и въ томъ, что въ другихъ разсказахъ оно видоизмѣняется въ *Ракха* (у Иванова). Невольно является вопросъ: откуда могло имя Рахта попасть въ Олонецкую губернію?

Въ видѣ попытки отвѣтить на этотъ вопросъ выставляю слѣдующую догадку.

Извѣстно, что въ лѣтописяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ богатырей, знакомыхъ устному былевому эпосу (каковы: Добрыня Златой поясъ, Александръ Поповичъ), упоминаются и такіе, которые неизвѣстны современнымъ сказителямъ. Такъ еще Л. Майковымъ было указано въ его разсужденіи „О былинахъ Владимірова цикла" на свидѣтельство о богатыряхъ кн. Владиміра, внесенное въ Никоновскій лѣтописный сводъ подъ 1000—1004 годами. Нѣтъ сомнѣнія, что пріуроченіе въ этомъ сводѣ Александра Поповича и Яна Усмошвеца ко Владиміру объясняется устными сказаніями, ходившими о нихъ, какъ о богатыряхъ Владимірова цикла. Но Александръ Поповичъ (подъ именемъ Алеши Поповича) и доселѣ хорошо извѣстенъ былинамъ, а Янъ Усмошвецъ совершенно незнакомъ сѣверному былевому эпосу, хотя основа лѣтописнаго сказанія о немъ сохранилась въ сказкѣ о Кожемякѣ (Кириллѣ или Никитѣ). Подъ тѣмъ же 1000 годомъ встрѣчаемъ упоминаніе и другого неизвѣстнаго устному эпосу богатыря: „Того жь года преставися Рахдай удалои, яко наѣзжаше сей на триста воинъ. И плакася по немъ Владиміръ и погребе его со отцемъ своимъ митрополитомъ Леонтіемъ". Упоминаніе Яна Усмошвеца рядомъ съ Рагдаемъ встрѣчается и въ другихъ памятникахъ старинной письменности, какъ любопытное свидѣтельство интересное для русскаго книжника XVII в. Такъ въ одной рукописи XVII в. Тверскаго музея (№ 3237, по описанію М. Н. Сперанскаго № 150, стр. 216, л. 23 об.) въ числѣ разныхъ выписокъ и замѣтокъ между тропарями Лаврентію Калужскому, Іоанну Суздальскому, Ѳеодору Суздальскому и спискомъ святыхъ-юродивыхъ помѣщена краткая замѣтка о богатыряхъ Владиміра: „У князя у Владиміра кіевскаго быша силніи мужи богатыри: а҃) Іанъ Усмошвецъ Переславецъ, что печенежскаго богатыря на водѣ убилъ; в҃) Рагдай

удалый, противъ трехъ сотъ могъ выходити на бой; г҃) Александръ Поповичъ; д҃) Ималъ вредъ (sic!) сильный; є҃) и Андрихъ Добрянковичъ, и всѣхъ ихъ было 37 богатырей" [1]).

Въ изслѣдованіяхъ по былевому эпосу уже была попытка воспользоваться лѣтописнымъ упоминаніемъ богатыря Рахдая (или Рагдая) для исторіи былинныхъ богатырей. Такъ Н. Квашнинъ-Самаринъ, исходя изъ убѣжденія, что Илья Муромецъ дѣйствительно жилъ при князѣ Владимірѣ, удивляется, что имя Ильи не упомянается въ лѣтописи на ряду съ Александромъ Поповичемъ и Добрыней и спрашиваетъ, не одно ли лицо Илья Муромецъ съ Рагдаемъ. Илья—христіанское имя богатыря, Рагдай—его славянское имя [2]). Первоначально пѣсни, думаетъ Кв.-Самаринъ, могли знать его подъ обоими именами, потомъ осилило христіанское, особенно въ виду религіознаго почитанія Ильи Муромца.

Еслибъ это предположеніе почтеннаго изслѣдователя могло чѣмъ-нибудь быть подтверждено, оно получило бы несомнѣнное значеніе для исторіи типа народнаго богатыря. Къ сожалѣнію, оно само основывается на другомъ предположеніи, до сихъ поръ ничѣмъ не подтвержденномъ, что Илья Муромецъ—историческое лицо и притомъ жившее во времена князя Владиміра Святого. Проф. Дашкевичъ уже давно обѣщалъ доказать историчность Ильи Муромца, но до сихъ поръ своего обѣщанія не исполнилъ. Не считая пока возможнымъ, вмѣстѣ съ Квашнинымъ-Самаринымъ, воспользоваться лѣтописнымъ упоминаніемъ Рагдая для *этой* цѣли, я ставлю вопросъ, нельзя ли утилизировать имя Рагдая только для объясненія имени рагнозерскаго силача. Не претендуя на полную убѣдительность, считаю возможнымъ привести въ пользу этого предположенія слѣдующія соображенія. Внесеніе имени богатыря Рагдая въ Никоновскій сводъ и другіе письменные памятники можно объяснить только тѣмъ, что о Рагдаѣ, какъ о богатырѣ непомѣрной силы, наѣзжавшемъ на триста воиновъ, существовали когда-то разсказы, быть можетъ, пѣсни, въ народѣ, конечно, въ той же средѣ, которая пѣла объ Александрѣ Поповичѣ, Добрынѣ и другихъ богатыряхъ Владимірова цикла.

[1]) Сообщеніемъ этой выписки изъ рукописи Тверскаго музея я обязанъ проф. М. Н. Сперанскому. То-же въ Сборномъ Подлинникѣ гр. С. Г. Строганова

[2]) См. Квашнинъ-Самаринъ. Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи,—въ журн. „Бесѣда" 1871, кн. Ⅴ, стр. 226.

Имя его еще смутно помнилось въ Московскій періодъ, когда въ лѣтописный сводъ вносятся отголоски народныхъ сказаній о богатыряхъ Владиміра, но, повидимому, Рагдай былъ заслоненъ другими болѣе популярными богатырями. Причина его захудалости въ эпосѣ намъ навсегда останется неизвѣстной, какъ многое другое въ исторіи нашихъ былинъ. Далѣе можно предположить, что какая-нибудь былина съ именемъ Рагдая попала въ сѣверный былевой эпосъ, въ тѣ мѣста, въ которыхъ былины сохранились въ наибольшемъ количествѣ, вслѣдствіе разныхъ условій, болѣе или менѣе объясненныхъ наукою, и какъ послѣдній отголосокъ памяти о Рагдаѣ, его имя въ незначительно измѣненномъ видѣ прикрѣпилось, быть можетъ, сначала какъ прозвище, къ мѣстному силачу, котораго собственное имя могло впослѣдствіи забыться. Среди многочисленныхъ примѣровъ искаженія старинныхъ эпическихъ именъ въ устной традиціи передѣлка имени Рагдай или Рахдай въ Рахта не представляетъ никакихъ затрудненій. Замѣтимъ кстати, что въ имени Рагдай звукъ *г* произносился какъ спирантъ (нашъ *г* въ словахъ Бога, благо), какъ видно, между прочимъ, изъ варіанта съ *х* (Рахдай), и что утрата звука *й* дифтонга *ай* не представляетъ большой рѣдкости въ языкѣ. Срав., напримѣръ, формы Бурондай и Буранда въ имени татарскаго предводителя, упомянутаго въ Ипат. лѣтописи (см. указатель), или народныя формы: да-ка (вм. дай-ка), послуша-ко (вм. послушай-ко), сичасъ, сычасъ (вм. сейчасъ), поди (вм. пойди) и т. п.

Конечно, еслибъ лѣтопись сохранила что-нибудь о подвигахъ Рагдая, каковы, напримѣръ, хотя бы лѣтописныя замѣтки объ Александрѣ Поповичѣ, мы могли бы найти въ самомъ содержаніи сказаній о Рахдаѣ и Рахтѣ какія-нибудь аналогіи, которыя сдѣлали бы наше сопоставленіе болѣе вѣроятнымъ. Но при отсутствіи всякихъ подробностей о подвигахъ Рагдая между нимъ и Рахтой общимъ остается лишь то, что оба отличаются непомѣрной силой и носятъ близкія по звукамъ имена.

Нѣкоторой подпорой нашей догадки могутъ послужить другіе примѣры тому, что иногда старинныя имена, нѣкогда связанныя со сказаніями или пѣснями, сохраняются въ какой-нибудь одной мѣстности, совершенно исчезнувъ изъ народной памяти въ другихъ областяхъ. Такъ, имя половецкаго знаменитаго хана Боняка прикрѣплено къ урочищу Буняково займище около села Дере-

вичи Новоградволынскаго уѣзда, гдѣ была записана и сказка о шолудивомъ Бунякѣ Но для насъ важнѣе другое преданіе, записанное на сѣверѣ въ Архангельской губерніи, въ которомъ сохраняется имя Кончака, не менѣе знаменитаго половецкаго хана. Изъ извѣстнаго мѣста Галицко-Волынской лѣтописи подъ 1201 годомъ можно вывести, что въ народномъ преданіи историческій Кончакъ получилъ эпическую окраску. Про Кончака сообщается, что онъ „снесе Сулу пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву" [1]). Здѣсь Кончакъ, носящій на плечахъ котелъ (вѣроятно громадный) и въ немъ воду Сулы, представляется какимъ-то великаномъ, вѣроятно, въ связи съ какимъ-нибудь недошедшимъ до насъ сказаніемъ. И вотъ въ Архангельской губерніи находимъ великана Кончака вмѣстѣ съ упоминаніемъ о котлѣ. Максимовъ [2]) приводитъ слышанный имъ въ губерніи разсказъ о братьяхъ великанахъ: Кончакѣ, Колгѣ и Жожгѣ, которые были такъ сильны, что, стоя далеко другъ отъ друга, перебрасывались котломъ, какъ легкимъ мячомъ. Естественно является предположеніе, что имя Кончака попало въ архангельское населеніе изъ какихъ-нибудь занесенныхъ туда сказаній и прикрѣпилось къ одной мѣстности, какъ имя Буняка къ извѣстному займищу Волынской губерніи и имя Рахты (Рагдая) къ Рагнозеру въ Олонецкой. Ограничусь этими примѣрами случайнаго сохраненія мѣстными преданіями старинныхъ, давно забытыхъ историческихъ или эпическихъ именъ, хотя подобныхъ примѣровъ можно привести не мало.

Вс. Миллеръ.

---

[1]) Ипатьевск. лѣт. стр. 480.

[2]) Годъ на сѣверѣ, 4-е изд. 1890, стр. 97.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ТЕАТРА.

IV. „ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ".

(*Варіанты 3 и 4*) [1]).

Изученіе исторіи народнаго театра имѣетъ большой научный и практическій интересъ.

Какъ извѣстно, первобытная народная поэзія отличается синкретизмомъ, смѣшеніемъ поэтическихъ элементовъ, родовъ и видовъ. Въ результатѣ медленнаго процесса дифференціаціи и появляются эпосъ, лирика и драма, какъ особые виды поэзіи. Въ чистомъ видѣ эту эволюцію можно наблюдать въ исторіи греческой поэзіи, отчасти римской (комедія), индійской и китайской. Въ другихъ случаяхъ она осложняется вліяніями иноземными, междуклассовыми и книжными.

Слѣды обособленія драматическаго элемента замѣчаются очень рано, еще на почвѣ общенародной поэзіи. Это—драматизированные обряды и игры, которые въ силу переживанія сохраняются и до сихъ поръ. Рядомъ съ ними становятся позднѣе настоящія драматическія сценки, восходящія, повидимому, къ скоморохамъ. Характерный ихъ образчикъ—давно уже опубликованная „Лодка". Въ позднѣйшемъ дифференцировавшемся обществѣ не могло быть, конечно, полнаго разобщенія сословій и классовъ. Между общественными классами, книжной и народной поэзіей всегда были промежуточныя звенья, всегда можно подмѣтить явленіе эндосмоса и экзосмоса. Процессу литературнаго обмѣна помогаютъ скоморохи и калики перехожіе, „мандрованные дьяки" и странствующіе школяры, обитатели „шпиталей" и монастырскихъ богадѣленъ и т. д. Эта, по преимуществу, „бродячая Русь" не потеряла еще народнаго облика и вкусила кой-что отъ книжной премудрости. Черезъ эту

1) См. „Этногр. Обозр." XXXVIII.

среду опускается и „народнѣетъ", если можно такъ выразиться, рождественская драма; она является крестнымъ отцомъ „Вертепа" и „Петрушки"—и, можетъ быть, знаменитаго „Максимиліана". Но черезъ нее подымается въ затхлую и заплѣсневѣлую книжную словесность народные элементы. Это своеобразный классъ полуграмотныхъ людей, значеніе которыхъ въ исторіи нашей литературы пока еще очень мало оцѣнено.

Изученіе исторіи народнаго театра вскроетъ такимъ образомъ переживанія глубокой старины и дастъ любопытную картину литературнаго общенія разныхъ общественныхъ классовъ, проникновенія въ народную среду и ассимиляціи чуждыхъ элементовъ.

Оно же покажетъ направленіе и характеръ народныхъ вкусовъ. Исключительная популярность „Максимиліана", напр.,—фактъ, съ которымъ надо считаться. Онъ показываетъ эстетическій уровень массы, знакомой съ оригинальными побѣгами драматическаго творчества, доказываетъ сильную потребность въ сценическихъ представленіяхъ. Вдумчивое изученіе записей невольно наводитъ на рядъ поучительныхъ размышленій.

Необходимость здоровыхъ и нравственныхъ развлеченій для народа, широкое воспитательное значеніе театра—слишкомъ общеизвѣстныя мысли, чтобы на нихъ останавливаться. Но для правильной постановки этого вопроса нужно знать и то, до чего самостоятельно додумался и доработался народъ, исторію его драматургическихъ попытокъ. Важное мѣсто въ этой исторіи принадлежитъ „Максимиліану", крайне загадочному до сихъ поръ памятнику. Случайности устной передачи вызвали рядъ очень далекихъ другъ отъ друга варіантовъ, изъ которыхъ мудрено выдѣлить оригиналъ; старая литература не даетъ, какъ намъ извѣстно, никакихъ указаній. Приходится довольствоваться пока догадками—и одну изъ нихъ мы и предложимъ для заключенія нашей замѣтки.

Не знаемъ, какъ кѣмъ, но нами чувствуется сродство „Максимиліана" съ двумя теченіями петровской литературы. Первое—повѣсти, которыя свободно обращались съ иноземными именами, географической и исторической номенклатурой. Онѣ гнались за эффектами, впадали въ сантиментальность, развязно смѣшивали свое и чужое, старое и новое. У нихъ, повидимому, были точки соприкосновенія съ театромъ. „Максимиліанъ" могъ быть обязанъ имъ нѣкоторыми именами и подробностями.

Другое—театральныя пьесы. Онѣ часто перерабатывали житія, сливая въ своеобразномъ синтезѣ духовные и свѣтскіе элементы. Недавно нѣсколько образчиковъ подобныхъ пьесъ (собственно ролей) было издано г. Шляпкинымъ (Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. Пам. Древней Письм. CXXVIII СПБ., 1898). Нѣкоторыя особенности ихъ были отмѣчены уже Н. С. Тихонравовымъ, гг. Морозовымъ, Архангельскимъ и др.

Мы предполагаемъ сродство сюжета „Максимиліана“ съ „житіемъ св. мученика Никиты“ (оно издавалось не разъ—см., напр., Памятники старинной литературы, III, 146—149). Переработанное въ пьесу, оно могло осложниться потомъ разными посторонними элементами и, благодаря устному храненію, распасться на десятки далекихъ другъ отъ друга варіантовъ, сохранившихъ, однако, типическую для петровскихъ пьесъ наивность построенія, обиліе чисто эпическихъ подробностей, повторенія и т. д.

Напомнимъ его содержаніе (Памятники):

„Въ оно время бысть мужь мудръ, именемъ Никита, сынъ царевъ, нарѣцаемаго *Максемьяна;* любяше же Христа зѣло, понеже хотяше сосудъ избраненъ ему быти“. Во снѣ онъ увидѣлъ крестъ, поклонился ему и затѣмъ началъ его вездѣ разыскивать. Не безъ боязни показала ему крестъ блаженная Ульяна, и онъ сейчасъ же узналъ въ немъ свое „знаменіе“.

„В тъ часъ шедъ ко отцю своему, и глагола ему: о невѣрный безаконниче! Жряху *богомъ кумирьскимъ*; не вѣдахъ доселе“. И совлечеся съ ризъ своихъ и облечеся въ нищая ризы, яже отъ сукна, и глаголаше: „Господи! наведи мя на путь твой, да ся помолю тобѣ“.

„Отроча мало, именемъ Ульянъ преступникъ“ донесъ отцу Никиты: „молю ти ся, цесарю, яко *милый* твой сынъ молится Богу, рожешемуся отъ дѣвицы Мария, и отметается *твоихъ кумырьскихъ*“. За доносъ царь обѣщаетъ награду—руку своей второй дочери. Увидѣвъ, какъ сынъ молится „въ церкви святой Богородицы на востокъ“, онъ окончательно убѣждается въ отступничествѣ сына и говоритъ ему: „о чадо милое, слышахъ и не яхъ вѣры; нынѣ же видѣхъ тя самъ, вѣру яхъ, яко молишися Богу крестьяньскому и отметаешися *моихъ кумирьскихъ богъ*“.

„И глагола ему святый Никита: „о безаконниче, бози глухи, и нѣмы, и слѣпы, и безгласны суть: оуста имуть—не глаголють, очи

имуть—не видять, оуши имуть—не слышать, и руци имуть—не ося жуть, нози имуть—и не поидуть, ноздре имуть—не обоняють, падають—не встають; то аще ти сами собѣ помощи сътворити не могуть, а иного паки въставити мыслять не вѣдѣ(?), да аще молвиши, то дай же ми богы своя, елико ми ся ихъ достанеть, дайтай поклонюся имъ".

Обрадованный царь даетъ ему „золотыхъ боговъ", но Никита ихъ „сотвори яко прахъ" на „судищѣ" своимъ жезломъ.

Максиміанъ хотѣлъ посмотрѣть, какъ приноситъ жертвы богамъ Никита, и пришелъ въ полное смятеніе при видѣ ихъ поруганія: „о чадо мое, кто ся потвори [1]), ци *Еюрий* тя потвори, его же омучи братъ мой Дадьянъ" (любопытное скрещиваніе легендъ). Никита ему отвѣтилъ: „мене не потвори никто же, но уповаю на Бога моего живаго и безсмертнаго, да мя избавить отъ бѣды сея".

„И повелѣ царь вести вонъ изъ града и привязати у столпа, и бити жилами говяжими, жилы же намочены оцта и желчи; доблий же Христовъ мученикъ Никита сию муку претрьпѣ и помолися, глаголя: „благодарю тя, Христе Боже мой, кою похвальную память мою вижю, яко моя плоть желѣзомъ погибаеть и тонкое мое тѣло увядаеть".

Архангелъ Михаилъ поддерживаетъ его небеснымъ видѣніемъ. Святого соблазняютъ затѣмъ „скверной дѣвицей", но онъ откусываетъ себѣ языкъ, „поверже на сметьищи", и не принесъ все-таки жертвы „богомъ кумирьскимъ".

Слѣдующая затѣмъ мука—„одръ": „въжгоша на немъ огнь смолою и положиша на немъ святаго Никиту". Святой молится, и на одрѣ вмѣсто огня появляется трава. Царь и удивился, и разгнѣвался. Онъ „повелѣ воиномъ вести святаго Никиту на гору высоку, и связавше, пустити низ с горы". Опять чудо, которое обращаетъ на этотъ разъ въ христіанство и воиновъ.

Далѣе слѣдуетъ рядъ новыхъ, столь же неудачныхъ мученій

---

1) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы, I, СПБ., 1894, 15: ни прилѣпляйся инѣхъ творити; Пѣтуховъ, Серапіонъ, 62: того же лѣта съжгоша волхвы 4, творяхуть е, потворы дѣюще; явишася въ Новѣградѣ волхвы, вѣдуны и потворницы, и многыя волхованія, и потворы, и ложныя знаменія творяху и много зла содѣваху, многихъ прельщающе. Семеновъ, Пчела, 60: потворы—farmakon.

и прельщеніе дьявольское. Мученикъ обращаетъ въ христіанство волхвовъ, которые безуспѣшно старались отравить его, и для доказательства своей правоты воскрешаетъ изъ столпа 2 мертвецовъ. Конецъ (въ изданіи „Памятниковъ") не совсѣмъ ясенъ: „и всташа же вси людіе съ царицею на царя, а ис сътолпа же того потечеть медъ смѣшенъ с мvромъ и масломъ. Блаженный же Никита крести весь градъ.... Успѣ же святой мученикъ Христовъ Никита" и т. д. „Отреченныя книги" Н. С. Тихонравова даютъ нѣкоторыя новыя и очень любопытныя черты (II, 112—120). Царь—*Максемьянъ*. Доносъ: „*милый* твой сынъ... отметается твоихъ кумирьскыхъ!" Упрекъ отца: „отметаешися моихъ кумирьскых богъ". Мученія и искушенія: 1) „бити жилами говяжими, жилы же намочены оцта и желчи" (явленіе Михаила, видѣніе награды); 2) „привести дѣвицю красну и положити верху его, яко да прилепится верху ея и пожреть богамъ кумирьскимъ" (отгрызеніе языка); 3) одръ, огонь; 4) связываютъ и сбрасываютъ внизъ съ горы; 5) „провръти святого за устну ременем и завертѣти зѣло, яко не мощи ему ни двигнутися, и принести роженъ желѣзенъ... и вложити въ десное ухо, и уголья просыпати подъ нозѣ его, жаратка насыпати во уста его, и стремглавъ повѣсити, и двѣ кадилѣ желѣзнѣ подъ пазусѣ его, по семъ повелѣ подкурити хврастьемъ"; 6) дьявольское искушеніе; 7) „*оковати и всадити в темницю*" (дьяволъ и ангелъ; предложеніе: *пожреши богомъ кумиръскимъ*; появленіе Михаила; плѣненіе дьявола); 8) появленіе на судищѣ съ бѣсомъ въ рукѣ—рѣшено „привязати межъ двѣма столпома и тако претерти тѣло его на полы": „пила яко воскъ бысть"; 9) 2 волхва, попытка отравить „травою зминоядью и инымъ великимъ влъхвованіемъ"; чудо и обращеніе волхвовъ (какъ раньше солдатъ); 10) требованіе Максемьяна воскресить мертвыхъ—„тогда повѣрую"; воскрешеніе 2 мертвецовъ и прославленіе Никиты; обращеніе гражданъ; возстаніе противъ Максемьяна: „въсташа же вси людіе со царицею на царя". Крещеніе народа и смерть Никиты. (Третій списокъ житія указанъ у г. Сперанскаго, Опис. рук. Тверск. музея, 207).

Сходство въ имени царя и основномъ сюжетѣ[1]) очень заман-

[1]) Впрочемъ, предложеніе поклониться „кумирскимъ богамъ", отказъ и мученья—довольно обычная черта житій и духовныхъ стиховъ. Важнѣе имя и

чиво, но мы нисколько не преувеличиваемъ его значенія. Можетъ быть, вмѣсто Никиты невольно подставилось (на народной почвѣ) извѣстное изъ лубочныхъ книгъ имя Адольфа, а потомъ пошло обрастаніе и перерожденіе основного (рукописнаго?) текста, благодаря устной передачѣ.

Въ приложеніи печатаемъ два интересныхъ варіанта пьесы. Одинъ записанъ для насъ въ г. Глуховѣ (Черниг. губ.), другой—около Ярославля. Оба интересны не только для опредѣленія географическаго распредѣленія и распространенія пьесы, но и по своимъ оригинальнымъ и, кажется, еще неизвѣстнымъ подробностямъ.

Извѣстность „Максимиліана" въ Малороссіи была, впрочемъ, уже отмѣчена нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ маленькой замѣткѣ „Кіевской Старины" (1887, XII; срв. 1889, II) и „Этнографическимъ Обозрѣніемъ" (XXXVI, 83—100).

I.

Сообщившій намъ глуховскій текстъ сопроводилъ его слѣдующимъ любопытнымъ примѣчаніемъ: „Бродячіе доморощенные артисты, которые разыгрываютъ эту пьесу на рождественскихъ святкахъ, заходя изъ дома въ домъ,—обыкновенно ремесленые мальцы отъ 12 до 20 лѣтъ. Ходятъ они, уже облачившись въ подлежащіе, по ихъ мнѣнію, сценическіе костюмы, при чемъ сверху для защиты отъ холода наброшены полушубки, благодаря чему получается высоко комическое впечатлѣніе. Входя въ комнаты, полушубки, понятно, сбрасываются, и артисты остаются въ театральныхъ костюмахъ".

Дѣйствіе первое.

(*На сценѣ стоитъ стулъ, изображающій тронъ, возлѣ него „скороходъ-фельдмаршалъ",* [1]) *обыкновенно самый младшій членъ труппы. На немъ солдатскій или офицерскій мундиръ, сообразно съ тѣмъ, какой удалось достать артистамъ; на мундирѣ погоны или висячіе эполеты, подлинные или сдѣланные изъ картона, цвѣтной бумаги и шумихи, сабля или тесакъ, черезъ плечо красная лента. На груди орденъ и звѣзда. На головѣ шлемъ съ султаномъ, сдѣланный или изъ жести, или изъ картона и сусальнаго золота.*

Входитъ „царь Максимиліанъ", одѣтый такъ же, какъ скороходъ. Впослѣдствіи ему приносятъ корону такого вида: обручъ, охватывающій голову;

то, что мученичеству подвергался сынъ царя. Есть сходство и въ отдѣльныхъ подробностяхъ: заточеніе въ тюрьму, переходъ палача на сторону мучимаго возстаніе противъ царя-мучителя и т. д.

[1]) Срав. „Спекуляторъ"—А. Малинка, „Живой вертепъ", Этн. Обозр." XXXV, 37.

къ нему придѣланы вверху двѣ полосы накрестъ, правильно изогнутыя. Наверху или на лбу короны иногда находится звѣзда. Лентъ у царя двѣ—красная, голубая или зеленая; орденовъ и звѣздъ побольше, чѣмъ у скорохода).

Максимиліанъ (*къ публикѣ*) [1]. Здравствуйте, всепочтенѣйшіе господа! Вотъ и я къ вамъ явился сюда. За кого вы меня признаете: за короля пруськаго или за прынца хранцюзькаго? Я не есть король пруській, ни прынцъ хранцюзькій, а я есть царь Максимиліанъ! (*Къ скороходу*). Для кого сей тронтъ сооруженъ?

Скороходъ. Для вашего царскаго величества! (*уходитъ*).

Максимиліанъ. Сяду я на этотъ тронтъ, приму въ руки скипетръ и рукодержаву и буду судить свой народъ. (*Садится на тронъ*). Скороходъ-хитьмаршалъ, явись предъ тронтъ твоего монарха!

Скороходъ (*быстро появляется, шага за три передъ царемъ становится на одно колѣно, вынимаетъ саблю, салютуетъ и вонзаетъ ее въ землю съ лѣвой стороны, продолжая держаться за нее рукой*). Почто, царь Максимиліанъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и принеси мнѣ скипетръ, корону и рукодержаву, чтобы судить мнѣ мой народъ.

Скороходъ. Пойду и принесу тебѣ скипетръ, корону и рукодержаву, чтобы судить тебѣ твой народъ. (*Встаетъ, вкладываетъ саблю въ ножны и уходитъ*).

(*Появляется процессія: скороходъ среди двухъ дѣвъ, несущихъ корону, скипетръ — палку, обклеенную сусальнымъ золотомъ съ сусальной звѣздой на верхушкѣ, и державу—шаръ, обклеенный сусальнымъ золотомъ. Всѣ трое—иногда процессія состоитъ и изъ большаго количества лицъ—поютъ*):

Я къ царю иду,
Златой вѣнецъ несу,
На голову надѣну,
Хвалу произнесу.

(*Этотъ куплетъ исполняютъ три раза, при чемъ третій и четвертый стихъ поютъ каждый разъ, стоя на колѣняхъ. По окончаніи пѣнія скороходъ вручаетъ царю скипетръ и державу и надѣваетъ на его голову корону. Процессія удаляется*).

Максимиліанъ. Скороходъ-хитьмаршалъ, явись предъ тронтъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и приведи ко мнѣ моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву.

Скороходъ. Пойду и приведу къ тебѣ твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхву (*уходитъ*).

---

[1]) Въ этомъ обращеніи черты раешнаго тона. Срв. Наполеонъ у г. Малинки, ib., 38. Самовосхваленіе Максимиліана („Этногр. Обозр." XXXVII, 103; XXXVIII, 162—срв. Шляпкинъ, Царевна Наталья Алексѣевна, 21.

Адольфъ (*является одѣтый, какъ скороходъ, только пышнѣе*). Почто, отецъ, меня такъ скоро призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ [1]). Поклонись моимъ кумирическимъ богамъ!

Адольфъ. Не поклонюсь я твоимъ кумирическимъ богамъ: я твои кумирическіе боги подвергаю подъ ноги (*топаетъ для большей выразительности ногой*).

Максимиліанъ (*яростно кричитъ*). Скороходъ-хитьмаршалъ, явись предъ тронтъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и отведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхвў на три дня въ пустыню: авось, онъ одумается!

Скороходъ. Пойду и отведу твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхву на три дня въ пустыню: авось, онъ одумается (*уводитъ Адольфа, при чемъ послѣдній поетъ, остальные же артисты, еще не участвовавшіе, подтягиваютъ*):

Я въ пустыню удаляюсь	Сколько горестей печалей
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ...	Мнѣ въ пустынѣ должно снесть!

Максимиліанъ. Скороходъ-хитьмаршалъ, явись предъ тронтъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и приведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву изъ пустыни: авось, онъ одумался.

Скороходъ. Пойду и приведу твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхву изъ пустыни: авось, онъ одумался (*уходитъ и возвращается съ Адольфомъ*).

Адольфъ. Почто, отецъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

(*Повторяется слово въ слово предыдущая сцена, и Максимиліанъ, призвавъ скорохода, отправляетъ Адольфа на три недѣли въ пустыню. Адольфъ съ пѣніемъ тѣхъ же стиховъ удаляется. Его опять призываютъ. Максимиліанъ въ третій разъ принуждаетъ Адольфа поклониться кумирамъ и за непослушаніе отправляетъ его въ пустыню на три мѣсяца, куда Адольфъ удаляется и на этотъ разъ съ пѣніемъ*).

Максимиліанъ. Скороходъ, и т. д. **Скороходъ**. Почто, и т. д.

Максимиліанъ. Пойди и приведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву: авось, онъ одумался.

Скороходъ. Пойду и т. д.

---

[1]) Срв. Шляпкина, Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени, С.-Петербург., 1898, 6.

Адольфъ. Почто, отецъ, и т. д.

Максимиліанъ. Поклонись моимъ кумирическимъ богамъ!

Адольфъ. Не поклонюсь я твоимъ кумирическимъ богамъ. Я твои кумирическіе боги подвергаю подъ ноги.

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. **Скороходъ**. Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи моего палача Брамбеуса:[1]) пусть онъ на моихъ глазахъ сниметъ съ моего гордаго и непокорнаго сына Адольхвá ордена, ленты, кавалеріи, а съ плечъ его голову.

Скороходъ. Пойду и приведу къ тебѣ палача Брамбеуса. Пусть онъ на твоихъ глазахъ и пр. (*уходитъ*).

Брамбеусъ (*въ черной маскѣ, съ чернымъ шлемомъ на головѣ, съ черными перьями на шлемѣ, въ засученныхъ рукахъ, выкрашенныхъ въ красную краску, обнаженная сабля; одѣтъ онъ въ красную рубашку*). Почто, царь, меня такъ скоро призываешь, или какія дѣла—вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и отведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву на лобное мѣсто, сними съ него ордена, ленты, кавалеріи и на моихъ глазахъ голову.

Брамбеусъ. Пойду и отведу твоего непокорнаго и т. д. (*отводитъ Адольфа въ сторону, гдѣ стоитъ дерево*).

Хоръ (*поетъ, не появляясь на сцену*):

Какъ на лобномъ мѣстѣ
Молодецъ стоитъ,
Думушку думаетъ,
Дышитъ тяжело.
Знать приходитъ времечко,
Добро прошло,
Съ плечъ его могучихъ
Сняли ордена.

(*Брамбеусъ при пѣніи этихъ стиховъ снимаетъ ордена и эполеты съ Адольфа*).

Скованъ онъ, скованъ,
Скованъ по рукамъ;
Скованъ онъ, скованъ,
Скованъ по ногамъ.

(*Брамбеусъ обматываетъ цѣпью его руки и ноги*).

Брамбеусъ. Охъ, жаль мнѣ царскаго сына, да нельзя измѣнить царскаго слова. (*Рубитъ Адольфу голову, затѣмъ декламируетъ*).

Подъ зеленою ракитой
Лежитъ царскій сынъ убитый.
Солнце и мѣсяцъ померкамши,
Я на свою душу острый мечъ накладамши (*Закалывается*).

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. **Скороходъ**. Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи дѣдушку-гробокопателя!

---

[1]) См. (Сенковская), О. И. Сенковскій, С.-Петербургъ, 1859, 61: „лакей, по имени Григорій... страстно любилъ книги и всякую свободную минуту посвящалъ чтенію. Была въ особенности одна книга, которую онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ. Я думаю, онъ такъ часто перечитывалъ ее, что уже зналъ всю наизусть. Герой этой книги былъ шпанскій король Брамбеусъ, а героиня королева Брамбилла". Мы не могли найти указаній на эту книгу.

Скороходъ. Пойду и пр. (*Уходитъ и возвращается съ дѣдушкой-гробокопателемъ*).

Дѣдушка-гробокоп. (*съ длинной клочковатой бородой, въ полушубкѣ овчиной наружу, сгорбленный, съ палкой въ рукѣ*). Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и отнеси эти тѣла и закопай такъ, чтобы ихъ птицы не клевали и звѣрье не таскало!

Дѣдушка-гробокоп. Чтобы ихъ птицы клевали и звѣрье таскало? Хорошо, батюшка, сдѣлаю!

Максимиліанъ. Нѣтъ, чтобы ихъ птицы не клевали и звѣрье не таскало.

Дѣдушка-гробокоп. Хорошо! (*Уноситъ тѣла*).

Дѣйствіе второе.

(*Максимиліанъ сидитъ на тронѣ; въ противоположномъ углу сидитъ король Мамай, одѣтый, какъ Максимиліанъ, но въ зубчатой коронѣ (обручъ, отдѣланный вверху зубчиками) съ полумѣсяцемъ на ней. Возлѣ короля Мамая стоитъ его племянникъ. Мамай держитъ въ рукахъ скипетръ и державу съ полумѣсяцемъ наверху*).

Мамай (*племяннику*). Возьми и отнеси царю Максимиліану въ подарокъ пули, ядро, картечи и огненныя стрѣлы, а скоро и я самъ къ нему приду въ гости.

Племянникъ. Возьму и отнесу и т. д.

(*Идетъ и несетъ Максимиліану ящикъ съ огненными стрѣлами*). Мой дядя прислалъ тебѣ въ подарокъ пули, ядро, картечи и огненныя стрѣлы и велѣлъ сказать, что скоро онъ и самъ будетъ къ тебѣ въ гости.

Максимиліанъ. Скажи своему дядѣ, что я ни пуль его, ни его самого не боюсь.

Племянникъ. Пойду и скажу (*уходитъ*).

(*Мамай идетъ къ Максимиліану и сражается съ нимъ. Максимиліанъ убиваетъ Мамая*).

Племянникъ (*является и, увидѣвъ лежащаго дядю, восклицаетъ*):

Ли мой дядя убитъ, ли онъ такъ лежитъ? (*наклоняется къ Мамаю*). Солнце и мѣсяцъ померкамши, я на свою душу острый мечъ накладамши. (*Закалывается*).

(*Максимиліанъ призываетъ скорохода и посылаетъ его за гробокопателемъ. Далѣе повторяется конецъ перваго дѣйствія*).

Дѣйствіе третье.

(*Максимиліанъ сидитъ на тронѣ. На противоположной сторонѣ показывается гетманъ-малороссъ, одѣтый такъ же, какъ Максимиліанъ, только корона у него на головѣ зубчатая съ крестомъ наверху, съ поперечными полосами или просто зубчатая съ крестомъ спереди, или такая, какъ у Максимиліана, но съ крестомъ наверху*).

Гетманъ-малороссъ (*обращаясь къ публикѣ*). Здравствуйте, всепочтеннѣйшіе господа! За кого вы меня признаете: за короля прусього,

или за прынца хранцюзького? Я не есть король пруській, ни прынцъ хранцюзькой, а я есть гетманъ-малороссъ (*идетъ къ Максимиліану*). Здравствуйте, ваше царское величество!

Максимиліанъ (*сходитъ съ трона, кладетъ на тронъ скипетръ и державу, здоровается за руку съ гетманомъ*). Здравствуйте, гетманъ-малороссъ! (*начинаютъ прохаживаться по сценѣ*). Гдѣ бывали, что видали?

Гетманъ-малороссъ. Бывалъ я по всѣмъ четыремъ сторонамъ: въ Парижѣ, къ вамъ поближе, въ Италіи, отъ васъ подалѣе [1]). Но самое интересное, такъ это въ вашемъ государствѣ. Я прошу васъ показать жида: у него очень много денегъ, лошадей, красивая Хайка, и онъ очень хорошо танцуетъ.

Максимиліанъ. А, не можетъ быть! Я и не зналъ! (*садится на тронъ, беретъ въ руки скипетръ и державу и зоветъ скорохода*). Скороходъ, и пр. **Скороходъ**. Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и разыщи жида, у котораго много денегъ, лошадей, красивая Хайка и который хорошо танцуетъ.

Скороходъ. Пойду и разыщу жида, и пр. (*Уходитъ и возвращается съ жидомъ*).

Максимиліанъ. Правда, Янкель, что у тебѣ много денегъ?

Жидъ. Ай вей, васе царское и императорское велицество! яки у зида гроси, хиба только одни восп!

Максимиліанъ. А ну какъ я тебя велю казнить!

Жидъ (*бросаясь въ ноги Максимиліану*). Ай вей, тателе, мамеле! У меня е, е гроси, богато гросей, три скатули: въ одной густо, въ другой пусто, въ третьей нѣтъ ницаво.

Максимиліанъ. Ну, вотъ хорошо. А вотъ еще у тебѣ кони хороши?

Жидъ. Васе императорское велицество! Ну, яки у зида кони?

Максимиліанъ. Придется мнѣ, кажется, съ тобой расправиться!

Жидъ. Ай вей, у мене богато коней! Тройка синихъ, тройка сизыхъ, тройка нѣтъ никакихъ!

Максимиліанъ. Ну, вотъ это такъ! У тебя еще жена, говорятъ, хороша?

Жидъ. Зинка? Ну, васе императорское царское велицество, какова у зида зинка? Йихъ банандъ, нема никаково!

Максимиліанъ. Ой, смотри, Янкель!

Жидъ. Е, е зинка! Тамъ такъ хороса, хороса... а-а-а... восива, парсива, на припецку воси бье.

Максимиліанъ. А, хорошо. Ну, теперь повесели насъ, спляши что-нибудь!

Жидъ. Ну какою у зида танцы?!

Максимиліанъ. Вижу, придется мнѣ расправиться съ тобою по-свойски!

---

[1]) Свр. Этн. Обозр. XXXVIII, 162.

Жидъ. Ну, за цево такова рахуба! Ну, я вамъ и протанцюю. Я хоросо танци понимаю: якъ цуцыкъ на морози. Тольки позвольте минѣ Богу помолиться, у насъ севодни сабасъ.

Максимиліанъ. Молись!

(*Царь и гетманъ ходятъ, а жидъ бормочетъ съ завываніями молитвы. Потомъ хоръ поетъ какую-нибудь пѣсню, жидъ танцуетъ. Когда прохаживающіеся царь и гетманъ поворачиваются къ жиду спиной, онъ садится на тронъ, беретъ въ руки скипетръ и державу и самодовольно провозглашаетъ*: „*Я царю, царю!*“ *Жидъ уходитъ, танцуя*).

Гетманъ-малороссъ. Слыхалъ я, ваше царское величество, что у васъ въ темницѣ 33 года сидитъ непобѣдимый рыцарь Аника-воинъ: интересно было бы увидѣть его и побиться съ нимъ.

Максимиліанъ. Хорошо (*садится на тронъ*). Скороходъ, и пр.

Скороходъ. Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи Анику-воина изъ темницы, гдѣ онъ сидитъ 33 года.

Скороходъ. Пойду и приведу и пр. (*уходитъ и возвращается съ Аникой-воиномъ, одѣтымъ въ черный панцырь и черный шлемъ съ черными перьями*).

Аника. Почто, царь, меня призываешь?

Максимиліанъ. Вотъ, Аника-воинъ, хочетъ съ тобою мой пріятель Гетманъ-малороссъ помѣряться силами.

Аника. Вели расковать.

(*Скороходъ снимаетъ цѣпь съ Аники и даетъ ему свою саблю, Аника и гетманъ сражаются, гетманъ падаетъ убитымъ, Аника уходитъ*).

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. **Скороходъ**. Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди, позови доктора.

Скороходъ. Пойду и позову доктора (*уходитъ*).

Докторъ-нѣмецъ (*является съ клистирной трубкой*). Што герръ тсарь меня присывай?

Максимиліанъ. Вотъ вылѣчи! (*указываетъ на гетмана*).

Докторъ. О, хорошо! Где мой нехотяй? Ти, фельтшеръ! Приступай скорѣй!

(*Фельдшеръ появляется пьяный съ громадной бутылкой, напѣваетъ гнуснымъ фальцетомъ*:

„Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ изъ трактира въ погребокъ“.

Подходитъ къ гетману и довольно непочтительно хватаетъ его за носъ. Докторъ суетъ гетману подъ носъ пузырекъ).

Гетманъ (*вставая*). Фу, какъ я крѣпко спалъ!

Максимиліанъ. Ваше царское величество еще дольше спали бы, если бы не докторъ!

(*Появляется Престрашный Исполинъ. На немъ маска, панцырь и шлемъ—все черное*).

Престрашный Исполинъ или Господинъ (*обращаясь къ публикѣ*). Здравствуйте, всепочтеннѣйшіе господа! За кого вы меня признаете: за короля пруськаго или за прынца хранцюзькаго? Я не есть король пруській, ни прынцъ хранцюзькій, а я есть Престрашный Господинъ. (*Подходитъ къ Максимиліану и, вынимая саблю изъ ноженъ, бьетъ его по его саблѣ*). Царь Максимиліанъ, чего хочешь: биться или мириться?

Масимиліанъ. Хочу биться! (*Сражаются, гетманъ, докторъ и фельдшеръ въ страхѣ убѣгаютъ. Исполинъ убиваетъ Максимиліана и садится на тронъ, чѣмъ и кончается трагедія*).

(Записано въ Глуховѣ, Черн. губ., 19 октября 1891 г.).

Типическая особенность этого варіанта—пестрое сплетеніе книжныхъ и народно-поэтическихъ чертъ. Къ книжному источнику можно возвести имена Максимиліана, Адольфа, Брамбеуса, Престрашнаго исполина, Гетмана-малоросса, мученіе за вѣру, сцену суда, отчасти эпизоды съ Мамаемъ и Аникой-воиномъ (посредство народныхъ пересказовъ книжныхъ сказаній?); Жидъ, можетъ быть, данъ интермедіями или вертепомъ; „лакейская цивилизація" обогатила пьесу пѣсней: „Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ..." Мѣстами чувствуется тонъ раёшника, вѣетъ народнымъ анекдотомъ, выступаютъ традиціонныя тройныя повторенія и 33 года, „хочешь биться или мириться" и т. д. Искусственное произведеніе обрастало народно-поэтическими образами и народными переработками другихъ книжныхъ произведеній. Но что относится къ первоначальному зерну и что къ позднѣйшимъ наростамъ? Только находка старинной рукописи или печатнаго текста дала бы намъ возможность отвѣтить на этотъ основной вопросъ темной пока литературной исторіи „царя Максимиліана".

II.

Явленіе I.

(*Атаманъ, есаулъ, разбойники*).

Атаманъ. Здравствуйте, господа! Я за тѣмъ къ вамъ пришелъ сюда... Извините меня въ томъ, что я въ платьѣ худомъ: у меня дома есть праздничный мундиръ—77 дыръ, 32 заплатки, съ меня взятки гладки[1]). Я самъ милліонеръ родился, въ пышности воспитался, отца и матери

---

[1]) Срв. „Этногр. Обозр.", XXXVII, 103.

лишался, и въ эту отчаянную шайку жить попалъ... Есаулъ, есаулъ, встань передо мной, какъ листъ передъ травой!

Есаулъ. Что прикажете, господинъ-атаманъ?

Атаманъ. Встань на край шлюпки, смотри въ зрительную трубку—все ли на морѣ исправно?

Есаулъ. Вижу, вдали большая погода.

Атаманъ. Что намъ за невзгода? Я самъ атаманъ, славный воевода! Отворачивай ребята!

(*Всѣ поютъ*: „Какъ по матушкѣ, по Волгѣ...")

Атаманъ (*есаулу*). Встань на край шлюпки, смотри въ зрительную трубку,—все ли на морѣ исправно?

Есаулъ. Вижу вдали черный лѣсъ и красное село.

Атаманъ. Въ этомъ лѣсу черти живутъ, а это красное село всѣмъ намъ брюшко подвело.

(*Поютъ*: „Приворачивай, ребята, ко крутому бережечку!")

Явленіе II.

(*Царь Максимиліанъ, скороходъ-фельдмаршалъ, Адольфъ, палачъ Браммаусъ, Маркъ-гробокопатель, лѣкарь—изъ-подъ Каменнаго моста аптекарь, Степка-фельдшеръ*).

Максимиліанъ. Здравствуйте, господа! За кого вы меня почитаете: за русскаго или за французскаго? Я не русскій, не французскій, а именно вашъ царь Максимиліанъ. Именно ли для меня сей тронъ сооруженъ?

Всѣ (*въ одинъ голосъ*). Именно для васъ!

Максимиліанъ. Прихожу я, свѣтло стало, се звѣзда съ небесъ спала, сажусь на тронъ, но никто меня не тронетъ,—буду судить царей-царевичей и королей-королевичей, и непокорнаго сына Адольфа.

(*Поется пѣсня*: „Наша царская корона будетъ вѣчно шествовать".)

Максимиліанъ. Скороходъ-фельдмаршалъ, явись предъ тронъ царя Максимиліана!

Скороходъ. Великій, грозный царь Максимиліанъ, почто такъ скоро скорохода-фельдмаршала призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Максимиліанъ. Позвать непокорнаго сына Адольфа!

Адольфъ (*на колѣняхъ*). Дражающій родитель, почто такъ скоро сына Адольфа призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Максимиліанъ. Ты—сынъ мой, а я—родитель твой: очнися, юноша, опомнись, повѣрь моимъ кумирческимъ богамъ!

Адольфъ. Фу, Боже мой! Сказалъ, что не вѣрую твоимъ кумирческимъ богамъ: всѣ твои бози [1]) терзаю подъ нози [1]), въ грязь мечу и ногами топчу!

Максимиліанъ. Быть, быть не можетъ!

---

[1]) Остатки церковно-славянскихъ формъ?

Адольфъ. Не боюсь.

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр.

Скороходъ. Великій грозный царь, и пр.

Максимиліанъ. Позвать палача Браммауса!

Брампаусъ. Великій, грозный царь Максимиліанъ, почто такъ скоро палача Браммауса призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Максимиліанъ. Поди, отведи сына Адольфа въ темницу, дай ему хлѣба крошку и воды ложку.

Браммаусъ. Слушаю приказъ и исполняю тотчасъ!

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр.

Скороходъ. Великій, грозный царь, и пр.

Максимиліанъ. Позвать непокорнаго сына Адольфа!

Адольфъ. Дражающій родитель, и пр.

Максимиліанъ. Призывалъ я тебя разъ, призываю и другой: очнися, юноша, опомнись, повѣрь моимъ кумирческимъ богамъ!

Адольфъ. Фу, Боже мой! Сказалъ, что не вѣрую, и пр.

Максимиліанъ. Быть, быть не можетъ!

Адольфъ. Не боюсь.

Максимиліанъ. Разстрѣляю!

Адольфъ. За Христа умираю.

Максимиліанъ. Позвать палача Браммауса!

Браммаусъ. Великій, грозный царь Максимиліанъ, почто такъ скоро палача Браммауса призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Максимиліанъ. Поди, отведи сына Адольфа на лобное мѣсто и предай его злой казни!

Браинаусъ. Жаль, жаль царскаго сына, но царскій указъ воленъ (?). Какъ я тебя Адольфъ любилъ, такъ и убилъ, и самъ себя злой смерти предаю [1]). Но проси своего родителя, не проститъ ли онъ тебѣ.

Адольфъ. Родитель, прости! (*трижды*).

Максимиліанъ. Не прощу! (*трижды*).

Адольфъ. Но хотя и не прощаешь, дай мнѣ попить, поѣсть, повеселиться и со всѣмъ здѣшнимъ народомъ проститься.

Максимиліанъ. Пей, ѣшь [2]) и со всѣмъ здѣшнимъ народомъ прощайся. Вотъ тебѣ три часа.

Адольфъ. Прощай, западъ и востокъ, весь предмилый здѣшній народъ; прощай, солнце и луна, предмилость здѣшняя сторона; прощай, родъ, прощай, народъ; прощай, царь и царица, и вы всѣ, красныя дѣвицы! Стало быть, мнѣ на бѣломъ свѣтѣ не жить, въ сыру землю свою голову сложить!

Максимиліанъ. Полно, полно, пташка, распѣвать, родительское сердце надрывать: пора тебя злой смерти предавать!

(*Поется пѣсня*: „Умерла наша надежда и скончалася любовь". *Палачъ казнитъ Адольфа и тутъ же убивается самъ*).

---

1) Слѣды путаницы и нарушенія послѣдовательности.
2) Пропущено „веселись".

Максимиліанъ. Скороходъ-фельдмаршалъ, явись предъ тронъ царя Максимиліана!

Скороходъ. Великій грозный царь, и пр.

Максимиліанъ. Позвать Марка-гробокопателя!

Маркъ-гробокопатель (*ползя на четверенькахъ*). Скокъ черезъ порогъ, едва каляги (?) переволокъ, саблю въ потолокъ, пенья-коренья, лѣшій знаетъ, куда залѣзъ, солнце высоко, до царя далеко... Здравствуй, царь Максимиліанъ!

Максимиліанъ. Здорово, старикъ! Гдѣ былъ?

Маркъ. Въ Мамаевомъ царствѣ.

Максимиліанъ. Что дѣлалъ?—**Маркъ**. Купилъ куль табаку.

Максимиліанъ. Ну, старикъ, нюхнемъ, да и за Волгу [1]) махнемъ! Да вотъ эти тѣла нужно убрать.

Маркъ.. Ободрать...

Максимиліанъ. Что, старикъ, говоришь?—**Маркъ**. Убрать.

Максимиліанъ. Такъ, чтобы сверху не гнили, снизу черви не точили.

Маркъ. Черти не точили...

Максимиліанъ. Что, старикъ, говоришь?—**Маркъ**. Черви не точили.

Максимиліанъ. Старикъ, что дѣлаешь?—**Маркъ**. Тѣла обдираю.

Максимиліанъ. Ты бы взялъ ломъ.—**Маркъ**. Я самъ обломъ.

Максимиліанъ. Ты бы взялъ лопату,—**Маркъ**. Я самъ горбатый.

Максимиліанъ. Ты бы взялъ пѣшню.

Маркъ. Я самъ съ плѣшью... Царь, пожалуйте за труды!

Максимиліанъ. А много трудовъ было?

Маркъ. Цѣлая сѣнная плётюха.

Максимиліанъ. Этому старику 25 горячихъ!

(*Кто-нибудь даетъ, а старикъ плачетъ*).

Максимиліанъ. Старикъ, что ты?—**Маркъ**. Захворалъ.

Максимиліанъ. Позвать лѣкаря—изъ-подъ Каменнаго моста аптекаря.

Лѣкарь. Вотъ я и лѣкарь—изъ-подъ Каменнаго моста аптекарь. Не даромъ про меня прошла слава, что я вылѣчилъ не мало: десятковъ пять—шесть въ сырой землѣ есть. Ко мнѣ ходятъ на ногахъ, а уходятъ на дровняхъ [2]). Степка-фельдшеръ! (*трижды*).

Степка-фельдшеръ (*откликается изъ другой комнаты только на третій разъ*). Ау!

Лѣкарь. Гдѣ ты?—**Степка**. Въ телячьемъ хлѣву.

Лѣкарь. Что дѣлаешь?—**Степка**. Курицъ дою, коровъ на яйца сажаю.

---

[1]) Довольно неожиданный переходъ къ „лодкѣ", замятый послѣдующимъ драматическимъ дѣйствіемъ.

[2]) Вліяніе „Петрушки"? Кстати, лубочная картинка, изображавшая „Петруху Фарноса", имѣетъ подъ собою такую подпись:

Здравствуйте, почтенные господа!
Я пріѣхалъ къ вамъ, музыкантъ, сюда.

(„Десять чтеній по литературѣ", М., 1895, 196). Срв. начало „Максимиліана".

Лѣкарь. Иди сюда!—**Степка** (*идетъ и поетъ*):

Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ
Изъ трактира въ погребокъ,
И бутылки шевелятся,
И стаканы говорятъ!

Лѣкарь. Степка, пьянъ?—**Степка.** Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Лѣкарь. Пройди по одной половницѣ!

Степка. Позвольте, ваше благородіе, по всѣмъ! (*Идетъ и падаетъ*).

Лѣкарь. Вотъ этого старика надо лѣчить.—**Степка.** А какъ его лѣчить?

Лѣкарь. Съ боку на бокъ переворотить, а въ ж... осиновый колъ забить.

Скороходъ. Старикъ, что болитъ? **Маркъ.** Голова.

Лѣкарь. Снять черепъ догола, мозговъ убавить да навозу подбавить.

Скороходъ. Старикъ, что болитъ?—**Маркъ.** Пузо.

Лѣкарь. Съѣсть бы тебѣ 77 арбузовъ, заживетъ твое пузо.

Скороходъ. Старикъ, что болитъ?—**Маркъ.** Глаза.

Лѣкарь. У меня есть туръ турецкій (?), купоросъ нѣмецкій: въ лѣвый глазъ пущу, въ правый выпущу, по недугу придетъ (?), оба вырветъ.

Скороходъ. Старикъ, что болитъ?—**Маркъ.** Зубы.

Лѣкарь. Обрѣзать ихъ по самыя губы!

Скороходъ. Старикъ, что болитъ? **Маркъ.** Ноги.

Лѣкарь. Обрубить ихъ на порогѣ, козлячія приставить да плясать заставить!

(*Старикъ съ фельдшеромъ начинаютъ плясать. Поется пѣсня*):

„Русскій царь собралъ дружину
плысть (sic) по морю на чужбину
и велѣлъ своимъ орламъ
въ гости къ добрымъ пруссакамъ“.

Явленіе III.

(*Царь Максимиліанъ* [1]), *Ѳедотъ*, *Богиня*, *Смерть*, *Марсъ*).

Ѳедотъ (*выходя на средину*). Я есть Ѳедотъ, по прозванью анекдотъ. Кто противъ меня встанетъ, тотъ тутъ же ноги протянетъ. Всю я землю и луга изошелъ, никакого себѣ ни черта, ни монаха ни нашелъ! Нѣтъ мнѣ ни стрѣшника, нѣтъ ни поперешника!

Смерть. А вотъ тебѣ встрѣшница, вотъ тебѣ поперешница!

Ѳедотъ. Что ты за баба, что за пьяница?

Смерть. Я не баба и не пьяница, а смерть твоя, красавица!

Ѳедотъ. Дай мнѣ пожить на три годочка!

Смерть. Нѣтъ тебѣ на три денечка.

Ѳедотъ. Дай мнѣ пожить на три денечка!

Смерть. Нѣтъ тебѣ на три часочка.

Ѳедотъ. Дай мнѣ пожить на три часочка!

Смерть. Нѣтъ тебѣ на три минутки, а вотъ тебѣ востра коса!

Марсъ. Ты, богиня, почто въ чужія земли залетаешь, на меня на

[1]) Въ этомъ явленіи онъ, однако, не выступаетъ: пропускъ или ошибка?

Марса нападаешь? Видишь гробъ и яму? Стой, не вались, прежде дѣла не хвались! Я съ тобой могу биться и рубиться, не хочу твоему вострому кинжалу покориться, на саблю радъ, на мечъ твой кладенецъ... Я выбираюсь противъ тебя молодецъ. Но проси своихъ боговъ, не помогутъ ли они тебѣ..

Богиня. О, бози мои, бози! покорите, помозите [1]) непріятеля подъ нози!

Марсъ. Сражаюсь.—**Богиня.** Защищаю [2]).

Явленіе IV.

(*Царь Максимиліанъ, царь Мамай и молодой посланникъ*).

Мамай. Молодой посланникъ, явись предъ тронъ царя Мамая!

Молодой посланникъ. Великій, грозный царь Мамай! Почто такъ скоро молодого посланника призываете, какіе дѣлать указы повелѣваете?

Мамай. Поди, отнеси царю Максимиліану пакетъ, зови сына Адольфа на обѣдъ!

Посланникъ. Великій, грозный царь Максимиліанъ! Вотъ вамъ отъ царя Мамая пакетъ: зоветъ сына Адольфа на обѣдъ.

Максимиліанъ. Поди, отнеси царю Мамаю пакетъ,—скажи, что сына Адольфа 33 года въ живыхъ нѣтъ!

Посланникъ. Великій, грозный царь Мамай, вотъ вамъ отъ царя Максимиліана пакетъ, говоритъ, что сына Адольфа 33 года въ живыхъ нѣтъ [3]).

Мамай. Поди, отнеси царю Максимиліану пакетъ, проси дани-пошлины за всѣ годы плошлое (прошлые?) [4]).

Посланникъ. Великій, грозный царь Максимиліанъ! Вотъ вамъ отъ царя Мамая пакетъ, проситъ дани-пошлины за всѣ годы прошлые.

Максимиліанъ. Поди, отнеси царю Мамаю пакетъ,—скажи, что вмѣсто дани, вмѣсто пошлины—пули, ядра каленыя... Его бусурманская голова съ плечъ долой!

Посланникъ. Великій, грозный царь Мамай! Вотъ вамъ отъ царя Максимиліана пакетъ, говоритъ, что вмѣсто дани, вмѣсто пошлины за всѣ годы плошлые (sic)—пули, ядра каленыя, его (sic) бусурманская голова съ плечъ долой!

Мамай. А развѣ царь Максимиліанъ не знаетъ, что царь Мамай здѣсь пребываетъ?

Максимиліанъ. А развѣ царь Мамай не знаетъ, что царь Максимиліанъ здѣсь пребываетъ?

Мамай. Сражаюсь! **Максимиліанъ.** Защищаюсь!

Мамай. Съ тебя голову срубаю!

(Село Прусово, Яросл. губ., 16 августа 1891 г.).

---

[1]) Отголоски церковно-славянской рѣчи?
[2]) Защищаюсь?
[3]) Любопытная передача *на словахъ* содержанія *письма*.
[4]) Былевая черта.

Не легко разобраться въ этой пестрой смѣнѣ трагическихъ и комическихъ сценъ, въ этой сложной мозаикѣ книжныхъ и народно-поэтическихъ элементовъ. Сопоставленіе состава разныхъ варіантовъ можетъ дать все-таки нѣкоторые намеки относительно содержанія прототипа: къ нему можно отнести съ большою долей вѣроятія устойчивыя, постоянныя черты.

Было бы очень любопытно произвести подробное текстуальное сличеніе большого количества варіантовъ. Пока ихъ издано мало, и мы сопоставимъ только крупныя, наиболѣе рельефныя черты извѣстныхъ намъ напечатанныхъ варіантовъ [1]).

А. Петербургскій варіантъ г. Травина.

(„Народный театръ". Сборникъ. М. 1895, 48—61).

1. Появленіе Максимиліана (скороходъ-фельдмаршалъ, Аника-воинъ, пажи) [2]).
2. Регаліи (скипетръ, держава, вся римская честь и слава).
3. Судъ надъ непокорнымъ Адольфомъ; заключеніе въ темницу за разбойничество на Волгѣ.
4. Появленіе уральскаго казака; его пѣсня.
5. Вторичное появленіе Адольфа (Максимиліанъ послѣ его ухода женится на католичкѣ и принимаетъ католическую вѣру).
6. Приказъ Адольфу „повѣрить" католическимъ богамъ и его отказъ.
7. Кузнецъ и заключеніе Адольфа въ оковы.
8. Гусаръ (А. С. Пушкина) и его разсказъ.
9. Третье появленіе Адольфа; усовѣщиванія; его желаніе послушать музыку и посмотрѣть плясуновъ. Пляска 2 мальчиковъ, пѣніе. Издѣвательство Адольфа надъ отцомъ.
10. Появленіе рыцаря Бранбуила, осужденіе Адольфа на смерть, его прощаніе съ народомъ и смерть.
11. Приглашеніе старика-гробокопателя; за обираніе трупа его бьетъ казакъ; онъ проситъ вознагражденія.
12. Портной и его мальчики; избіеніе гробокопателя.
13. Приглашеніе доктора; лѣченіе старика; издѣвательство доктора и побои казака.
14. Борьба и примиреніе Богини, Марса и Звѣзды, брата Богини.
15. Бой Марса съ Аникой-воиномъ и его смерть.
16. Максимиліанъ призываетъ гробокопателя, казакъ бьетъ этого „стараго хрыча" за обшариваніе трупа.
17. Бунтъ Аники-воина противъ Максимиліана.
18. Аника и Смерть.
19. Погребеніе Аники.
20. Сверженіе Максимиліана посланникомъ царя Арона; рѣшеніе Максимиліана „на Волгу отправляться и на легкой лодочкѣ кататься".

---

[1]) Кромѣ указанныхъ ниже, срв. еще Письма Аксакова, III, 221—2.

[2]) Максимиліанъ: За кого признали? За царя русскаго, за Наполеона французскаго, за короля шведскаго, или за султана турецкаго?.. Я не царь русскій и пр. Скороходъ: Почто скоро призываешь, или что дѣлать повелѣваешь?

[illegible]

[illegible]

[illegible] ... мертвыхъ, чертей; цыганъ.

[illegible] ... Капытова и Брандавула.

[illegible]

[illegible] ... и пажъ: грозныя письма [illegible] (старикъ-гробокопатель).

[illegible] ... надъ евреемъ; еврей на [illegible]

[illegible] ... ведутъ на ногахъ, отъ меня [illegible] ... стр. 97), лѣченіе старика [illegible] стр. 97).

[illegible] ... цыганъ.

[illegible] ... бой Капытова и Брандавула.

[illegible] ... и цыганъ мѣняются лошадьми.

II. Варіантъ г. Костина.

(„Этногр. Обозр.", XXXVII, 103—116).

1. [illegible] и [illegible] Максимиліана (римская честь и слава [3]).

2. [illegible] (скипетръ и держава, вся римская честь и слава и [illegible] корона).

3. [illegible] рыцари, магометанскій посланникъ и дерзкая [illegible] „поклоняетъ державнымъ кумерскимъ богамъ и золотымъ [illegible]", [illegible] религіи, негодованіе Адольфа и его бѣгство.

4. [illegible] Адольфа („съ разбойничками знался"); его издѣвательство [illegible], заключеніе въ темницу.

---

[3]) [illegible] „Максимиліана" съ „Вертепомъ". Срв. Этногр. Обозр., 1897, [illegible] [illegible] (—скороходъ), казакъ, Смерть, Наполеонъ, му[illegible] [illegible], мужъ, рыцарь и дѣвушка, цыганъ и цыганка.

[illegible] „[illegible] скоро привыкнешь, какія дѣла, вказы заповелѣ[illegible]"

[illegible] за кого вы меня признаете: за царя русскаго, или за короля [illegible], или за Наполеона французскаго?"... „Я ни царь русскій, ни Наполеонъ французскій, ни король прусскій,— я изъ западныхъ странъ".

5. Гусаръ и его „геройство“.

6. Адольфъ, кузнецъ, казакъ и его „геройство“; осужденіе Адольфа и казнь, рыцарь Бормуилъ („Папаша приказалъ васъ казнить“).

7. Прощаніе Адольфа со свѣтомъ, его смерть, самоубійство Бормуила.

8. Старикъ-землекопатель, погребеніе труповъ; портной; побои и болѣзнь старика; докторъ.

9. „Рыцарское штурмованіе“.

10. Богиня Венера и Марецъ; Звѣзда и его неудачный бой съ Марцемъ; убійство Богини.

заберусь“), его племянникъ, 3
аксимиліана („о, боги мои, боги,
кой, спасеніе града Антона.

гола.

А. Грузинскаго.

XVIII, 161—168).

естъ римская и слава).
ія“); заключеніе въ темницу.
тебя мать мереканская богиня,
иню. Вѣруешь нашимъ кумири-

терзаю подъ ноги, вѣрю Іисусу
держу святой законъ“. Заточеніе
на смерть. Воинъ Бурмаилъ.
го смерть.
похоронить Адольфа (вм. Макси-
. Докторъ и лѣченіе старика.

Униженіе Богини. Бой Бурмаила
Аникой. Аника и смерть.

кѣ“).

итахъ слабо связаны разные
ь (основной), 2) Богиня и
5) „лодка“. Часто они не
го механическая, внѣшняя;
произойти самое сліяніе
основномъ сюжетѣ роль ста-
у, захватывая по пути раз-
гъ, повидимому, сближеніе
едіями и широкою областью
аго діалога. Основной сю-
и данными изъ обильнаго

—хулителя.

Б. Чигиринскій варіантъ г. М. Васильева.

(„Этногр. Обозр.“, 1898, XXXVI, 83—100).

1. Иродъ, истребленіе Аникой младенцевъ, Иродъ и Смерть, рѣшеніе Аники поступить на службу къ Мамаю [1]).

2. Появленіе богатыря Индюха (срв. въ нашемъ II варіантѣ Атамана) и Максимиліана (персидскаго царя).

3. Регаліи (корона на скрещенныхъ мечахъ); „жандары“.

4. Еврей.

5. Пажъ [2]).

6. Первое приглашеніе Адольфа; „кимирическіе“ (магометанскіе) боги; Адольфа уводятъ.

7. Вторичный призывъ и отказъ Адольфа; его уводятъ.

8. Третье приглашеніе и заключеніе Адольфа въ оковы. „Я въ пустыню удаляюсь“.

9. Послѣдній призывъ и осужденіе на смерть Адольфа; братъ Максимиліана Брандавулъ.

10. Смерть Адольфа и Брандавула—убійцы.

11. Пажъ и дѣдъ-гробокопатель; еврей; погребеніе труповъ; дѣлежъ вознагражденія за погребеніе.

12. Цыганъ—грабитель.

13. Жалоба еврея, судъ надъ цыганомъ; портной; цыганъ.

14. Бой Буяна и Шампана, Капытова и Брандавула.

15. Богиня и Максимиліанъ.

16. Король Мамай и воинъ, Максимиліанъ и пажъ: грозныя письма, бой королей, смерть Мамая, его погребеніе (старикъ-гробокопатель).

17. Старикъ и еврей, ихъ столкновеніе; судъ надъ евреемъ; еврей на караулѣ; еврей и чортъ.

18. Болѣзнь старика; докторъ („Ко мнѣ ведутъ на ногахъ, отъ меня ведутъ на дровняхъ“); фельдшеръ (=адъютантъ стр. 97); лѣченіе старика (Марка-гробокопателя, стр. 97).

19. Арапъ подъ Царь-градомъ; цыганъ.

20. Столкновеніе Богини и Брандавула; бой Капытова и Брандавула.

21. Максимиліанъ и цыганъ мѣняются лошадьми.

В. Варіантъ г. Костина.

(„Этногр. Обозр.“, XXXVII, 103—116).

1. Появленіе и хвастовство Максимиліана (римская честь и слава [3]).

2. Регаліи (скипетръ и держава, вся римская честь и слава и золотая корона).

3. Придворные рыцари, магометанскій посланникъ и дерзкая богиня, которая „подвергаетъ дерзкимъ кумерскимъ богамъ и золотымъ статуямъ“; перемѣна религіи, негодованіе Адольфа и его бѣгство.

4. Поимка Адольфа („съ разбойничками знался“); его издѣвательство надъ отцомъ; заключеніе въ темницу.

---

[1]) Сближеніе „Максимиліана“ съ „Вертепомъ“. Срв. Этногр. Обозр., 1897, XXXV: Иродъ, спекуляторъ, (=скороходъ), казакъ, Смерть, Наполеонъ, мужикъ, донской казакъ, жидъ, лыцарь и дѣвушка, цыганъ и цыганка.

[2]) Пажъ: „Почто такъ скоро призываешь, какія дѣла, вказы заповелѣваешь?“

[3]) „Дѣти, за кого вы меня признаете: за царя русскаго, или за короля прусскаго, или за Наполеона французскаго?“.. „Я ни царь русскій, ни Наполеонъ французскій, ни король прусскій,—я изъ *западныхъ* странъ“.

5. Гусаръ и его „геройство".
6. Адольфъ, кузнецъ, казакъ и его „геройство"; осужденіе Адольфа и казнь, рыцарь Бормуилъ („Папаша приказалъ васъ казнить").
7. Прощаніе Адольфа со свѣтомъ, его смерть, самоубійство Бормуила.
8. Старикъ-землекопатель, погребеніе труповъ; портной; побои и болѣзнь старика; докторъ.
9. „Рыцарское штурмованіе".
10. Богиня Венера и Марецъ; Звѣзда и его неудачный бой съ Марцемъ; убійство Богини.
11. Убіеніе Марца Аникой
12. Мамай („въ римскую имперію заберусь"), его племянникъ, 3 посланія Максиміану; отчаяніе Максимиліана („о, боги мои, боги, боги—магометы!"); убіеніе Мамая Аникой, спасеніе града Антона. (вліяніе Бовы?)
13. Аника и Смерть.
14. Сверженіе Максимиліана съ престола.

Г. Рѣчицкій варіантъ г. А. Грузинскаго.

(„Этногр. Обозр.", XXXVIII, 161—168).

1. Обращеніе актеровъ къ хозяину.
2. Появленіе Адольфа и Максимиліана.
3. Регаліи (скипетръ-держава и вся честь римская и слава).
4. Адольфъ („съ разбойничками знался"); заключеніе въ темницу.
5. Адольфъ и Максимиліанъ: „была у тебя мать мереканская богиня, теперь я себѣ взялъ кумирическую богиню. Вѣруешь нашимъ кумирическимъ богамъ, золотымъ статуямъ?".
6. Отказъ Адольфа: „я ваши боги стерзаю подъ ноги, вѣрю Іисусу Христу, который распятъ на кресту, и содержу святой законъ". Заточеніе въ темницу, второй призывъ, осужденіе на смерть. Воинъ Бурмаилъ.
7. Прощаніе Адольфа со свѣтомъ и его смерть.
8. Старикъ-гробокопатель и приказъ похоронить Адольфа (вм. Максимиліана—Демьянъ [1]); болѣзнь старика. Докторъ и лѣченіе старика.
9. Еврей (портной) и казакъ.
10. Максимиліанъ и Богиня. Марецъ. Униженіе Богини. Бой Бурмаила и Марца; смерть Бурмаила. Убіеніе Марца Аникой. Аника и смерть.
11. Гусаръ.
12. Есаулъ и еврей (переходъ къ „лодкѣ").

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ варіантахъ слабо связаны разные сюжеты: 1) Максимиліанъ и Адольфъ (основной), 2) Богиня и Марсъ, 3) Мамай, 4) Аника и Смерть, 5) „лодка". Часто они не связаны совсѣмъ, иногда связь чисто механическая, внѣшняя; иногда трудно и сказать, какъ могло произойти самое сліяніе сюжетовъ. Бывшая, несомнѣнно, въ основномъ сюжетѣ роль старика-могильщика развилась не въ мѣру, захватывая по пути разные комическіе элементы; происходитъ, повидимому, сближеніе съ „Вертепомъ", „Петрушкой", интермедіями и широкою областью народнаго анекдота и легкаго комическаго діалога. Основной сюжетъ обогащается то тѣми, то другими данными изъ обильнаго

[1]) Одно изъ пѣсенныхъ именъ царя—мучителя.

запаса народной памяти. Этотъ основной сюжетъ мы представляемъ себѣ приблизительно въ такомъ видѣ:

1) Торжественное появленіе Максимиліана; тронъ; свита.

2) Регаліи и судъ; отказъ Адольфа; поруганіе боговъ.

3) Мученія Адольфа.

4) Его смерть и погребеніе (палачъ, гробокопатель, самоубійство палача, комическія выходки гробокопателя).

5) Гибель Максимиліана.

Этотъ сюжетъ осложняется или устойчивыми, распространенными, или случайными вставками. Къ первымъ можно отнести комическія сценки (докторъ, фельдшеръ, портной, еврей, цыганъ), „лодку" (ея вліяніе сказывается въ обрисовкѣ Адольфа и даже Максимиліана), Богиню и Марса, Анику и Смерть, Мамая. Ко вторымъ—царя Арона, Ѳедота (Анику?), гетмана-малоросса, гусара, Ирода, Индюха, Буяна и т. д. Роль старика-могильщика вторгается и во вставки.

Всѣ варіанты богаты любопытными книжными чертами: искусственныя пѣсни, „гусаръ", „Марсъ", „Венера" (кстати, очень популярная въ „кантахъ"—см. Сперанскій, l. c., 204, 224, 225, 250), „градъ Антонъ", „Бурмаилъ", „Бормаилъ", „Брандавулъ", „Бранбуилъ", „Браммаусъ", „Брамбеусъ", „Шампанъ", „римская честь", „адъютантъ", „римская имперія" и т. д.

На ряду съ ними мелькаютъ черты духовныхъ стиховъ, былинъ, сказокъ, устойчивые пріемы народно-поэтической техники, разные виды ретардаціи, опредѣленность формулъ и т. д. На всѣхъ варіантахъ сильный отпечатокъ великорусской рѣчи[1]), что, можетъ быть, указываетъ на исходную точку распространенія пьесы; слабые остатки церковно-славянской рѣчи, по всей вѣроятности, должны быть отнесены къ переработанному великорусскимъ простонародіемъ книжному прототипу.

В. Каллашъ.

---

[1]) „Лѣкарь изъ-подъ Каменнаго моста аптекарь" и „Лобное мѣсто"—даже спеціально московскіе отголоски.

ОЧЕРКИ ПОШЕХОНЬЯ [1]).

3. *Народныя гаданія.*

Самое видное мѣсто въ ряду народныхъ гаданій занимаютъ, конечно, гаданія святочныя; съ нихъ мы и начнемъ нашъ обзоръ народныхъ гаданій въ Пошехонскомъ уѣздѣ, привлекая иногда для сравненія данныя также изъ другихъ уѣздовъ Ярославской губерніи [2]).

Большинство святочныхъ гаданій совершается въ канунъ Новаго года и въ канунъ Крещенія, нѣкорые же виды гаданій совершаются въ теченіе всѣхъ святокъ. Для большинства гаданій дѣвицы сходятся вмѣстѣ, но не всѣ, какъ на бесѣду, а только самыя лучшія подруги, и, такимъ образомъ, составляются отдѣльные кружки. Большинство гаданій совершается вечеромъ или ночью; нѣкоторыя гаданія должны совершаться гадающимъ въ одиночку.

1) Самое распространенное гаданіе въ Ярославской губерніи —это *литье олова* или *воска*. Растопленное олово или воскъ выливаютъ въ ковшъ холодной воды или снѣга. При этомъ получается обыкновенно какая-нибудь замысловатая фигура, или „счастье" гадающаго. Счастье это тщательно разсматриваютъ, объясняя затѣмъ его значеніе. Нѣкоторымъ счастье выливается въ видѣ вѣнца, что означаетъ замужество; другимъ въ видѣ гроба, что предвѣщаетъ смерть; третьимъ въ видѣ повозки, что указываетъ на дорогу, и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсматриваютъ счастье „на тѣнь", т. е. смотрятъ, какую будетъ давать тѣнь полученная фигура при свѣтѣ свѣчи на стѣнѣ. По очертаніямъ этой тѣни и стараются обыкновенно узнать свою судьбу.

2) Упрощенный видъ означеннаго гаданія представляетъ существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гаданіе *по жженой бумагѣ*. Скомканную бумагу зажигаютъ со всѣхъ концовъ, и когда она испепелится, то прилежно разсматриваютъ самую полученную фигуру или тѣнь отъ нея на стѣнѣ, и такимъ образомъ стараются узнать свою судьбу.—Или же: смочивъ бумагу, выжимаютъ ее и,

---

1) См. „Этногр. Обозр." XXXV.

2) Къ наблюденіямъ автора нами присоединены нѣкоторыя данныя по этому вопросу изъ матеріаловъ пошехонскаго старожила *С. Я. Дерунова. Ред.*

расправивъ, наблюдаютъ складки, чтобы опредѣлить свою судьбу. (Деруновъ).

3) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ростовскаго уѣзда употребляется гаданіе посредствомъ *яичнаго бѣлка*. Гаданіе это въ сущности есть ничто иное, какъ видоизмѣненное литье олова или воска. Яичный бѣлокъ выпускаютъ осторожно изъ яица въ стаканъ съ холодною водой, гдѣ онъ и образуетъ различныя фигуры, какъ говорятъ въ народѣ, „городъ съ церквами". Полученную фигуру тщательно разглядываютъ и по очертаніямъ ея дѣлаютъ заключеніе о будущей судьбѣ гадающаго. Этотъ видъ гаданія употребляется, впрочемъ, не особенно часто.—*Желтокъ*, выпущенный въ отдѣльный стаканъ, употребляется для такого же гаданія въ Пошехонскомъ уѣздѣ. (Деруновъ).

4) Чтобы узнать свою судьбу, иногда ходятъ *подслушивать подъ окнами* сосѣдей въ ночь на Новый годъ, и по случайно выслушаннымъ словамъ судятъ о своей судьбѣ. Если въ подслушанномъ разговорѣ будетъ упомянута рубаха, то гадающій вскорѣ умретъ; если упомянутъ хомутъ, то у него украдутъ лошадь, и т. п. (см. ниже 19, 20).

Всѣ перечисленные нами виды гаданія совершаются преимущественно въ канунъ Новаго года; въ означенныхъ гаданіяхъ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и замужнія женщины, наравнѣ съ дѣвушками.

Особенно распространены гаданія о замужествѣ. Этотъ циклъ гаданій очень разнообразенъ.

5) Въ Пошехонскомъ уѣздѣ дѣвушка, желающая узнать свою судьбу, выходитъ ночью въ огородъ и ложится на снѣгъ; осторожно поднявшись, затѣмъ она уходитъ. Поутру она разсматриваетъ *отпечатокъ на снѣгу*, сдѣланный ея тѣломъ. Если отпечатокъ этотъ будетъ отчетливъ и ясенъ, то и жизнь дѣвушки въ теченіе цѣлаго года будетъ счастлива; напротивъ, растрескавшійся неясный отпечатокъ предвѣщаетъ несчастную жизнь. Гаданье это совершается въ теченіе всѣхъ святокъ. По словамъ г. Дерунова, гадающая ложится дважды, приговаривая въ первый разъ: „на снѣгѣ черта, какъ Адамова голова, повѣдай правду-истину", а во второй разъ: „Евина голова, какъ снѣжная черта, повѣдай правду-истину".

6) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвушки, чтобы узнать свою судьбу, ходятъ *слушать къ церкви*. Гадающая одна должна отправиться въ двѣнадцать часовъ ночи къ церковной паперти и слушать. Если она услышитъ пѣніе „Исаіе ликуй", то въ этомъ же году выйдетъ замужъ; если же послышится плачъ или пѣніе „Со святыми упокой", то гадающая скоро умретъ.

7) Подобнымъ же образомъ ходятъ въ другихъ мѣстахъ *слушать на перекрестокъ* дорогъ. При этомъ замѣчаютъ, въ кото-

рой сторонѣ послышится собачій лай. Въ ту сторону, откуда послышится лай, и выйдетъ гадающая замужъ. Если собака лаетъ толстымъ, грубымъ голосомъ, то мужъ у гадающей будетъ старый, если тонкимъ голоскомъ—молодой.

С. Я. Деруновъ такъ описываетъ *гаданіе на крестахъ дорогъ*: „Одна или нѣсколько дѣвицъ идутъ изъ бесѣды или изъ дому въ поле по той дородѣ, гдѣ есть перекрестокъ; здѣсь останавливаются, обводятъ большой кругъ, становятся въ него и кричатъ: „Чуръ ко мнѣ! чуръ меня!“ Послѣ этого зачуранія дѣвушки глядятъ на мѣсяцъ, если онъ виденъ, и поютъ: „Мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный, покажи намъ жениховъ!“ Затѣмъ, одна за другой припадаютъ головой къ землѣ, къ снѣгу, и слушаютъ, съ которой стороны слышится звонъ съ колокольни, или откуда ѣдутъ съ колокольчиками и бубенчиками: въ ту сторону услышавшая звонъ и выйдетъ замужъ. При этомъ гаданіи во время моей юности пѣлась пѣсня, изъ которой помню лишь нѣсколько стиховъ:

Мѣсяцъ на небѣ
Ярко свѣтится;
Ходитъ вѣтровичъ—
Въ полѣ шепчется.

Покажи-ка намъ,
Мѣсяцъ, ряженыхъ;
Шепни, вѣтровичъ,
Намъ о суженыхъ...“

8) Въ Ростовскомъ уѣздѣ гаданье это еще нѣсколько видоизмѣняется. Придя на перекрестокъ, гадающая начинаетъ *аукаться*. Съ которой стороны послышится громовой откликъ „самого“ (нечистаго), туда значитъ, выдадутъ ее замужъ. Впрочемъ, гаданья эти употребляются рѣдко: не всякая дѣвушка рѣшится выйти одна въ полночь къ церкви или на перекрестокъ.

9) Гораздо чаще слушаютъ, просто-на-просто *припадая къ землѣ*. Съ которой стороны послышится шумъ, оттуда пріѣдетъ къ гадающей и женихъ.

10) Чтобы узнать послѣднее, нерѣдко употребляется и такое гаданіе: въ Крещенье передъ обѣдней гадающая идетъ на чердакъ, садится *на боровъ* и *слушаетъ*, въ какой сторонѣ прежде всего заблаговѣстятъ: въ ту сторону дѣвушка и выйдетъ замужъ.

11) Чтобы узнать, богато или бѣдно придется жить гадающей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ *слушать къ житницѣ*: если въ житницѣ послышится шумъ, какъ при пересыпкѣ хлѣба, то гадающая будетъ жить богато; если же, напротивъ, въ житницѣ будетъ тихо—гадающая будетъ жить бѣдно.

12) По своему характеру однородно съ перечисленными нами гаданьями существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *слушанье на подворотнѣ*. Гаданье это производится исключительно во время крещенской обѣдни. Гадающая, непремѣнно одна, выйдя на дворъ и растворивъ переднія и заднія ворота, накрывается „столешникомъ“ (скатертью), садится на подворотню переднихъ воротъ и

ждетъ: если ей суждено выйти замужъ въ текущемъ году, то черезъ дворъ проѣдутъ съ бубенцами и колокольчиками, если же нѣтъ, то гадающая ничего не услышитъ. Гаданіе это употребляется сравнительно рѣдко, такъ какъ сопряжено со многими неудобствами для гадающей; такъ, напр., требуется, чтобы въ домѣ никого не было, и т. д.

Нѣкоторыя гаданья употребляются спеціально для того, чтобы узнать, за „вдовца" или „молодца" выйдетъ замужъ гадающая дѣвушка.

13) Для этой цѣли гадающая идетъ въ огородъ и начинаетъ *вымѣривать прясло* маховыми саженями, т. е. во всю ширину вытянутыми руками, произнося при каждой перемѣнѣ рукъ слова: „вдовецъ", „молодецъ". Если послѣдній разъ руки уложатся при словѣ „молодецъ", то и гадающая выйдетъ замужъ за молодца, въ противномъ случаѣ—за вдовца.

14) Подобнаго же рода гаданіе употребляется и для того, чтобы узнать, богата или бѣдна будетъ жизнь гадающей въ замужествѣ; для этого обыкновенно *мѣряютъ житницу*. Гадающая подходитъ къ житницѣ и начинаетъ вымѣривать стѣну ея, сложивъ на груди крестообразно свои руки и произнося при каждой перемѣнѣ рукъ слова: „сусѣкъ", „мѣшокъ". Если послѣдній разъ сложенныя крестообразно руки уложатся при словѣ „сусѣкъ", то гадающая будетъ жить богато; если же уложатся при словѣ „мѣшокъ", то придется жить бѣдно.

15) Вмѣсто вымѣриванія житницы или огорода иногда *считаютъ колья* въ огородѣ, *ступени* на лѣстницѣ или *бревна* въ строеніи, произнося поочередно слова „вдовецъ"—„молодецъ", или „сусѣкъ"—„мѣшокъ".

16) Для того, чтобы узнать, какой будетъ женихъ, старый или молодой, гадающая дѣвушка идетъ ночью къ полѣнницѣ дровъ и беретъ на удачу первое попавшееся *полѣно*. Если выбранное полѣно окажется ровнымъ, прямымъ, то и женихъ будетъ красивый, молодой; если, напротивъ, полѣно попадется кривое, сучковатое, то и женихъ будетъ некрасивый, старый.—Если полѣно при гаданіи трещитъ, то мужъ будетъ брюзга и драчливый (Деруновъ).

17) Одинаковаго значенія съ только что приведеннымъ гаданьемъ и другое, существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда и извѣстное подъ именемъ *хоронить золото*. Дѣвушки, собравшись вмѣстѣ, берутъ четыре блюда; одна изъ нихъ, не участвующая въ гаданіи, кладетъ въ одно блюдо уголь, въ другое—печинку, т. е. кусокъ глины отъ печи, въ третье—щетку и, наконецъ, въ четвертое—кольцо, и закрываетъ блюдо платками. Послѣ этого запѣвается извѣстная пѣсня: „Ужъ я золото хороню", а также другія [1]).

---

[1]) Пѣсни приводятся по записи С. Я. Дерунова. *Ред.*

1) Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро прихорониваю,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ
Палъ-упалъ перстень [высокомъ.
Въ калину, малину,
Въ черную смородину,
Въ алую земляночку...
Очутился перстень
У дородна молодца [1])
На правой на рученькѣ,
На правомъ мизинчикѣ...
Гадай, гадай, дѣвица,
Въ коей ручкѣ былица.
Дѣвушка гадала,
Да не отгадала,
Доброва молодчика...
Вы подруженьки,
Вы голубушки,
Вы скажика-те,
Не утайте-ка,
Мое золото
Мнѣ отдайте-ка.
Меня матушка
Журить будетъ, бить
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
По четыре прутика
Жемчужные.
Дѣвицы гадали,
Да не отгадали.
Добры молодцы, [2])
Отгадайте сами.

2) Гадай, гадай, дѣвица,
Въ коей рукѣ былица,—
Былица достанется,
Жизнь пойдетъ, покатится,
По пригожей срядится,
Молодцу достанешься,
Выживешь, состаришься...
Припѣвъ: Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ приплетаючи,
Златомъ первиваючи.
Гадай, гадай, дѣвица,
Въ коей рукѣ былица,—
Не ладная выскользнетъ,
Негадано выплыветъ,
Жизнь пойдетъ, покатится
Не по жемчугъ—золоту.
Припѣвъ: Черезъ поле идучи, и пр.
Гадай, гадай, дѣвица,
Въ коей рукѣ былица,—
Былица на золотѣ,
На жемчугѣ, серебрѣ...
Съ молодцомъ повяжешься,—
Поживешь, извѣдаешь—
Съ горя не наплачешься...
Припѣвъ: Черезъ поле идучи, и пр.

Четыре изъ гадающихъ дѣвушекъ подъ звуки этой пѣсни вынимаютъ поочереди изъ закрытыхъ блюдъ, что кому достанется. Если дѣвушка вынетъ уголь, то у нея мужъ будетъ негодяй и пьяница, если печинку—то она сама вскорѣ умретъ, если щетку—значитъ у нея мужъ будетъ некрасивый, старый и житье нескладное, если же вынетъ, наконецъ, кольцо—то значитъ мужъ у нея будетъ молодой и житье счастливое. То же и для мужчинъ.

18) Чтобы узнать цвѣтъ волосъ жениха, дѣвушки выходятъ на дворъ и берутъ изъ подворотни по *горсти снѣгу*. Затѣмъ, когда снѣгъ растаетъ, *ищутъ волосъ*, который, въ большинствѣ случаевъ попадая въ снѣгъ, остается въ рукѣ: какого цвѣта волосъ, такого цвѣта будутъ и волосы у жениха.

---

[1]) Вар. „дворянина“.
[2]) Вар. „господа дворяне“.

Имя жениха узнается обыкновенно *подслушиваніемъ* подъ окнами или *слушаніемъ подъ матицей* и *спрашиваніемъ встрѣчнаго*.

19) Въ крещенскій сочельникъ, по возвращеніи отъ вечерни съ освященной водой, гадающая дѣвушка беретъ въ ротъ кусокъ хлѣба (предпочитается прѣсный) и немного освященной воды и становится затѣмъ *слушать подъ матицу* (балку): первое произнесенное присутствующими имя и будетъ имя ея жениха.—Становятся также подъ кресты воронца или подъ полицу у печки для подслушиванія (Деруновъ).

20) Для той же цѣли выходятъ поутру *слушать подъ окна* сосѣдей: первое произнесенное у сосѣдей имя и будетъ имя жениха гадающей. Подслушивать должно, держа въ рукахъ огарокъ первой зажженной утромъ, при затопкѣ печи, лучины или спички.

21) Чтобы узнать имя жениха, выходятъ съ теплымъ блиномъ *спрашивать встрѣчнаго*. Какъ только испекутъ утромъ о святкахъ первый блинъ, гадающая дѣвушка беретъ его, кладетъ себѣ на голову и, выйдя на улицу, поджидаетъ какого-нибудь мужчину, котораго и спрашиваетъ объ его имени. Имя встрѣчнаго и будетъ носить женихъ гадающей дѣвушки. Иногда спрашиваютъ также имя перваго славильщика, а иногда просто-на-просто имя перваго вошедшаго поутру въ избу мужчины. Такое же опрашиваніе дѣлается и парнями (Деруновъ).

22) Для того, чтобы узнать, которая изъ дѣвицъ выйдетъ раньше замужъ, гадаютъ иногда посредствомъ *лучинокъ*. Совершается это гаданье такимъ образомъ: каждая гадающая дѣвушка беретъ огарокъ первой зажженной утромъ лучины, и съ этими огарками всѣ *идутъ на прорубь*, въ которую и опускаютъ зажженныя лучинки. Придя затѣмъ снова въ избу, гадающія стараются вторично зажечь лучинки. Чья лучинка скорѣе загорится, та дѣвушка скорѣе всѣхъ выйдетъ и замужъ.

Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, выйдетъ ли дѣвушка въ данномъ году замужъ, употребляется нѣсколько различныхъ гаданій. Въ Ростовскомъ уѣздѣ употребляется гаданіе при помощи соломы или квашни. Опишемъ вкратцѣ то и другое.

23) Гадающія дѣвушки идутъ на дворъ, и каждая беретъ по горсти соломы изъ находящихся на дворѣ пучковъ, выбирая солому какъ можно прямѣе. Затѣмъ, возвратившись въ избу, стараются *воткнуть пучки соломы въ потолокъ* избы: если солома воткнется у гадающей дѣвушки попарно, то значитъ въ будущемъ году дѣвушка непремѣнно выйдетъ замужъ; въ противномъ случаѣ ей придется, какъ говорятъ, еще годокъ посидѣть въ дѣвкахъ.

24) При *гаданіи съ квашней* гадающія дѣвушки берутъ квашню и идутъ въ огородъ. Здѣсь одной изъ нихъ завязываютъ глаза платкомъ, даютъ въ руки мутовку и заставляютъ отыскать квашн-

ню, предварительно спрятанную въ снѣгъ. Дѣвушка ищетъ ее, бродя по сугробамъ и размахивая во всѣ стороны мутовкой. Если она найдетъ квашню и ударитъ по ней мутовкой, значитъ—быть ей замужемъ скоро, въ противномъ случаѣ придется сидѣть въ дѣвицахъ.

25) Во многихъ мѣстахъ распространено *гаданье съ кольцомъ посредствомъ пѣтуха*. Дѣвушки стараются скрасть у славильщиковъ нѣсколько горстей *овса*. Вечеромъ, собравшись на „посидки" или, какъ говорятъ въ иныхъ мѣстахъ, на „бесѣду" [1]), гадающія дѣвушки кладутъ свои кольца на полъ и обсыпаютъ овсомъ. Впустивъ затѣмъ пѣтуха, наблюдаютъ: чье кольцо пѣтухъ, клюя зерна, выкинетъ прежде, та дѣвушка прежде всѣхъ выйдетъ и замужъ. Въ какую сторону будетъ выброшено кольцо, оттуда пріѣдетъ и женихъ.

26) Въ другихъ мѣстахъ пекутъ *лепешки* и даютъ ихъ такимъ же образомъ ѣсть *собакѣ*. Чью лепешку первую схватитъ собака, та дѣвушка прежде выйдетъ замужъ.

27) Нѣсколько похоже на это и другое гаданье, извѣстное во многихъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда. У славильщиковъ изъ дуги нарѣзываютъ тихонько стружекъ; затѣмъ, эти *стружки зажигаютъ* и замѣчаютъ: въ какую сторону пойдетъ отъ нихъ дымъ—въ ту сторону и выйдетъ дѣвушка замужъ.

28) Послѣднее узнается точно такъ же съ помощью наблюденія надъ коровой или бросанія башмака. Въ Рождественскій сочельникъ гадающая дѣвица замѣчаетъ: *въ какую сторону лежитъ корова* въ этотъ день рогами—въ ту сторону гадающая и выйдетъ замужъ. Бросаніе башмака, довольно распространенное гаданіе, совершается по большей части наканунѣ Новаго года. Гадающія дѣвушки поочереди *кидаютъ башмакъ черезъ колодезь*, замѣчая затѣмъ, въ какую сторону онъ ляжетъ носкомъ: въ ту сторону гадающая и выйдетъ замужъ.

29) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ *гаданье съ водою*. Гадающія дѣвушки отправляются на рѣку или на колодезь. Набравъ тамъ полный ротъ холодной воды, бѣгутъ во всю мочь, не оглядываясь, къ своимъ домамъ. Если дѣвушка добѣжитъ до дому не проглотивши и не выплюнувъ своей воды, то, значитъ, выдадутъ ее замужъ въ будущемъ году; въ противномъ случаѣ ей придется весь будущій годъ сидѣть въ дѣвицахъ.

30) С. Я. Деруновъ сообщаетъ изъ Пошехонскаго уѣзда слѣдующее *гаданье у проруби*: гадающая или гадающій идетъ подъ Новый годъ къ проруби на рѣкѣ, зажигаетъ свѣчку или лучину и смотритъ внимательно въ освѣщенную воду, гдѣ показывается суженый. Это гаданье считается для дѣвушекъ страшнымъ, подоб-

---

[1]) Этимъ обычаямъ былъ посвященъ нашъ 2-й очеркъ въ XXXV кн. „Этногр. Обозрѣнія". *А. Б.*

но нижеслѣдующему (32) гаданью съ двумя зеркалами, потому что суженый можетъ утащить гадающую въ воду; поэтому дѣвушка, увидѣвъ образъ суженаго въ водѣ, должна „чураться", т. е. говорить: „чуръ меня!"

31) Желая видѣть своего „суженаго-ряженаго" въ лицо, поступаютъ иногда такимъ образомъ: на столѣ постилается чистое бѣлое *полотенце*, на полотенце кладутъ *зеркальце*, а на зеркальце ставятъ *рюмку съ водой*, въ которую опускается *кольцо*. Гадающая долго и пристально смотритъ въ кольцо, пока не увидитъ въ лицо жениха. Впрочемъ, существуетъ повѣрье, что гадающая только въ томъ случаѣ увидитъ лицо своего суженаго, если онъ будетъ незнакомый молодецъ; если же онъ знакомый, то гадающая увидитъ только его затылокъ.

32) Гаданье *съ зеркаломъ* обыкновенно варьируется на нѣсколько ладовъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Ставятъ два зеркала такъ, чтобы одно отражалось въ другомъ. Передъ однимъ изъ нихъ ставится столъ и двѣ свѣчки. Гадающая садится передъ столомъ и смотритъ въ зеркало пристально и долго, по возможности, не мигая, до тѣхъ поръ, пока не увидитъ свою „судьбу". Однимъ кажется въ данномъ случаѣ гробъ, такихъ ожидаетъ вскорѣ смерть; другимъ является женихъ и т. д. Необходимо, чтобы гаданье это совершалось непремѣнно въ ночь на Новый годъ, въ 12 часовъ ночи. Гадающая должна быть въ комнатѣ непремѣнно одна: при несоблюденіи этого условія, самое гаданіе не будетъ имѣть никакого значенія. Гаданье съ зеркаломъ совершается еще и инымъ образомъ въ крещенскую обѣдню. Гадающая, положивъ одно зеркало на шестокъ, просовываетъ затѣмъ голову въ трубу, въ отверстіе, гдѣ вкладываются „вьюшки" (устройство крестьянскихъ печей дѣлаетъ это возможнымъ), а также просовываетъ туда и одну руку, въ которой держитъ зеркало надъ головой, и затѣмъ начинаетъ смотрѣть въ зеркало, положенное на шесткѣ, не мигая. Приступая къ этому гаданью, приговариваютъ иногда: „не властенъ Богъ, не благослови Христосъ", или: „тьма разступись, а ты, суженый, покажись". Въ зеркалѣ, положенномъ на шесткѣ, гадающая обязательно увидитъ лицо или затылокъ своего суженаго.

33) Посредствомъ зеркала угадываютъ, наконецъ, составъ семьи жениха. Съ этою цѣлью дѣвушка, выйдя на улицу, *наводитъ зеркало на мѣсяцъ*. Если въ зеркалѣ будетъ одно отраженіе мѣсяца, то, значитъ, у жениха нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ. Если же въ зеркалѣ будетъ нѣсколько отраженій, то соотвѣтственно числу отраженій и будетъ у гадающей число деверей или золовокъ

34) *Глядѣть подъ-овинъ*, гаданье, существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи, есть не что иное, какъ то же

гаданье при помощи зеркала, только видоизмѣненное. Гадающая дѣвушка идетъ днемъ, но непремѣнно одна, въ подъ-овинъ. Ставши въ подъ-овинѣ, она смотритъ пристально и долго вверхъ сквозь колосники [1]). Черезъ нѣсколько времени она увидитъ лицо своего жениха, какъ сквозь дымъ или паутину.—По наблюденіямъ Дерунова, гадающая влѣзаетъ въ овинѣ на полицу, открываетъ „садило"—окно, въ которое сажаютъ снопы на овинъ, и глядитъ въ тьму овина, гдѣ ей показывается лицо суженаго.

35) Существуетъ, наконецъ, гаданье, дающее возможность увидѣть своего „суженаго-ряженаго" вблизи, такъ сказать; во всѣхъ его подробностяхъ. Гадающая дѣвушка запирается на ночь одна въ *нежилой комнатѣ* или *банѣ*. Въ комнатѣ накрывается столъ и ставятся *два прибора*; ножей, впрочемъ, не кладется, потому что „самъ" [2]) зарѣжетъ въ такомъ случаѣ гадающую. Незадолго до полуночи, до пѣнія пѣтуховъ, котораго нечистые боятся и послѣ котораго уже не выходятъ, гадающая садится за столъ и, смотря въ окно черезъ лѣвое плечо, приглашаетъ къ себѣ своего жениха словами: „суженый-ряженый, приходи ко мнѣ ужинать", или: „приходи со мной трапезу трапезовать, а не горе горевать" (Деруновъ). Очень нерѣдко случалось, какъ говорятъ въ народѣ, что женихъ являлся на подобное приглашеніе, или же, по крайней мѣрѣ, показывался въ окно.

Кромѣ перечисленныхъ нами гаданій, существуетъ цѣлый рядъ святочныхъ гаданій, посредствомъ которыхъ гадающій или гадающая можетъ увидѣть свою „судьбу" во снѣ, т. е. рядъ гаданій, основанныхъ на вѣрѣ въ сновидѣнія.

Чтобы увидать суженаго во снѣ, употребляются различные пріемы. Перечисляемъ ихъ здѣсь:

36) Гадающая дѣвушка должна ночью тихонько отколоть отъ угла сосѣдскаго дома щепку и въ ночь на Новый годъ положить *щепку въ изголовье* своей постели съ словами: „суженый-ряженый, явись ко мнѣ". Въ эту ночь ей непремѣнно приснится суженый. Вмѣсто щепки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладется въ изголовье *зеркало*, или *иголка*, или, наконецъ, игральная *карта* (король—для дѣвушки, краля—для парня).

37) Гадающая дѣвушка съѣдаетъ, ложась спать, наперстокъ *соли*, произнося тѣ же слова: „суженый-ряженый, явись ко мнѣ".

38) Гадающая втыкаетъ конецъ *веретена* въ косу.

39) Въ изголовье постели кладется *колодезь*, т. е. четыре-

---

[1]) Толстыя жерди, на которыя ставятся снопы хлѣба для просушки. Жерди эти кладутся не дальше, какъ на полтора или на два вершка другъ отъ друга.

[2]) Крестьяне рѣдко называютъ чорта чортомъ или дьяволомъ изъ боязни его; обыкновенно же называютъ его: онъ, самъ, черный, нечистый. Особенно избѣгаютъ говорить объ немъ вечеромъ; въ послѣднемъ случаѣ всегда оговариваются: „не къ ночи будь сказано".

угольникъ, сдѣланный изъ *лучинокъ*. Суженый-ряженый придетъ къ этому колодцу поить коня.

40) Въ изголовье постели кладется *вѣникъ*, или голикъ: суженый придетъ въ данномъ случаѣ учить свою будущую жену мести полъ. Кладется также *кнутъ*, символъ власти мужа. Если придетъ злой суженый, то беретъ положенное подъ подушку, а добрый начинаетъ цѣловать (Деруновъ).

41) Запираютъ дужку *ведра* замкомъ и *ключъ* кладутъ себѣ подъ голову или надѣваютъ на большой палецъ, а чаще всего на мизинецъ лѣвой ноги: суженый придетъ просить ключа.

42) Сыплютъ *овесъ*, по преимуществу украденный у славильщиковъ, къ порогу и подъ кровать: суженый въ данномъ случаѣ придетъ со своею семьею подбирать хлѣбъ.

43) Въ изголовье постели кладется *гребень*, *полотенце* и *мыло*. Гадающая дѣвушка, ложась спать, произноситъ: „суженый-ряженый, умой меня, оботри меня, причеши меня". Если будущій мужъ не будетъ любить свою жену, т. е. гадающую дѣвушку, то голова послѣдней окажется поутру расцарапанною до крови; въ противномъ случаѣ она бываетъ гладко причесана. Вмѣсто гребня кладутъ иногда *поясъ*, приговаривая въ такомъ случаѣ: „суженый-ряженый, умой меня, утри меня, опояшь меня".

Всѣ означенныя гаданья (34—43) могутъ быть дѣйствительны въ томъ только случаѣ, если они совершаются въ ночь на Новый годъ.

Перечисливъ наиболѣе распространенныя въ Ярославской губерніи святочныя гаданія, перейдемъ затѣмъ къ остальнымъ видамъ мѣстныхъ гаданій, совершающихся не въ святочное время; большая часть изъ нихъ представляютъ изъ себя варіанты тѣхъ же святочныхъ гаданій. Одни изъ нихъ пріурочиваются, подобно святочнымъ гаданьямъ, къ опредѣленнымъ временамъ года, другія, напротивъ, совершаются безразлично въ теченіе цѣлаго года, въ какое угодно время. Начнемъ съ первыхъ. Число ихъ, впрочемъ, весьма ограничено.

44) Обычай *завивать вѣнки* въ Семикъ, передъ Троицынымъ днемъ, существуетъ и въ Ярославской губерніи. Въ четвергъ передъ Троицынымъ днемъ гадающія дѣвушки находятъ березку и изъ вѣтвей ея вьютъ вѣнки, при чемъ вѣтви эти отнюдь не срываются съ березки; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ избѣгаютъ даже ихъ и надламывать. Каждая дѣвушка завиваетъ на свое имя вѣнокъ, перевивая его ленточкой или цвѣтнымъ лоскуткомъ. Завитые такимъ образомъ вѣнки остаются на березкѣ до Троицына дня.

Послѣ обѣдни въ Троицынъ день дѣвушки идутъ къ березкѣ и разсматриваютъ завитые ими вѣнки. Если вѣнокъ не завялъ, то дѣвушка, которой онъ принадлежитъ, проживетъ годъ (въ другихъ мѣстахъ—выйдетъ замужъ); если же, напротивъ, вѣнокъ

завялъ и засохъ, то владѣлица его въ теченіе будущаго года непремѣнно умретъ. Сорвавъ затѣмъ вѣнки, дѣвушки отправляются съ ними на рѣку или на прудъ, гдѣ и пускаютъ ихъ осторожно на воду. Чей вѣнокъ потонетъ всѣхъ скорѣе, та дѣвушка скорѣе всѣхъ и умретъ (по другимъ—умретъ въ текущемъ году); чей вѣнокъ проплыветъ дольше, та дѣвушка дольше и проживетъ[1]); въ которую сторону поплыветъ вѣнокъ, въ ту сторону дѣвушка выйдетъ и замужъ.

45) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи въ среду на крестопоклонной недѣлѣ Великаго поста существуетъ обычай *печь кресты*. Съ печеніемъ этихъ крестовъ соединяется иногда довольно своеобразное гаданье. На каждаго члена семейства печется изъ тѣста по кресту, по возможности одинаковаго вида. Въ одинъ изъ крестовъ *запекается серебряная монета*. Когда кресты испечены, каждый изъ членовъ семейства выбираетъ себѣ по кресту. Тотъ, кому достанется запеченная въ крестѣ серебряная монета, будетъ въ теченіе года жить счастливо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гаданье это варьируется такимъ образомъ: въ одинъ изъ крестовъ запекается монета, въ другой *уголь*, въ третій *печинка*; тотъ, кому достанется запеченная въ крестѣ печинка, въ будущемъ году непремѣнно умретъ, кому достанется уголь—будетъ жить несчастливо, кому монета—будетъ въ теченіе цѣлаго года жить счастливо.

46) Иногда гадаютъ, наконецъ, по *вербѣ* или по *пасхальной свѣчѣ*. Тотъ, кто въ Вербное воскресенье получитъ изъ рукъ священника вербу вѣтвистую, съ пушистыми барашками, будетъ жить въ теченіе цѣлаго года богато, въ противномъ случаѣ его ожидаетъ бѣдность.—Выйдя послѣ заутрени изъ церкви, стараются донести зажженную свѣчу до дому: кому удастся это сдѣлать, того ожидаетъ счастливая будущность. Впрочемъ, оба послѣднія гаданья распространены не во многихъ мѣстахъ и относятся скорѣе къ примѣтамъ, нежели гаданьямъ.

Довольно не велико и число гаданій, не ограниченныхъ извѣстнымъ опредѣленнымъ временемъ, а совершающихся въ теченіе цѣлаго года. Къ такимъ гаданіямъ относится гаданье по звону въ ушахъ, сожиганіе охлопковъ и др.

47) Если у меня *звенитъ въ ухѣ* и я желаю узнать, исполнится ли что-нибудь задуманное мною, я спрашиваю другое лицо: „въ которомъ ухѣ звенитъ?" Если спрошенный отгадаетъ, то задуманное мною исполнится.

[1]) Весьма сходна съ этимъ гаданьемъ примѣта о долговѣчности ребенка. Если волосы ребенка, закатанные въ воскъ и брошенные въ купель, поплывутъ, то ребенокъ будетъ живъ долго, а если потонутъ—ребенокъ умретъ.

48) Когда дѣвушка допрядетъ „кужель“, то беретъ оставшійся *охлопокъ льна*, *зажигаетъ* его и бросаетъ вверхъ: если охлопокъ горитъ ярко и сгораетъ весь, то значитъ гадающую ожидаетъ впереди счастье, въ противномъ случаѣ жизнь ея будетъ несчастлива. Если пепелъ при догораніи подымется самъ собою кверху—житье будетъ хорошее, не подымется—житья не будетъ, разлетится въ разныя стороны—и житье разное.—То же гаданіе употребляется дѣвушками на бесѣдахъ, чтобы узнать, скоро ли придутъ парни-женихи (Деруновъ).

49) Если приходится *спать на новой постели*, то, ложась спать, гадающій мужчина долженъ проговорить: „ложусь на новомъ мѣстѣ, приснись жениху невѣста“; въ эту ночь онъ непремѣнно увидитъ во снѣ свою невѣсту. Если гадаетъ дѣвушка, то она произноситъ: „ложусь на новомъ мѣстѣ, приснись женихъ невѣстѣ“.

50) Чтобы узнать, кто изъ двоихъ дольше проживетъ, берутъ *куриную дужку* за концы и тянутъ каждый къ себѣ, стараясь ее разломить. Когда дужка будетъ переломлена, смотрятъ: чей конецъ длиннѣе, тотъ дольше и проживетъ.

51) Весьма обычно гаданье *любитъ—нѣтъ* посредствомъ обрыванія лепестковъ какого-нибудь *цвѣтка*. Чаще всего для этого употребляются цвѣтки сирени и дикой ромашки.

Въ заключеніе упомянемъ о двухъ видахъ дѣтскаго гаданія, какія привелось намъ встрѣтить въ Ярославской губерніи.

52) Чтобы узнать, что будетъ на другой день, *вёдро или ненастье*, дѣти берутъ на руку *божью коровку* (coccinella) и напѣваютъ: „божья коровка, завтра будетъ вёдро или ненастье?“ Если божья коровка полетитъ, то будетъ вёдро, если же, напротивъ, поползетъ по рукѣ, то будетъ ненастье.

53) Идя *за грибами*, дѣти *кидаютъ корзинки* по землѣ: если корзинка упадетъ вверхъ дномъ, значитъ гадающій ничего не наберетъ; если же, напротивъ, станетъ дномъ на землю, значитъ гадающій наберетъ полную корзинку грибовъ.

---

54) Гаданіе *по Соломону* лѣтъ 10—15 тому назадъ было распространено повсемѣстно; теперь оно встрѣчается сравнительно рѣдко, точно такъ же какъ и гаданье *по Брюсу*.

55) Гаданье *на картахъ* извѣстно повсюду, но описывать его, какъ и гаданье по Соломону, мы не будемъ, такъ какъ гаданья эти общеизвѣстны. Дѣвушки гадаютъ о суженыхъ, о житьѣ-бытьѣ въ замужествѣ и пр.

Кромѣ того, въ каждомъ почти селеніи есть знахари и знахарки, которые гадаютъ о кражахъ, о здоровьи отсутствующихъ, о разныхъ несчастьяхъ.

Кромѣ описанныхъ нами гаданій съ цѣлью узнать будущее, употребляется цѣлый рядъ примѣтъ, но онѣ представляютъ собою уже отдѣльный видъ народнаго суевѣрія, хотя тѣ и другія имѣютъ между собою и много общаго.

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, какъ относится къ гаданьямъ современная крестьянская молодежь. Хотя гаданія для послѣдней и не представляютъ такого серьезнаго и важнаго дѣла, какимъ они были прежде, тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души молодежь продолжаетъ вѣрить въ дѣйствительность, если не всѣхъ, то большей части гаданій, несмотря на наружное скептическое отношеніе къ гаданьямъ. Что же касается до того, что въ большей части гаданій дѣйствуетъ, нечистая сила, то взглядъ этотъ держится въ народѣ и теперь очень крѣпко, какъ это мы видѣли уже и выше изъ нѣкоторыхъ святочныхъ гаданій.

А. Баловъ.

---

4. Обрядность обыденной жизни.

Каждый домохозяинъ, а также и прочіе члены семьи, утромъ, какъ только встанутъ съ постели, подходятъ къ рукомойнику, умываются, утираются, становятся предъ иконами, помолятся и тогда уже принимаются за дѣло. Не умывшись и не помолясь предъ иконами, считается грѣхомъ выходить изъ дома и приниматься за дѣло.

Когда начинаютъ какое-нибудь важное дѣло, то вся семья въ избѣ садится на скамьи и лавки, потомъ всѣ встаютъ и молятся предъ иконами, а затѣмъ и идутъ на дѣло. Предъ проводами когонибудь изъ семьи на чужую сторону, точно также всѣ садятся, встаютъ и молятся.

Пахарь, выѣхавъ въ поле пахать, остававливается за селеніемъ или у полосы своей и молится на востокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда много находится крестовъ „полевыхъ", предъ которыми пахари, жницы, косцы и прочіе рабочіе молятся. Прежде чѣмъ молиться въ полѣ, каждый обтираетъ руки о землю, а затѣмъ молится. Вообще предъ сложеніемъ крестнаго знаменія надо руку помыть, а если въ полѣ воды нѣтъ, то обтираніе о землю замѣняетъ обмываніе водой.

Женщина, начиная жать хлѣбъ, молится и крестится при началѣ жатвы каждое утро, а когда уходитъ съ полосы, тоже крестится. Сѣятель, начиная сѣять хлѣбъ, также крестится при бросаніи первой горсти зерна и говоритъ: „уроди, Боже!"

Женщина не должна ходить и сидѣть съ непокрытой головой— „простоволосая". Она не должна постороннимъ лицамъ показывать свои волоса.

При встрѣчѣ одного человѣка съ другимъ, принято кланяться другъ другу — даже незнакомымъ между собой. Когда на дорогѣ одинъ человѣкъ нагоняетъ другого, то нагонившій говоритъ: „миръ дорогой!" Въ отвѣтъ должно сказать: „милости просимъ, или прошу", а также говорятъ: „добро пожаловать".

Когда, кто-нибудь работаетъ, а къ работающему подходитъ человѣкъ, или проходитъ мимо, то онъ говоритъ работающему: „Богъ помощь, или Божья помощь",—а въ отвѣтъ работающій долженъ сказать: „спасибо"

Когда входятъ въ бесѣду, то говорятъ: „миръ честной компаніи!" а въ отвѣтъ: „просимъ милости".

Во время обѣда или ужина, кто входитъ въ домъ, помолившись, долженъ сказать: „Хлѣбъ да соль—добрая пора!" а хозяева въ отвѣтъ: „милости просимъ хлѣба-соли откушать, садитесь!"

Когда входятъ въ домъ въ гости, то говорятъ: „хозяину въ дому съ хозяюшкой—съ праздничкомъ!" Хозяинъ на привѣтъ гостя отвѣчаетъ: „прошу садиться—гости будете!"

При освященіи храма, при поднятіи колокола на колокольню, при малыхъ освященіяхъ иконостасовъ и прочихъ подѣлокъ въ церквахъ, старосты и духовенство посылаютъ приглашенія въ окрестныя селенія, чтобы жители пожаловали на освященіе или поднятіе колокола. На освященіи и поднятіи колоколовъ народа всегда собирается много изъ окрестныхъ селеній, даже за 10—15 и болѣе верстъ. По случаю такого собранія приготовляются для народа пироги, хлѣбъ, квасъ, прежде варилось и пиво для угощенія пришедшихъ, но теперь пивовареніе стало появляться рѣже. Только въ недавнее время, 2—3 года назадъ, въ одномъ изъ приходовъ сѣвернаго края уѣзда, при освященіи было наварено пива около 100 ведеръ, которое и продавалось пришедшимъ богомольцамъ по 20 к. за четверть ведра. О такомъ незаконномъ вареніи пива и продажѣ составленъ былъ протоколъ, и староста былъ подвергнутъ 10-рублевому штрафу.

Строго придерживаясь внѣшней обрядности при самыхъ незначительныхъ явленіяхъ обыденной жизни, народъ иногда, наоборотъ, поражаетъ поверхностнымъ отношеніемъ къ церковнымъ обрядамъ, напр., къ вѣнчанію, отчасти можетъ быть подъ вліяніемъ старообрядцевъ, живущихъ невѣнчанными. Одинъ нашъ знакомый родственникъ, въ дни моей юности говорилъ:—„Я, дитко, съ бабой вѣкъ изжилъ невѣнчанный; попъ-то записать записалъ, а повѣнчать время оттянулось, а тутъ за его душенькой Богъ послалъ—умеръ. Другой-то батько и не сталъ вѣнчать—прожили

и такъ хорошо". Намъ припоминаются два куплета изъ пѣсни слышанной въ юности:

Вокругъ кустика
Повѣнчалися,
Свѣтлу мѣсяцу
Поклонялися...

Съ неба мѣсяцъ насъ
Приголубливалъ,
Зеленъ кустичекъ
Убаюкивалъ.

Невольно припоминается разсказъ и другого старика, Черепанина, который вспоминалъ: „Давно то было время; я былъ мальчуганомъ, а мнѣ теперь давно на восьмой десятокъ. Въ то время родитель мой судовщичалъ, суда стояли на зимовкѣ у Козьмодемьянска. Была весна, прошла Пасха, а ледъ на Шекснѣ стоялъ, я и пріѣхалъ съ рабочими суда окалывать, да сберегать ото льда. Жили мы въ вашемъ селѣ; а тѣмъ временемъ вода въ Шекснѣ поднялась, да и ледъ пошелъ. Мы это стоимъ, да любуемся на ледоходъ, а въ это время на тотъ берегъ подъѣхала свадьба, которая должна была вѣнчаться въ этотъ день въ вашей церкви. Поѣздъ остановился, а переѣхать было невозможно. Въ это время вашъ попъ стоялъ на берегу и держалъ въ рукахъ метлу, которою подметалъ у дома. Увидавъ подъѣхавшую свадьбу, услыхавъ охи да ахи и соболѣзнуя о неудачѣ свадебниковъ, которыхъ пригласилъ на этотъ день, да и деньги за вѣнчаніе дня за два получилъ впередъ, онъ энергично и находчиво закричалъ, махая метлой поѣзжанамъ и жениху: „Поѣзжайте обратно — вѣнчаны, вѣнчаны! Богъ благословитъ, а я запишу въ книгу: вѣнчаны". Поѣзжане поблагодарили и поѣхали пировать. Да такъ невѣнчанными и прожили вѣкъ".

Во время засухъ а также излишняго обилія дождей жители просятъ священника устроить крестный ходъ на поляхъ, гдѣ служатъ молебны. Нужно видѣть, съ какимъ усердіемъ вѣрующіе молятся и просятъ Создателя о вёдрѣ или дождѣ. Вообще крестные ходы изъ церкви очень распространены въ уѣздѣ, а въ особенности въ такіе дни, какъ въ день Георгія (23 апрѣля), во время выгона скота со дворовъ на поле. Въ этотъ день послѣ утрени крестный ходъ идетъ вокругъ села, а затѣмъ останавливается на концѣ селенія, у того поля, въ которое назначенъ выгонъ скота. Мужчины ведутъ на поводахъ коней, а женщины гонятъ скотъ съ дворовъ мимо крестнаго хода; священникъ окропляетъ скотъ святой водой. Народъ крѣпко вѣритъ, что св. Георгій хранитель и покровитель скота, а потому день этотъ и считается „скотнымъ праздникомъ". Осенью еще день св. „Фрола и Лавра" тоже считается „скотнымъ праздникомъ". Крестные ходы въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совершаются также въ день Казанской Божіей Матери (8-го іюля). День этотъ чтится потому, что съ этого дня начинаются повсемѣстно покосы (страдная пора).

6*

И рядомъ съ этимъ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ церковнымъ ходамъ вспоминается слѣдующій случай, бывшій въ одномъ изъ ближайшихъ селеній Череповецкаго уѣзда года два назадъ. Во время святокъ, деревенскіе парни, увидавъ на улицѣ выброшеннаго дохлаго теленка, пожелали нарядиться ряжеными и устроили слѣдующую процессію: одинъ изъ парней изобразилъ изъ себя священника въ ризѣ изъ рогожъ, другой дьякона, также въ рогожѣ, а остальные дьячка и пѣвчихъ. Изъ рогожъ и соломеныхъ покрышекъ устроили хоругви и подобіе образовъ, а дохлаго теленка уложили въ гробъ и съ такой процессіей стали ходить по селенію, распѣвая разныя пѣсни. Затѣмъ процессія отправилась въ другое селеніе къ приходской церкви, чтобы тамъ похоронить раба „телентія". Тамъ процессію, наконецъ, остановили, и былъ „наряженъ" протоколъ, послѣ чего участники судились въ окружномъ судѣ за кощунство. Но вообще, кощунство въ народѣ замѣчается рѣдко, а если оно и прорывается, то какъ исключеніе. Правда, что нерѣдко религіозныя вѣрованія смѣшиваются съ суевѣріями, и народъ плохо отличаетъ обычаи старины отъ религіознаго обряда. Народъ, напримѣръ, твердо вѣруетъ, что крестные ходы на поле и освященіе скота предохраняютъ ихъ отъ вражьей силы, которая всегда старается вредить человѣку, каковой вредъ можетъ сказаться въ неурожаѣ, въ болѣзняхъ скота.

С. Я. Деруновъ.

Въ хозяйственной жизни нашего крестьянина домашній скотъ составляетъ важнѣйшую цѣнность. Неудивительно поэтому, что на уходъ за скотомъ обращается особое вниманіе, а вмѣстѣ съ этимъ связано также не мало суевѣрій. Особенно распространены повѣрья относительно „шутокъ двороваго" съ домашнимъ скотомъ, причемъ интересны суевѣрные способы, употребляемые при лѣченіи скота.

Дворовый, иначе домовой, хозяинъ, по народному повѣрью, доброе существо, которое живетъ на каждомъ дворѣ, хранитъ домашній скотъ, поитъ и кормитъ его и даритъ имъ хозяевъ. Другого рода отношенія двороваго къ домашнему скоту, случаи не любви и разныя шутки и продѣлки надъ нимъ являются рѣдкими исключеніями; они бываютъ, когда скотина „не ко двору", не той шерсти, которую любитъ дворовый.

Въ послѣднемъ часто бываютъ виновны и сами хозяева, обязанные знать шерсть своего двора. Понадѣясь на возможность для скотины ужиться съ дворовымъ, хозяева иногда заводятъ скотину такой шерсти, которая совсѣмъ не ко двору имъ. Бываютъ случаи, что такая скотина дѣйствительно уживается съ

дворовымъ; но часто хозяева вскорѣ же убѣждаются, что домовой не взлюбилъ насильно навязанную ему животину.

Скотина, которая придется не ко двору, обыкновенно узнается по слѣдующимъ признакамъ: на первое время такая скотина постоянно кричитъ какъ голодная, хотя на самомъ дѣлѣ и была бы кругомъ обихожена; съ теченіемъ времени худѣетъ, становится невеселой. Такое состояніе животнаго народъ объясняетъ тѣмъ, что дворовый не даетъ даже дотронуться до корму нелюбимой животинѣ. Чтобы домовой полюбилъ скотину не ко двору и хранилъ ее, соблюдается такой обычай. По четыремъ угламъ хлѣва хозяева кладутъ насоленные ломти хлѣба со словами: „хозяинъ-батюшко, вотъ тебѣ хлѣбъ, да соль, да добрый животъ: пой, да корми, да насъ животомъ дари". Если, спустя нѣкоторое время послѣ этого, хлѣба не окажется, то для хозяевъ это несомнѣнный знакъ, что домовой полюбилъ животину, въ противномъ случаѣ имъ должно опасаться новыхъ шутокъ домоваго. Изъ такихъ шутокъ самыми частыми и самыми опасными для здоровья скотины считаются „переходъ" и „отмахиванье".

Отмахиваніе, какъ и преслѣдованіе скотины не ко двору, часто случается по винѣ самихъ хозяевъ. Такъ, если хозяева въ сердцахъ обругаютъ скотину подъ „неровенъ часъ" нечистымъ, то дворовый, какъ бы въ наказаніе хозяевъ (хотя и не всегда непремѣнно) отмахиваетъ скотину, т. е. отгоняетъ ее отъ двора. Скотина какъ будто забываетъ свой хлѣвъ, отбивается отъ стада и забирается въ чащу. Напрасно сами хозяева стали бы искать отмахнутую: домовой не показываетъ ее своимъ; впрочемъ, если-бы отмахнутой животинѣ почему-либо и пришлось заночевать въ лѣсу, она совершенно безопасна, будучи оберегаема домовымъ отъ всякаго хищнаго звѣря. На поиски пропавшей такимъ образомъ животины приглашаются люди посторонніе. Будучи найдена, отмахнутая всегда кажется не совсѣмъ здоровой. Лѣченіе ея предоставляется особымъ „знающимъ" людямъ и состоитъ въ наговорахъ, произносимыхъ при глаженьѣ животины, а также надъ хлѣбомъ и водою, даваемыми больной животинѣ.

Шутка домового, называемая „переходомъ", бываетъ въ томъ случаѣ, когда скотина попадетъ на ходы, постоянные пути домового. Домовой, спихивая скотину со своего хода, ударяетъ ее. Поэтому переходъ узнаютъ часто по крови, подтекѣ или ссадинѣ кожи. Въ случаѣ отсутствія этихъ видимыхъ признаковъ, переходъ отличаютъ отъ всякой болѣзни по особому свойству кожи животнаго, попавшаго на переходъ: при глаженьѣ кожа такого животнаго шуршитъ, какъ отсталая. Обычай, соблюдаемый въ такомъ случаѣ, какъ лѣченіе животнаго, называется прощаніемъ и состоитъ въ слѣдующемъ. Хозяева, въ продолженіе 9 или 12 суточныхъ зарей, становятся на повѣти, лицомъ къ востоку и

трижды произносятъ заговоръ: „Хозяинъ-батюшко, прости живота, чѣмъ онъ тебѣ досадилъ!“ По каждомъ заговорѣ дуютъ и плюютъ черезъ правое плечо. Цѣль прощанія—умилоствить двороваго и предотвратить тѣмъ повтореніе этой неладной для скотины и не желательной для хозяевъ ея шутки „нечистаго“.

Я. Ильинскій.

---

5. Болѣзни и ихъ лѣченіе; смерть, похороны и поминки; загробная жизнь.

Во многихъ мѣстахъ существуетъ обычай подкидывать или передавать болѣзни другимъ лицамъ. О возможности передачи насморка и чесотки — повѣріе общераспространенное, имѣющее и свои резонныя основанія. По народному мнѣнію всякую болѣзнь возможно передать кошкѣ или собакѣ: для этого слѣдуетъ взять кусокъ теплаго, только что испеченнаго хлѣба, обтереть имъ тѣло больного и дать проглотить кошкѣ или собакѣ—болѣзнь тотчасъ же оставитъ человѣка и перейдетъ на этихъ животныхъ. Чтобы передать болѣзнь человѣку, употребляется другой способъ: берутъ какую-нибудь тряпицу съ его кровью и гноемъ и подбрасываютъ ее на дворъ или вѣшаютъ на огородъ на видное мѣсто. Кто возьметъ въ руки эту тряпицу, на того перейдетъ и болѣзнь. Тряпица выбирается поэтому цвѣтная, привлекающая вниманіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при заболѣваніяхъ крестьяне прибѣгаютъ къ чтенію надъ больнымъ „страшныхъ“, т. е. заклинательныхъ молитвъ св. Василія Великаго, считая, что всѣ болѣзни происходятъ отъ дѣйствія вражьяго, и что онѣ напускаются на людей по вѣтру,—отсюда по вѣрованію народа и бываетъ „притка“ и „родимецъ“, и „усови“, и „утюмъ“ [1]) Отчитывать больного приглашается обыкновенно священникъ.

Наступленіе смертнаго часа предузнается у крестьянъ по цѣлому ряду примѣтъ, болѣе или менѣе распространенныхъ. За нѣсколько дней до наступленія смерти отъ тѣла больного слышенъ запахъ, напоминающій запахъ земли: „землей пахнетъ“, какъ говорятъ; на тѣлѣ больного появляются черныя пятна—„земля выступаетъ“; мухи, садящіяся на больного, дѣлаются вялыми и иногда околѣваютъ и т. д.

---

[1]) Притка и родимецъ—истерическія болѣзни; „усови“—колики, „утюмъ“—боль въ поясницѣ; „волосъ“, „нырокъ“—костоѣда, „комоха“—лихорадка, „кила“—опухоль на тѣлѣ; „грыжа“—болѣзнь желудка, „цыпки“—болѣзнь рукъ у дѣтей, состоящая въ томъ, что кожа на нихъ растрескивается, „щекотунъ“—дѣтская болѣзнь (см. выше) „нестоиха“—половое безсиліе, „уронъ“—то же что и притка, „шелуди“—чахотка, „вередъ“—чирей, „переломъ“—болѣзнь въ поясницѣ.

Иногда прибѣгаютъ въ данномъ случаѣ и къ другимъ средствамъ: такъ, напр., въ г. Пошехоньѣ въ одномъ домѣ былъ металлическій крестъ; крестъ этотъ обливали водой и воду давали пить больному. Если больному суждено было умереть, то крестъ дѣлался свѣтлымъ, если же больной долженъ былъ выздоровѣть, то крестъ темнѣлъ...

Видя опасное состояніе больного, родные его приглашаютъ священника исповѣдать его и пріобщить его св. таинъ. Къ таинству св. елеосвященія прибѣгаютъ сравнительно рѣже: по мнѣнію народа, принявшій таинство елеосвященія или, какъ говорится, „особоровавшійся масломъ", если онъ выздоровѣетъ, долженъ вести полумонашескую жизнь: ходить въ черномъ, не долженъ ѣсть мяса, не долженъ вступать въ бракъ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай въ минуту предсмертной агоніи умирающаго ставить въ головахъ его сосудъ съ чистой водой, въ которой душа умершаго могла бы омыться отъ грѣховъ; можно замѣтить, по народному повѣрью, какъ вода въ сосудѣ во время этого омовенія колышется.

Тихая кончина—удѣлъ праведника, напротивъ, грѣшниковъ смерть люта.

„Вынимали его душеньку крючьями, шпилами,
Посадили его душеньку на остро копіе,
Понесли его душеньку ко самой сатанѣ"

Такъ описываетъ народный стихъ кончину грѣшника. Агонія умирающихъ дѣтей бываетъ весьма тяжела—они мучатся въ данномъ случаѣ за грѣхи своихъ родителей. Еще тяжелѣе бываетъ агонія колдуновъ и ворожей. По народному вѣрованію колдунъ не можетъ умереть до тѣхъ поръ, пока онъ не передастъ своихъ знаній другому лицу; въ предсмертныя минуты его мучитъ нечистая сила. Чтобы видѣть мученія колдуна, слѣдуетъ вынуть въ потолкѣ комнаты, гдѣ онъ лежитъ, одну потолочину: такимъ образомъ возможно увидѣть, какъ нечистая сила мучитъ несчастнаго колдуна. Къ слову замѣтимъ, что вѣра въ колдуновъ до сихъ поръ весьма крѣпко держится среди простого народа. У мѣстнаго населенія еще недавно особенною извѣстностью пользовался одинъ колдунъ, жившій въ селѣ Никольскомъ, что на Тропѣ, Рыбинскаго уѣзда, другой такой же колдунъ былъ въ д. Лебедевѣ, Трушковской волости, Пошехонскаго уѣзда. Особенно сильно распространена вѣра въ колдуновъ и порчу, ими производимую, въ сѣверной части уѣзда. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что кликуши, которыхъ было такъ много въ шестидесятыхъ годахъ, въ настоящее время встрѣчаются весьма рѣдко среди мѣстнаго крестьянскаго населенія. Впрочемъ, молодое поколѣніе, особенно пожившее въ столицахъ, относится уже весьма скептически во многихъ мѣстахъ и къ колдунамъ.

Нечаянная или скоропостижная смерть есть, по народному вѣрованію, наказаніе за грѣхи; напротивъ, смерть въ дни св. Пасхи—награда за благочестивую жизнь умершихъ. Кто умретъ въ Пасху, тотъ прямо попадетъ въ рай. Какъ только больной умретъ, такъ изъ окна на улицу вывѣшивается полотенце или просто чистая тряпица, которая и остается тутъ шесть недѣль, а потомъ отдается нищимъ. Во все это время въ рукомойникѣ должна быть вода, чтобы душа умершаго имѣла возможность омывать свои руки.

Обрядивъ умершаго, т. е. омывъ его, надѣваютъ на него чистое бѣлье и саванъ и кладутъ въ гробъ. Этимъ дѣломъ по большей части занимаются старыя дѣвицы, отличающіяся набожностью и давшія обѣтъ безбрачія. Про старую дѣвицу, за которую уже перестаютъ свататься женихи, обыкновенно говорятъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, что она „сбирается обмывать покойниковъ". Дѣвицы эти носятъ по большей части смирную, т. е. темную одежду, живутъ отдѣльнымъ отъ своихъ домашнихъ хозяйствомъ, кромѣ обычныхъ работъ, занимаются обученіемъ дѣтей грамотѣ, собираніемъ умершихъ, чтеніемъ надъ ними псалтыри и т. д. Женщины эти въ различныхъ мѣстахъ носятъ различныя названія: чаще всего онѣ называются „келейницами", „вѣкоушами", „волкушами".

Старообрядцы въ большинствѣ случаевъ употребляютъ гробы, въ которыхъ нѣтъ ни одного металлическаго гвоздя, чаще всего колоду. Во многихъ мѣстахъ существуетъ обыкновеніе класть въ руку покойника мелкую мѣдную монету для того, чтобы умершій могъ заплатить на томъ свѣтѣ за перевозъ черезъ огненную рѣку, отдѣляющую рай; по другому объясненію монета кладется въ руку покойнику для того, чтобы онъ могъ купить у другихъ покойниковъ мѣсто на кладбищѣ. Иногда кладутъ съ покойникомъ обрѣзанные его ногти, чтобы ему легче было взбираться па высокую гору, на которой находится рай. Съ умершей женщиной кладется иногда пряжа.

Лишь только кто-нибудь въ деревнѣ умретъ и вѣсть о томъ разнесется по всѣмъ дворамъ, всѣ, и родные и чужіе, спѣшатъ въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, и каждый изъ усердія несетъ ему въ даръ восковую свѣчку: этими-то приносимыми свѣчами и поддерживается постоянно огонь въ головахъ умершаго. Вдова, мать или другія самыя близкія къ покойнику женщины начинаютъ „голосить", т. е. съ воплемъ и слезами причитать о своей потерѣ, о своей горькой участи, о душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ умершаго. Поголосить по умершемъ—значитъ отдать ему послѣдній долгъ, и потому, кто умираетъ сиротою, не оставляя послѣ себя ни матери, ни жены, ни близкихъ родныхъ, надъ тѣмъ поголосить считаетъ своимъ долгомъ даже и совершенно посторонняя для умершаго старуха. Нѣкоторыя женщины пріобрѣтаютъ

особый навыкъ, можно сказать, искусство въ умѣньи голосить: онѣ такъ умѣютъ притвориться плачущими, что неопытный приметъ ихъ причеты за изліяніе дѣйствительной горести.

Конечно, въ этихъ причетахъ часто встрѣчаются выраженія условныя, но должно замѣтить, что многіе изъ нихъ не подготовляются, а выливаются прямо изъ груди, подъ вліяніемъ скорби. Всѣ похоронные причеты отличаются своимъ однообразіемъ; въ нихъ нѣтъ такого разнообразія въ содержаніи, какое встрѣчаемъ мы въ причетахъ свадебныхъ. Это вполнѣ объясняется чувствомъ одной лишь скорби, волнующимъ душу участниковъ похоронъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на однообразіе въ содержаніи, и похороннымъ причетамъ нельзя отказать въ глубинѣ чувства и въ силѣ и образности языка. Съ этой стороны похоронные причеты нисколько не уступаютъ свадебнымъ.

Во все время, пока покойникъ лежитъ подъ образами, по немъ голосятъ по нѣскольку разъ въ день и читаютъ такъ называемый „канунъ", т. е. заупокойный канонъ съ псалмами. Чтеніе кануна продолжается и послѣ похоронъ, иногда до сорокового дня. Читаютъ канунъ преимущественно дѣвушки „вѣкоуши", о которыхъ мы говорили выше. При чтеніи кануна употребляются иногда „лѣстовка" (кожаныя четки) и „подрушникъ", т. е. платъ съ вышитымъ посрединѣ его крестомъ; на этотъ платъ и кладутся обыкновенно поклоны.

Погребеніе совершается чаще всего до истеченія трехъ дней, положенныхъ закономъ, такъ какъ выполненіе этого закона, при тѣснотѣ крестьянскихъ помѣщеній, лѣтнихъ жарахъ и при отсутствіи при церквахъ усыпальницъ, является въ иныхъ случаяхъ не только дѣломъ затруднительнымъ, но даже и прямо невозможнымъ. Въ день выноса, въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, собираются всѣ родные и знакомые для прощанья и проводовъ.

Гробъ выносится изъ избы ногами впередъ: при несоблюденіи этого условія, въ домѣ въ скоромъ времени опять будетъ покойникъ. Несется гробъ до погоста на оглобляхъ, связанныхъ въ двухъ мѣстахъ, и ни разу не становится на землю; если процессія съ гробомъ остановится передъ чьимъ-нибудь домомъ, то въ этомъ домѣ будетъ покойникъ. Несутъ на плечахъ и, смѣняясь, передаютъ другъ другу на ходу съ плеча на плечо. Почти повсемѣстно въ Пошехонскомъ уѣздѣ существуетъ обычай первому встрѣтившемуся съ похоронной процессіей дарить кусокъ полотна или полотенце.

Лишь только тѣло покойника вынесутъ изъ избы, хозяйка дома садится на то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ. Посидѣвъ на немъ нѣсколько минутъ, она принимается затѣмъ мести полъ, вымываетъ столъ, лавки, и употребленныя для этого дѣла тряпицы, вѣникъ, солому, на которой лежалъ покойникъ, посуду, въ которой была

вода для его обмыванія, гребень, которымъ расчесывали ему волосы—все это выноситъ за околицу и бросаетъ на первомъ перекресткѣ, а въ избѣ все примываетъ. Послѣ этого накрывается столъ, и готовится поминальный обѣдъ.

Пока такимъ образомъ прибирается изба, тѣло умершаго приносится къ погосту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гробъ вносится въ церковную ограду въ одну калитку, а всѣ сопровождающіе его входятъ въ другую. Гробъ опускается въ могилу чаще всего на холстѣ, который достается затѣмъ рывшимъ могилу.

По окончаніи похоронъ всѣ родные и знакомые отправляются въ домъ умершаго на поминки. Болѣе состоятельные крестьяне ставятъ „столы" (обѣдъ) не только для своихъ родныхъ и знакомыхъ, но и для нищихъ.

С. Я. Деруновъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о поминовеніи умершихъ.

„Поминки, т. е, угощеніе кушаньями, совершается послѣ каждаго покойника; но по богатымъ поминки устраиваются для всѣхъ знакомыхъ, которыхъ сходится много изъ окрестныхъ селеній, а нищіе приходятъ издалека на поминки по богатымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пошехонскаго уѣзда на поминки по богатымъ сбираются по 200 и до 1000 человѣкъ и болѣе, которыхъ и кормятъ на улицѣ за столами или въ избахъ. Поминки по умершемъ совершаются: въ день погребенія, въ 3-й 9, 20 и 40 дни, но преимущественно въ день погребенія, а въ „полусорочины", и въ „сорочины", т. е. въ 20 и 40 день, менѣе, въ остальные дни еще менѣе, а также и въ годовщину. Вообще поминки по умершемъ стараются сдѣлать сытыми и обильными кушаньями. На поминкахъ всегда присутствуетъ на первомъ мѣстѣ священникъ, причтъ съ супругами, а послѣ стола духовенство снабжается пирогами.

Послѣ похоронъ умершаго и послѣ поминокъ, поминовеніе продолжается не только въ тѣ дни, которые перечислены выше, но каждодневно. Дѣтей по отцѣ или матери старшіе учатъ, чтобы они утромъ, когда молятся, а также и вечеромъ поминали умершаго такъ: „упокой Господи раба Божія или рабу Божію (имя рекъ). Дай Господи царство небесное (имя рекъ)". При этомъ полагается положить кромѣ поясныхъ—земной поклонъ. Вообще говорятъ, что дѣти паче всего должны молиться за умершихъ потому, что дѣтская молитва до „седьмого неба" доходитъ—прямо къ Богу, и молитва пожившихъ людей только до „перваго неба"— до ангеловъ, а они уже просятъ Бога за душу умершаго.

Послѣ каждой обѣдни, въ храмовые праздники и на Пасхѣ въ особенности, родные должны притти къ умершимъ, т. е. къ могилѣ покойника, посидѣть или, припадая головой, попричитать

по умершемъ, а также помолиться и помянуть умершаго, какъ новопреставленнаго, такъ и прежде умершихъ сродниковъ. Въ святой день Пасхи родные послѣ утрени и обѣдни на могилахъ родныхъ „христосуются“, а нѣкоторыя лица, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кладутъ красное яичко на могилу, а потомъ его съ собой же и уносятъ и говорятъ: „это яичко у родителей было“. Въ праздникъ Пасхи, по народному убѣжденію, разверзаются небеса, и во всю Свѣтлую недѣлю души умершихъ находятся между родными.

Вообще поминовеніе по родителямъ очень соблюдается. Почти у каждаго домохозяина есть книжечка—„поминальникъ“, гдѣ записаны имена умершихъ, которые и поминаются священникомъ во время литургіи, какъ въ храмовые праздники, такъ и „въ родительскія субботы“. За поминовеніе родителей платятъ отъ 2 до 5 р. въ годъ“.

Къ этимъ свѣдѣніямъ мы съ своей стороны можемъ прибавить еще нѣкоторыя подробности. Поминальные обѣды стараются обыкновенно приготовить какъ можно обильнѣе и лучше, чтобы всякій присутствующій, кушая всласть, искреннѣе помянулъ покойника и тѣмъ доставилъ бы ему на томъ свѣтѣ покой и отраду. Въ сороковой день въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бываетъ особый обрядъ, такъ называемое „отпиваніе чаши“. Обрядъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: берутъ пиво и вино и смѣшиваютъ его съ медомъ. Послѣ поминальнаго обѣда, при пѣніи погребальнаго канона, священникъ, присутствующій на обѣдѣ, разливаетъ эту смѣсь по стаканамъ и раздаетъ присутствующимъ. Всякій беретъ изъ рукъ священника стаканъ, крестится и выпиваетъ за упокой души усопшаго.

Въ заключеніе слегка коснемся взглядовъ пошехонскаго населенія на жизнь души за гробомъ.

Продолжительный плачъ по умершемъ тревожитъ покой послѣдняго. По народному вѣрованію душа, разставшись съ тѣломъ, нѣкоторое время еще пребываетъ на землѣ; по одному повѣрью она ходитъ на землѣ до третьяго, по другому—до сорокового дня, и, наконецъ, нѣкоторые утверждаютъ, что душа странствуетъ по землѣ до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ ея тѣло.

Если тѣло долго не гніетъ въ землѣ, то это, по народному возрѣнію, вѣрный признакъ того, что умершій былъ человѣкъ грѣшный, и его останки не принимаетъ мать-земля.

Пробывши нѣкоторое время на землѣ, душа усопшаго, по народному вѣрованію, отправляется въ адъ или въ рай, смотря по ея заслугамъ.

„А мнѣ душѣ впередъ итти
Къ тремъ мукамъ грясти“,—

говоритъ грѣшная душа въ духовномъ стихѣ.

Ясно, что всѣ желанія родственниковъ и друзей умершаго направлены къ тому, чтобы душа его избѣгла адскихъ мученій. Средствами, облегчающими участь грѣшной души, считаются чтеніе по усопшимъ кануна, чтеніе „Сна Пресвятыя Богородицы“, заупокойныя обѣдни и раздача милостыни, которая и считается самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ. Обычная формула прошенія милостыни у нищихъ это: „Подайте Христа ради, поминаючи родителей вашихъ во царствіи небесномъ“.

Помяни васъ, Господи,
Во царствіи небесномъ,
Запиши васъ, Господи,
Въ записки церковныё,
Во кануны свѣтлыё.

Такъ поется прошеніе милостыни въ одномъ нищенскомъ, каличьемъ стихѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ вѣритъ, что для спасенія души умершаго, весьма полезно дѣлать пожертвованія на новый колоколъ: колоколъ вызвонитъ погибшую душу изъ ада.

А. Баловъ.

МАЛОРУССКОЕ «ВЕСИЛЬЕ» [1]).

3. *Обряды и пѣсни Полтавской губ.*

(Записано въ с. Ольхахъ, Золотоношскаго уѣзда).

Въ лѣтніе и зимніе вечера, по праздникамъ, собираются на улицу гулять паробки и дивчата; на этихъ гуляньяхъ они поютъ пѣсни, разсказываютъ сказки и т. п. Зимою по ночамъ дивчата собираются въ одну на каждомъ „куткѣ" хату на „досвитки"; здѣсь они занимаются работой: прядутъ, шьютъ, вышиваютъ; сюда же приходятъ къ нимъ и паробки.

На этихъ-то улицахъ и досвиткахъ и происходитъ знакомство и сближеніе парней и дѣвушекъ.

Выбравъ себѣ по вкусу дѣвушку и заручившись ея согласіемъ, паробокъ объявляетъ своимъ родителямъ о желаніи жениться на такой-то дѣвушкѣ. Если родители ничего не имѣютъ противъ этого брака, то отецъ паробка, взявши ржаной хлѣбъ и бутылку водки, отправляется къ родителямъ дѣвушки просить ихъ согласія на этотъ бракъ. Если согласіе послѣдуетъ, то запиваютъ могорычъ—пьютъ сперва водку, принесенную отцомъ парня, а затѣмъ хозяева подаютъ свою; при уходѣ „свата" домой, ему хозяева даютъ свой хлѣбъ, а его хлѣбъ оставляютъ у себя. Если же почему-либо родители дѣвушки не согласны выдать ее за этого парня, то отцу послѣдняго возвращается принесенный имъ хлѣбъ и водка и могорыча не пьютъ.

Запивъ могорычъ, родители сообща выбираютъ день, въ который женихъ со старостами долженъ прійти къ невѣстѣ за рушниками, вмѣсто которыхъ въ послѣднее время даются платки.

Отецъ и мать паробка выбираютъ изъ своей родни или изъ сосѣдей двухъ женатыхъ, уважаемыхъ въ селѣ и отличающихся своимъ умѣніемъ „заговаривать зубы" мужчинъ, знающихъ притомъ точно весь свадебный ритуалъ; къ нимъ отправляется женихъ просить «въ старосты».

Старосты идутъ къ жениху; ихъ угощаютъ водкой, закуской. Женихъ отвѣшиваетъ сперва отцу, потомъ матери по три поясныхъ поклона со словами: «Благословить иты по рушныки (по платки)». Родители на это отвѣчаютъ: «Богъ тебе благословыть и я благословляю». Послѣ этого старосты, взявъ ржаной хлѣбъ и бутылку водки, идутъ къ невѣстѣ

---

[1]) См. „Этногр. Обозр." XXXVII.

«сватать такого-то парня».—Въ хату къ ней входятъ одни только старосты, женихъ же остается во дворѣ. Свою рѣчь старосты начинаютъ издалека: они—подорожные люди, просятся переночевать, разсказываютъ разныя свои приключенія въ дорогѣ и, наконецъ, обращаются къ хозяевамъ съ вопросомъ: нѣтъ ли у нихъ продажной телки и рады ли они гостямъ? Родители отвѣчаютъ на это, что у нихъ есть телка, они согласны ее продать и гостямъ рады, просятъ ихъ садиться за столъ; старосты ставятъ водку и хлѣбъ на столъ, говоря: «А у насъ есть бычокъ; отъ мы купымо телыцю да й спаруемъ йихъ, шобъ охотнiй було удвохъ работать».—Но если родители дѣвушки раздумали отдавать ее замужъ, то отвѣчаютъ старостамъ, что продажной телки у нихъ нѣтъ, гостямъ они не рады, и возвращаютъ имъ ихъ хлѣбъ и водку; старосты возвращаются съ женихомъ домой.

Получивъ утвердительный отвѣтъ относительно продажной телки, старосты зовутъ въ хату жениха, а невѣста своихъ подругъ, которыхъ она раньше еще пригласила къ себѣ на этотъ вечеръ.

Женихъ и невѣста становятся рядомъ посреди хаты, лицомъ къ образамъ, кладутъ по три поклона и вполголоса говорятъ: «Господы, благословы насъ и поможы намъ бракъ получыть»; отецъ снимаетъ со стѣны образъ; къ нему подходятъ молодые, кланяются ему со словами: «Благословы насъ, отець!», крестятся, кладутъ по три поклона и цѣлуютъ икону и руку отца, который ихъ благословляетъ: «Богъ благословыть, и я благословляю»; затѣмъ молодые точно такъ же берутъ благословеніе у матери, затѣмъ кланяются каждому отдѣльно—старостамъ, родственникамъ и вообще всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого невѣста вынимаетъ два платка и на тарелкѣ подноситъ ихъ старостамъ, тарелку отдаетъ матери или ставитъ на столъ и перевязываетъ платкомъ старостамъ правыя руки выше локтей, а жениху подаетъ руку. Родители просятъ старостъ за столъ; садятся и родственники, а прочіе гости уходятъ. Оставшихся гостей потчуетъ водк й женихъ, затѣмъ отецъ и мать невѣсты, подается ужинъ, послѣ котораго гости расходятся по домамъ, а женихъ остается ночевать въ домѣ невѣсты.—При уходѣ старосты получаютъ отъ хозяевъ другой хлѣбъ взамѣнъ принесеннаго ими. Съ этимъ хлѣбомъ они идутъ къ родителямъ жениха и объявляютъ имъ объ успѣшномъ исходѣ сватовства.

Послѣ этого женихъ каждый вечеръ ходитъ къ невѣстѣ, ужинаетъ и ночуетъ у нея.

Дня черезъ два, черезъ три отецъ невѣсты приглашаетъ черезъ жениха къ себѣ его отца и уговариваются о днѣ «сватовства», т. е. формальнаго извѣщенія родственниковъ о предстоящей свадьбѣ.

Къ этому дню приготовляется водка, закуска, приглашаются, тѣ же старосты и близкіе родственники. Всѣ собираются сперва въ домѣ невѣсты. Здѣсь отецъ жениха объявляетъ, какіе близкіе родные есть у жениха, и назначаетъ, какой подарокъ и въ какую цѣну должна дать невѣста каждому изъ нихъ (бываетъ, напр., что для крестныхъ жениха

выговариваются платки рублей по 6—7); въ свою очередь, и отецъ невѣсты назначаетъ подарки, которые долженъ поднести женихъ родственникамъ невѣсты (крестной матери сапоги въ 5—6 р., крестному отцу платокъ въ 6—7 р.); стороны не сразу сходятся въ количествѣ и цѣнѣ подарковъ, спорятъ, торгуются; но разъ онѣ пришли ко взаимному соглашенію, то договоръ выполняется въ точности.

Тутъ же условливаются, давать ли другимъ, болѣе далекимъ родственникамъ однѣ только шишки (хлѣбцы) или же съ платками; женихъ родственникамъ невѣсты обыкновенно даетъ шишку и какую-либо мѣдную монету (1—5 коп.); заодно же рѣшается вопросъ, какую цѣну дастъ женихъ за выкупъ своего коня отъ брата невѣсты (если женихъ не имѣетъ коня, то выкупается его палка); сколько будетъ стоить выкупъ, за такую же сумму должна невѣста купить платокъ свитылкѣ жениха, а сколько заплатитъ женихъ за пришиваніе квитки къ его шапкѣ, столько же невѣста платитъ за платокъ для старшей свашки жениха. Дальше уговариваются, сколько бояръ долженъ имѣть женихъ; обыкновенно ихъ число опредѣляется количествомъ шишекъ съ монетами, которыя раздастъ женихъ роднѣ невѣсты; каждый бояринъ получаетъ въ подарокъ отъ невѣсты платокъ; если же почему-либо женихъ пригласитъ больше бояръ, чѣмъ было условлено, то остальнымъ уже не невѣста, а самъ женихъ даетъ по платку.— По окончаніи договора назначаютъ, въ какое воскресенье быть свадьбѣ. Затѣмъ, послѣ угощенія, гости идутъ въ домъ жениха, гдѣ послѣ закуски осматриваютъ его усадьбу, постройки,—что называется «выглядынамы».

Послѣ этого сватанья дивчата на улицѣ, на досвиткахъ и т. п. поютъ засватаннымъ слѣдующія пѣсни:

1. Снигомъ, Явдошко[1]), снигомъ
Мы за тобою слидомъ
Зеленою дибровою
И хорошою молодою;
И хороша и вродлыва,
Чырвона, якъ калына.

2. Ой гоже, ненько,
Вже й ныраненько;
Чомъ мене не вчышъ, ненько?
Чомъ мене не вчышъ, ны научаешъ,
Якъ свекорку годыты?
Та годы, доненько,
Та годы свекорку,
Якъ ридному батеньку:
Устань раненько,
Вмыйся биленько,
Поклонися ызенько
Старому, й малому,
И Иванку молодому.

3. Зеленая та дибривонька,
Чого въ тоби такъ пынькивъ много,
А зеленого та ни одного?
Колыбъ мини хоть одынъ зеленый,
Була бъ моя вся дибривонька.
Молодая та Явдошко,
Чого въ тебѣ такъ батькивъ много,
А ридного та ни одного?
Тильки все ти, що напытыся,
А никому зажурытыся.

4. Сыне море грае,
Явдошка потопае.
Иванку, твоя воля:
Вырятуй йіи зъ моря,
Буде Явдошка твоя.

5. Та плавала утинка пидъ ледкомъ;
Та давала Явдошка ручку двомъ:
На тоби, Иванку, самому;
Ты, Грыцьку, ны подывуй,
Иды соби зъ иншою пошлюбуй.

6. Вуло лито, було лито
Та й стала зыма;
Насіяла чорнобрывцивъ
Насередъ двора.

[1]) Имя невѣсты; Иванъ—имя жениха.

Колы мои чернобрывци зацвитуть,
Тоди мою русу косу росплытуть,
Уже жъ мои чернобрывци зацвилы,
Уже жъ мою русу косу росплылы.

7\. Та спасыби тоби, моя ненько,
Що ты мене будыла раненько,
А я раненько вставала,
Та соби рушнычкы напряла,
Та по гори ходыла, билыла,
Своимъ старостамъ дарыла.

8\. Ой йихалы буяре горою,
Та клыкалы Явдошку зъ собою;
Иды, иды, Явдошко, зъ намы,
Дамо хусточку зъ перамы.
Я тіи хусточки ны вносю,
Полюбыла Иванка, якъ душу.

9\. Та заручена та Явдошка, заручена,
Дала свою билу руку на заруку.
Ручка жъ моя биленька у батенька,
А чы будышъ така била у свекорка?
А якъ будышъ ты, Явдошко, покирненька,
Буде твоя ручка все биленька;
А якъ будышъ ты, Явдошко, така впряма,
Буде твоя головочка що-дня пъяна

Невѣста во время этой пѣсни плачетъ.

Въ пятницу, за два дня до вѣнчанія, въ домѣ жениха и невѣсты собираются женщины сосѣдки печь „шишки" —небольшіе, круглые пшеничные хлѣбы, украшенные разными фигурками изъ тѣста; они назначаются для подарковъ роднымъ.

Въ субботу тѣ же женщины собираются туда же лѣпить «коровгай»; это пшеничный большой, овальной формы хлѣбъ, украшенный шишечками, зубчиками и поясками изъ тѣста. Когда мѣсятъ коровгай, то поютъ:

10\. Та Иванкова ненька
По улыци ходыть,
Сусидочокъ просыть:
Сусидочкы мои, голубочкы,
Прошу я васъ до хаты
Коровгаю бгаты.

Когда лѣпятъ его, то поютъ:

11\. Трійця по церкви ходыла,
Спаса за ручку водыла.
Та ходы, Спасе, до насъ,
Ой у насъ все гараздъ:
Хорошіи коровгайныци
Коровгай бгають.

Когда коровгай слѣпленъ, то посреди хаты ставятъ скамейку, вокругъ которой бабы обносятъ три раза дѣжу; обойдя кругомъ, каждый разъ подбрасываютъ дѣжу вверхъ такъ, чтобы она ударилась о сволокъ, и сами цѣлуются, при чемъ поютъ:

12\. Ой пичъ стойить на сохахъ,
А дижу носять на рукахъ.
Пéче наша, пéче,
Хорошая коровгайныця!
Цилуюця та мылуюця
Хорошіи коровгайныци.

Послѣ этого одинъ изъ мужчинъ привязываетъ къ палкѣ пукъ кулевой соломы, становится возлѣ порога и говоритъ: «Староста, пани пидстароста»! — «А мы рады слухать», отвѣчаютъ присутствующіе. «Благословить цю чесну пичъ выместы».— «Богъ благословыть!» — «Разъ, другый и третій разъ!» — «Богъ благословыть вси тры разы».— Онъ выметаетъ своимъ помеломъ печь, а бабы поютъ:

13. Кучырявый пичъ вымитае,
А натлати въ пичъ заглядають,
Чы хороше пичъ вымитае.

Тотъ же мужчина беретъ коровгай, положенный на крышкѣ дѣжи, и обращается къ присутствующимъ: «Староста, пани пидстароста!» — «А мы ради слухать». — «Благословить цей чесный хлибъ въ пичъ посадыть!» — «Господь благословыть». — «Разъ, другый и третій разъ!» — «Богъ благословыть вси три разы». Послѣ этого садитъ коровгай на крышкѣ въ печь, вынимаетъ крышку обратно, а бабы поютъ:

14. Наша пичъ гыгоче,
Коровгаю хоче,
А прыпичокъ осмихаеця,
Коровгаю сподиваеця.

Съ утра въ субботу женихъ со старшимъ бояриномъ идетъ по селу къ родственникамъ приглашать ихъ на свадьбу. Войдя въ хату, онъ кланяется въ поясъ присутствующимъ, каждому по три раза, говоря: «Просывъ отець и мать и я просю на хлибъ, на силь и на свадьбу», затѣмъ съ молодыми цѣлуется въ губы, а стариковъ цѣлуетъ въ руку.

Въ то же время и невѣста, взявъ старшую дружку и 10 дружекъ, приглашаетъ на свадьбу своихъ родственниковъ. Дорогой дружки поютъ №№ 1—9 и слѣд.:

15. Та тисніи улыченьки, тисніи,—
Идуть дружечкы пышныи,
Нысуть коровгу чырвону,
А на ти коровзи лыстоньки.
Краща Явдошка отъ свистоньки.
16. Та до бору, дружечкы, до бору,
Рубайте сосонку до долу,
Та понысымо додому
Та поставымо на столи
На гилчасти пырыбирчасти скатерти.
17. Росты, сосна, вгору;
Ныдалеко додому.
Росты, сосна, выще,—
Намъ додому блызче;
Росты, сосна, нызенько,
Намъ додому блызенько.
18. Ой то ны гримъ гримыть,
То Явдошка бижыть
Тиснымы улычками
Съ своимы дружычками,
Калыновымъ островомъ,
Невылыка ростомъ.
19. Ой гаю мій, гаю,
Я тебе кохаю:
И травыцю повыкопую
И на берегъ повыношую;
Теперъ погуляю
Въ зеленому гаю.
20. Ой ны спы, матинко, въ ночи
Та пычы, матинко, калачи,
Та пычы на меду,—
Я до тебе дружычокъ наведу.
21. Лытивъ чорнозадъ черезъ садъ,
Погубывъ пиръячко на весь садъ;
Збирайте, дружечкы, пиръячко,
Збыйте Явдосци гилечко.
22. По той бикъ ставу
Клыче павычъ паву:
Иды, иды, моя павочко,
Дамъ тоби одно яблучко;
Черезъ тее одно яблучко
Потыряла дивуваннячко,
Черезъ тее вирнисенькe
Потыряла молодисенькe.
23. Ой булы мы въ лужку,
Загубылы старшу дружку;
Де йіи шукаты, де йіи пытаты?
Чы въ руги, чы въ мяти,
Чы въ батынька въ хати?
Ни въ руги, ни въ мяти,
Та въ батынька въ хати.
24. Яворе, явирочку!
На жовтимъ писочку
Щука-рыба грае,
Золотее пыро мае;
Сама соби здывувалася,
Що съ хорошымъ нагулялася (2),
Съ кращымъ звинчалася.
25. Ой ны гуды, рою,
Та по-за горою;
Та загуды, рою,
За нашою молодою.

26. Зъ горы та въ долыну
По чырвону калыну,
По хрыщатый барвинокъ
Явдосци на винокъ,
По хрыщастый, зелененькый
Явдосци молоденьки.

27. Та плавалы лебеди по води;
Росплылы кисоньку молоди;
Поплыли лебеди на рикы,
Росплылы кисоньку на вики.

28. Коло вышынькы, коло черешынькы
Паутыночка въеця,
Молода Явдошка коло Иванка
Якъ свыдыночка въеця;
А Иванко гордый та й ны погляне,
Йіи сердынько въяне.

Пригласивъ всѣхъ своихъ родственниковъ, невѣста идетъ приглашать на свадьбу родителей жениха. Подойдя къ воротамъ, дружки поютъ:

29. Отчиняйте дворы,
Заставляйте столы,
Сповняйте кубочкы,
Во вже йдуть дружечкы.

Затѣмъ во дворѣ, передъ порогомъ, онѣ поютъ:

30. Урижъ, матинко, кытайкы,
Застыляй столы й лавкы,
Во йдуть дружечкы—панянкы.

31. Сяду—паду ластивкою
Передъ матинкою,
Передъ двиречкамы
Съ своимы дружечкамы.

Хозяева выходятъ на порогъ и приглашаютъ невѣсту съ дружками въ хату. Невѣста, войдя, кланяется имъ и всѣмъ присутствующимъ, а дружки поютъ въ хатѣ:

32. Помогай Бигъ тому,
Хто въ цёму дому,
Старому й малому,
Богови святому.

Невѣсту съ дружками просятъ за столъ—закусывать. За столомъ передъ закуской дружки поютъ:

33. Ой ны гнивайся, моя ненько, на мене,
Що я навыла свойихъ дружокъ до тебе,
Ой годуй же йихъ билымы калачамы,
Напувай же йихъ солодкимы медамы,
Выряжай же йихъ ласковымы словамы.

Послѣ закуски онѣ поютъ:

34. А у Иванка та ласковая ненька:
Годувала насъ билымы калачамы,
Напувала насъ солодкимы медамы,
Выряжала насъ ласковымы словамы.

Затѣмъ невѣста уходитъ домой. Подъ воротами хаты невѣсты дружки поютъ пѣсню № 29, передъ порогомъ № 30 и 31, въ хатѣ № 32, садятся закусывать, при чемъ поютъ №№ 33 и 34 и ожидаютъ прихода жениха.

Въ субботу передъ вечеромъ у жениха и невѣсты собираются приглашенные ими родственники и знакомые.

У невѣсты выбираютъ изъ среды женатыхъ мужчинъ двухъ „старостовъ“, а изъ женщинъ двухъ или трехъ „приданокъ“.

У жениха выбираютъ „дружка“ и „подружого“, большею частью, лица, бывшія старостами при сватаньѣ, но могутъ быть и другія; затѣмъ избираются: „старшая свашка“—молодая женщина, родственница

жениха, нѣсколько „свашекъ“ и „свитылка“—молодая дѣвушка, сестра или другая близкая родственница жениха. Свитылкѣ дается „свитылныкъ“—деревянный крестъ, воткнутый въ пучокъ василъковъ или другихъ цвѣтовъ и обвитый восковой свѣчей домашняго приготовленія; длина этой свѣчи равняется разстоянію отъ пояса до верха головы у жениха.

Послѣ закуски гости жениха идутъ вмѣстѣ съ нимъ и боярами (молодые парни, числомъ отъ 6—15) съ музыкой къ невѣстѣ; музыку нанимаетъ женихъ.

Эта вечеринка называется „*дивытъ-вечиръ*“. Бояре дорогою поютъ обыкновенныя свои уличныя пѣсни, а свашки—слѣдующія:

35. Славный вечиръ дивытъ-вечиръ,
Не такъ славный, якъ изрядный.
Шлеця зоря до мисяця:
Ты мисяцю, товарыщу,
Ны сходь рано, раньше мене;
Зійдемо рано обое разомъ,
Просвитымо небо й землю,
Звиря въ поли, рыбу въ мори,
Звеселымо отця й неньку
И всю родыноньку.

36. А въ городи макивочка,
А на макивочци ластивочка
Звела гниздечко съ чорного шовку,
Съ чорного шолку, зъ билого лёну,
Вывела дитки однолитки:
Перве дытятко—молодый Иванко,
А друге дытятко—молода Явдошка.

Женихъ со свитою останавливаются передъ порогомъ хаты; въ хату входятъ дружко и подружій, здороваются, кладутъ на столъ принесенный съ собою хлѣбъ и спрашиваютъ хозяевъ, рады ли они гостямъ. Отецъ невѣсты отвѣчаетъ, что рады, и проситъ всѣхъ въ хату. Женихъ садится за столомъ, возлѣ него съ одной стороны на лавкѣ усаживаются бояре, а съ другой—„на покути“ садятся свитылка съ зажженнымъ свитильникомъ и свашки; невѣста съ дружками стоитъ. Когда всѣ усядутся, невѣста на тарелкѣ подаетъ черезъ столъ жениху въ подарокъ большой платокъ; дружки поютъ пѣсни № 9 и 28; женихъ, взявъ платокъ, кладетъ на тарелку нѣсколько денегъ; затѣмъ невѣста даритъ по малому платку старшему боярину и свитылкѣ; послѣдней вмѣсто платка даетъ иногда рушникъ; дальше она подаетъ на тарелкѣ старшей свашкѣ два платка въ подарокъ свекру и свекрови. Попотчевавши гостей водкой, невѣста съ дружками выходитъ во дворъ танцовать; гости, поуживавъ, идутъ домой; остаются только женихъ и старшій боярин, для нихъ двухъ, для невѣсты и старшей дружки подается отдѣльный ужинъ въ другой хатѣ, а въ свободной хатѣ ужинаютъ музыканты и домашніе. Этимъ и заканчивается дивытъ-вечиръ.

Въ воскресенье утромъ невѣста со старшей дружкой идетъ съ приглашеніемъ къ сосѣдямъ, затѣмъ въ церковь, куда собираются и дружки. Послѣ вѣнчанія всѣ отправляются въ домъ къ жениху; дорогою дружки поютъ:

37. Ой попе, попе, гордію,
Ны дзвоны рано въ ныдилю,
Задзвоны рано въ суботу,
Потыряй дружычкамъ роботу,
Ныхай ны шьють, ны прядуть,
Та до Явдошкы въ дружкы йдуть.

38. Ой булы мы въ церкви,
Молылыся Богу,

Старому й малому
И Богови святому.

39. Сиченая кадынонька, сиченая,
Вже жъ наша Явдошка звинчаная;
Чырвони чобиткы на нози,
Що купывъ Иванко на торзи,
Червона стежычка на винку,
Що купывъ Иванко въ ярмарку.

40. Та стояла Явдошка пидъ винцемъ,
Та чысала кисоньку грыбинцемъ;
Упавъ грыбинець пидъ стилець:
Подай, Иванку, грыбинець!
Я тоби, Явдошко, ны вдавець,
Щобъ я подававъ грыбинець.

41. Звинчана Явдошка съ паничемъ;
Хоть съ панычемъ, ны съ панычемъ—зъ мужыкомъ,
Звязала ручыньку рушныкомъ,
Хоть рушныкомъ, ны рушныкомъ, хустыною,
Звязала рученьку зъ дружыною.

У воротъ дома жениха дружки поютъ пѣсню № 29, передъ порогомъ № 30 и 31. Родители встрѣчаютъ новобрачныхъ въ сѣняхъ съ хлѣбомъ солью; молодые кланяются имъ и входятъ въ хату; дружки поютъ пѣсню № 32. Молодая съ дружками садится за обѣдъ, во время котораго поются № 33 и 34. Послѣ обѣда онѣ уходятъ домой, дорогой дружки поютъ № 38—41; затѣмъ, подходя къ дому новобрачной, № 29; передъ порогомъ 30 и 31; родители встрѣчаютъ дочь съ хлѣбомъ, она кланяется имъ и входитъ въ хату. Братъ новобрачной, или ея дядя женатый беретъ въ руку платокъ, конецъ котораго въ ея рукахъ, и трижды обводитъ ее вокругъ стола; молодая садится за столомъ на „посади"—на лавкѣ, застланной кожухомъ, рядомъ съ нею садится обводившій ее мужчина и сидитъ, пока дадутъ ему рюмку водки; въ это время дружки поютъ:

42. Ишла Явдошка на посадъ,
Зострічае йій Господь самъ
Долею счастлывою, доброю годыною.
Ой хто той посадъ пысавъ?
Пысалы его пысарци
Темнойи ночи при свичи,
Ясного сонця виконця;
А сей посадъ пысаръ пысавъ
Ажъ отъ Господа Бога.

Возлѣ молодой садятся дружки, закусываютъ и поютъ тѣ же пѣсни, что и у молодого. Послѣ обѣда въ сѣняхъ на скамьѣ садятся родители и пожилые близкіе родственники молодой, которымъ она кланяется подъ пѣніе дружекъ.

43. Та похылчасте те дерево та ялына,
Покирлеве та дытятко та Явдошка,
Та приступы ты, Явдошко, та блывенько,
Поклоныся отцю й неньци нызенько;
Прыступы, Явдошко, блыжче,
Поклоныся отцю й неньци ныжче.

Поклонившись всѣмъ, невѣста садится на посадъ съ дружками. Старшая дружка, послѣ обычнаго обращенія къ старостѣ и подстаростѣ, проситъ: „Благословить молоди на иидковы зобрать". Получивъ благословеніе „вси тры разы", дружки въ подарокъ невѣстѣ бросаютъ мелкія деньги на тарелку, наполненную рожью или овсомъ, при чемъ поютъ:

44. А вгадайте, дружычкы, вгадайте,
По золотому окладайте,
Во теперъ годына ны тая
И дороженька слызькая,
Треба Явдосци чобитокъ,
Золотенькихъ иидкивокъ.

Собранныя деньги съ зерномъ высыпаютъ молодой въ платокъ, и она прячетъ ихъ въ сундукъ.

Затѣмъ дружки убираютъ „гилце". Сосновое деревцо, поставленное на столъ, украшаютъ лентами, конфектами, калиною, колосками ржи, овса, барвинкомъ, цвѣтами, и въ это время поютъ пѣсню № 21 и слѣдующ.:

45. Гилце вьють
И горилочку пьють;
Стойить горилочка
Коло барылочка,
А намъ ны дають.

46. Що то, маты, та за сонъ снывся,
Що батькивъ двиръ шовкомъ сповывся,
Калыною та обсадывся,
А горохомъ та обсыпався?
Тожъ ны шовкъ—то твоя кисонька,
Дрибный горохъ—то твои слизонькы,
А калына—дывуваннячко,
Суботнее заплитаннячко,
Ныдилешние прыбыраннячко.

47. Даешъ мене, ненько, молодую;
Та дай мини зозуленьку садовую;
Зазуленька садовая все буде кувать.
А я буду молоденька раненько вставать;
Чужый батько й маты ны будуть будыть,
Тилькы пидуть по сусидахъ та будуть судыть;
Сонлывее, дремлывее чужее дытя,
Що ны хоче рано вставаты, хаты замисты,
До зироньки свитовойи воды прынысты.

48. Ой стояла та Явдошка сырыдъ моря,
Та дыржала щуку-рыбу пидъ полою:
Плывы, плывы, щуко-рыбо, по води,
Прыбудь, прыбудь, мій батынько, тепера къ мыни,
Ой дай мыни порадоньку, бидни сыроти.
Ой радъ бы я, дочко моя, до тебе прыбуть,
Насыпано сырои земли на рукы мои!
Склыпылыся кари очы до пивночы,
Ой Богъ тоби, моя дочко, до помочи,

Убравши гилце, ожидаютъ прихода молодого.

Послѣ ухода новобрачной съ дружками, къ молодому собираются бояре, дружко, поддружій, свашки, свитылка; всѣ садятся за столъ. Старшая свашка обращается къ дружку: „Староста, пани подстароста!"—А мы ради слухать, — отвѣчаетъ ей дружко. „Благословить буярамъ покрасу дать". —Богъ благословыть! „Разъ, другый и третій разъ!"—Богъ благословытъ вси тры разы!

Свашка беретъ у каждаго боярина шапку и пришиваетъ къ нѣй красную ленту, за что бояре бросаютъ ей на тарелку деньги. Пришивая ленту, свашка поетъ каждому боярину:

49. Я свашка зъ Вильхова,
Прыйихала вчора
Квитокъ прышываты,
Грошей заробляты.

По окончаніи „покрасы", старшій бояринъ обращается къ дружку за благословеніемъ „гилце окрасыть". Послѣ троекратнаго благословенія свашки и бояре привязываютъ къ стоящему на столѣ гилцу ленты, калину, колосья ржи и овса, барвинокъ, конфекты, рожки, при чемъ свашки поютъ пѣсни № 21 и 45. Затѣмъ закусываютъ и собираются итти къ молодой.

Молодой кланяется родителямъ; мать даетъ ему хлѣбъ; дружко выводитъ его за платокъ во дворъ, гдѣ передъ порогомъ на скамейкѣ поставлена дѣжа, и обводитъ новобрачнаго вокругъ нея три раза; мать въ это время обсыпаетъ ихъ овсомъ и конфектами; бояре и свашки стоятъ во дворѣ, старшій бояринъ держитъ гилце, а свитылка свитыльникъ; свашки поютъ:

50. Ой сыпъ, матинко, ны жалуй, Щобъ бувъ Иванко хозяинъ.

Затѣмъ мать выводитъ за платокъ сына за ворота, тамъ онъ цѣлуетъ ея руку и идетъ къ молодой вмѣстѣ съ боярами, старостами, музыкою, свитылкою и свашками, которыя дорогою поютъ:

51. Ой по-пидъ лисомъ бытая дориженька,
Насередъ лиса рублына крыныченька.
Ой туды йихавъ Иванко зъ буярамы,
Ему калына дорогу заступыла;
Выйнявъ шабельку, ставъ калыну рубаты.
Стала калына до ёго промовляты:
Не за-для тебе ця калына сажына,
А за-для тебе ця Явдошка зряжена,
Зряжена, якъ паньска дытына,
Посажена, якъ та сиротына,
Зряжена, якъ паньске дытятко,
Посажена якъ те сиротятко.

52. Ой по-пидъ лисомъ бытая дориженька,
Посередъ лиса рублына крыныченька,
Тамъ староста коныка напувае,
Молода сваночка водыцю пидлывае.

53. Кучырявый возныче,
Поганяй кони швыдче;
Якъ ны будышъ поганяты,
То будымо тутъ ночуваты.

Передъ воротами молодой собираются паробки-сосѣди, затворяютъ ворота и не пропускаютъ во дворъ молодого съ его свитой. Пришедшіе угощаютъ ихъ водкой; тогда они впускаютъ во дворъ дружка и поддружаго. Войдя въ хату, послѣдніе здороваются съ хозяевами и говорятъ: „Кланяеця сватъ сватови, сваха сваси, молодый молоди, буяры дружкамъ, свашкы свашкамъ, а музыка кочергамъ; чы рады гостямъ?“ Хозяева благодарятъ ихъ за поклонъ; старшая дружка льетъ воду на руки дружку и поддружему, даетъ имъ по рушнику, которыми они вытираютъ себѣ руки и затѣмъ перевязываются черезъ плечо, а дружки въ это время поютъ:

54. Мые дружко ручкы,
Та погляда на килочкы,
Чы ныма рушнычка
Потерты ручкы.

Дружко набираетъ въ кружку воды, покрываетъ ее шишкой, выходитъ съ поддружимъ за ворота и говоритъ: „Кланяеця молода молодому, дружкы буярамъ, а кочергы музыкамъ“; затѣмъ даетъ паробкамъ кружку съ водой и шишкой, увѣряя что это водка—могорычъ за пропускъ во дворъ; паробки, отвѣдавъ изъ кружки, не пускаютъ ихъ, требуя водки; дружко идетъ вторично въ хату, передаетъ, какъ и раньше, поклоны и выноситъ паробкамъ бутылку водки и шишку. Тогда растворяютъ ворота, поѣздъ входитъ во дворъ, становится передъ порогомъ, свашки поютъ:

55. Ой докы мы та стоятымымъ,
Сыру землю та топтатымымъ
Чырвоными та чобитками,
Золотымы та пидкивками?
56. Выйды, Явдошко, выйды,
Ны буде тоби крывды;
Стань соби на помости,
Почастуй свойи гости,
Стань соби на травыци,
Почастуй свойи зовыци.

Изъ хаты выходитъ съ водкой тесть; наливая зятю водку, онъ рюмку держитъ въ платкѣ; молодой принимаетъ рюмку, тоже обвернутую платкомъ. Остальнымъ присутствующимъ хозяинъ подноситъ водку просто, безъ платка.

Послѣ этого начинается раздача подарковъ. Дружко подноситъ тестю на тарелкѣ сдѣланную изъ тѣста борону и деньги со словами: „Десь у нашого молодого е батько; шлеть вамъ молодый и ёго батько цей подарокъ“. Хозяинъ благодаритъ и кладетъ на ту же тарелку въ подарокъ „молодому и ёго батькови“ большой платокъ; старшій бояринъ беретъ этотъ платокъ, обводитъ имъ трижды вокругъ шеи молодого и затѣмъ подвязываетъ имъ его. Затѣмъ тещѣ подносятъ сапоги, шишку и деньги она въ свою очередь даетъ старшему боярину малый платокъ. Дружко подноситъ подарки крестнымъ родителямъ молодой и получаетъ платки для свашекъ и свитылки. Затѣмъ дружко даетъ сестрамъ и теткамъ молодой очипки, головныя повязки, а теща даритъ братьямъ—боярамъ и дядькамъ молодого платки. Наконецъ, дружко раздаетъ другимъ родственникамъ молодой шишки и деньги, а теща боярамъ даетъ платки, а дружку, поддружему и музыкантамъ рушники. При раздачѣ подарковъ дружко громко вызываетъ, кому назначенъ подарокъ: „Десь у нашого молодого (молодои) бувъ братъ (сестра—имя); шлеть ему (ей) молода (молодый) цей подарокъ“.

Послѣ раздачи подарковъ хозяинъ приглашаетъ молодого со свитой въ хату. На порогѣ у молодого братъ молодой отбираетъ его палку, замѣняющую собою коня, котораго молодому нужно выкупить. Между тѣмъ, старшій бояринъ незамѣтно пробирается къ столу, схватываетъ со стола гилце, дружки срываютъ съ него украшенія, бояринъ выбрасываетъ это гилце на чердакъ, а на столъ ставитъ другое, принесенное отъ молодого. Затѣмъ дружко подходитъ къ дверямъ и говоритъ: „Староста, пани пидстароста!“—А мы ради слухать,—отвѣчаетъ ему староста молодой. „Благословить молодого въ домъ увесты“.—Богъ благословыть! „Разъ, другый и третій разъ!“—Богъ благословыть вси тры разы.

Дружко вводитъ молодого. На лавкѣ возлѣ молодой становятся два мальчика, братья ея, и показываютъ видъ, будто колютъ палками молодого, не допуская его къ своей сестрѣ; имъ даютъ по рюмкѣ водки, по шишкѣ и нѣсколько монетъ, и они уходятъ, уступая свое мѣсто молодому. Дружки становятся на лавкѣ, а дружко трижды обводитъ молодого вокругъ стола, усаживаетъ его возлѣ молодой съ правой стороны и самъ помѣщается рядомъ съ нимъ. Тесть подноситъ рюмку водки дружку, послѣ чего послѣдній удаляется; на его мѣсто садятся свитылка и свашки; по лѣвую сторону молодой размѣщаются дружки,

а напротивъ—бояре. Когда молодого обводятъ вокругъ стола, то дружки поютъ:

57. Дружечкы панянкы,
Ставайте на лавкы,
Пускайте дорогу
Князеви молодому.

Когда молодой сядетъ возлѣ молодой:

58. Сердынько мыленьке,
Прысунься блызенько,
Та будымо говорыты,
Якъ у свити жыты,
Та будымо розмовляты,
Якъ у свити горюваты.

Дружко, уступивъ свитылкѣ мѣсто, выходитъ во дворъ, гдѣ выкупаетъ у брата молодой палку—коня молодого за условленную на сватаньѣ плату.

Подается на столъ закуска, сидящіе вокругъ стола закусываютъ; хозяинъ угощаетъ водкой. Затѣмъ сестра молодой становится на лавку противъ молодого, беретъ его шапку и обычнымъ образомъ проситъ благословенія „молодому покрасу дать"; получивъ троекратное благословеніе она беретъ у сестры ленту съ цвѣткомъ и, пришивая ее къ шапкѣ, поетъ:

59. Я свашка съ Вѣлькова,
Прыйихала вчора
Квиткы прышываты,
Грошей заробляты.
Теперъ моя воля,
Зятю, надъ тобою;
Ны дывысь, зятю, скрыва,
Я жъ ны твоя мыла;
60. Я въ батькови хатци
Та на батькови лавци;
Ото твоя милисинька
Коло тебе близисинько.

Затѣмъ она надѣваетъ шапку себѣ на голову и поетъ:

61. Просите, не просите,
Шага не кладите;
Положить золотого
За князя молодого.

Дружко даетъ ей рюмку водки, шишку, деньги и ленты; принявши все, она поетъ:

62. Я зятя пиддурыла,
Съ кропывы квитку прышыла;
Винъ думавъ, що зъ барвинку,
Та кладе гроши на тарилку.

Затѣмъ она отдаетъ молодому шапку и уходитъ. Въ сѣняхъ дружко получаетъ отъ тещи коровгай, проситъ благословенія—„цей честный хлибъ въ домъ унесты", вноситъ его и кладетъ на столъ передъ молодою. Она кладетъ голову на коровгай. Возлѣ нея на лавку становится ея братъ и беретъ благословеніе—„молоди косу росплетаты"; расплетаетъ сестрѣ косу и беретъ ленты себѣ. Дружки въ это время поютъ:

63. Братъ сыстрыци косу росплита;
Де жъ ти росплиткы подива:
Чы въ пичъ, въ огонь повкыда,
Чы меньши сестри пооддава?
Ни въ пичъ, ни въ огонь повкыда,
А меньши сестри пооддава.

Дружко беретъ коровгай и говоритъ: „Староста, пане пидстароста"! — А мы ради слухать.—„Благословить цей честный хлибъ на мыръ роздать." По-

слѣ троекратнаго благословенія онъ вырѣзываетъ изъ середины шишку, разрѣзываетъ ее на четыре части для родителей новобрачныхъ; остальной коровгай онъ рѣжетъ на кусочки и раздаетъ ихъ другимъ родственникамъ, вызывая ихъ словами: „Десь у нашого молодого (молодои) бувъ братъ (сестра, дядько, титка—такіе-то), посылае ему молодый и молода коровгай“; получающіе благодарятъ молодыхъ. Нижняя корка коровгая отдается дружкомъ музыкантамъ со словами: „Десь у нашого молодого и молодои булы весели музыки; шлють ніимъ подошву“. Во время дѣлежа коровгая дружки поютъ:

64. Дружко коровгай крае,
Семеро дитей мае
Да вси съ кешенямы,
Весь коровгай забралы.

65. Погляда дружко скоса,
Чы ныма на пичи проса;
Колы бъ якъ утикты,
Щобъ проса натовкты.

Послѣ раздачи коровгая подается обѣдъ, во время котораго дружки поютъ:

66. У лебидя нижкы тоненьки,
У Явдошкы ложкы биленьки;
Иванкова челядь
Сидае вечерять.

67. Що жъ то за стежычка
Отъ столу до прыпичка?
Матуся топтала,
Вечерять давала.

68. Иилы дивонькы, йилы,
Пивъ голубонька зъйилы,
По столу качаюче,
Въ маслычко вмочаюче.
Йилы буяре, йилы.
Цилого вола зъйилы,
На столи ни кисточкы,
Пидъ столомъ—ни дризочкы.

69. Йилы буяре юшку
Та вкралы галушку
То въ михъ, то въ кешеню
Батькови на вечерю.

Старшій бояринъ наливаетъ и подноситъ рюмку водки старшей дружкѣ; та отплачиваетъ ему тѣмъ же; потомъ старшій бояринъ угощаетъ водкой всѣхъ дружекъ, а старшая дружка всѣхъ бояръ; въ это время дружки поютъ:

70. Дружка на шовку стояла,
Съ буярыномъ частувала:
Ты, буярыну—билозирочку,
Почастую тебе высоколычку;
И рада-бъ тебе частуваты,
Та ны знаю, якъ тебе зваты.

Послѣ обѣда дружки цѣлуются—прощаются съ молодой и выходятъ во дворъ. На дворѣ приготовленъ столъ съ закуской и выпивкой отъ старшей дружки; возлѣ стола сидятъ родители ея. Старшій бояринъ выводитъ изъ хаты подъ руку старшую дружку, она притворяется хромой; родители ея заявляютъ претензію, что на свадьбѣ искалѣчили имъ дочь.

Начинаетъ играть музыка, старшая дружка пускается въ плясъ съ старшимъ бояриномъ. Послѣ танца отецъ ея угощаетъ присутствующихъ водкой и закуской. Затѣмъ снова устраивается пляска, послѣ которой дружки и другія дивчата расходятся по домамъ.

За столомъ въ хатѣ сидятъ молодые; свашки поютъ имъ:

71. Пишла Явдошка въ вышни—садъ,
Та сховалася въ выноградъ.
— Хто мене найде въ цимъ выногради,

То съ тымъ сяду на посади.
Пишовъ батенько, вы найшовъ,
Вырвавъ квиточку тай пишовъ.
— Хто мене найде въ цимъ выно-
 гради,
То съ тымъ сяду на посади.
Пишла матинка, ны найшла,
Заплакала та й пишла,
— Хто мене найде въ цимъ выно-
 гради,
То съ тымъ и сяду на посади.

Пишовъ братичокъ, ны найшовъ,
Вырвавъ квиточку, та й пишовъ.
— Хто мене... и т. д.
Пишла сыстрыця, ны найшла,
Заплакала та й пишла.
— Хто мене... и т. д.
Пишовъ Иванко та й найшовъ,
Взявъ за рученьку та й пишовъ.
Хто мене найшовъ въ выногради,
То съ тымъ сила на посади.

Дружко проситъ благословенія—„вывесты молодыхъ изъ-за столу"; беретъ одинъ конецъ платка, котораго другой конецъ въ правой рукѣ молодого; лѣвой рукой молодой держится за рушникъ, которымъ подпоясана молодая; дружко выводитъ ихъ такимъ образомъ въ сѣни, гдѣ находятся родители молодой и другіе ея родственники. Здѣсь дружко говоритъ: „Староста, пани пидстароста!"—А мы ради слухать.—„Благословить молодыхъ отцю й неньци вклоныця".—Богъ благословыть.— „Разъ, другый и третій разъ!"—Богъ благословыть вси тры разы.—

Молодые кланяются родителямъ; эти благословляютъ ихъ образами; потомъ кланяются родственникамъ, которые благословляютъ ихъ хлѣбомъ, передавая его одинъ другому. Кланяясь, молодые говорятъ: „Благословить васъ!"—Богъ васъ благословыть, и я благословляю, —отвѣчаютъ имъ. Получивъ благословеніе, молодые цѣлуютъ благословляющаго сперва въ руку, а потомъ въ губы. Отецъ даетъ молодымъ каждому по хлѣбу; дружко выводитъ ихъ во дворъ и обводитъ вокругъ дѣжи, поставленной на скамьѣ—два раза въ одну сторону, а въ третій разъ въ обратную. Затѣмъ молодая садится на приготовленную подводу, а молодого обводятъ вокругъ подводы три раза; обходя въ послѣдній разъ, молодой ударяетъ воловъ (или лошадей), и подвода выѣзжаетъ со двора.

Когда молодые берутъ въ сѣняхъ благословеніе, то бояре выносятъ и ставятъ на возу сундуки съ приданымъ молодой, ея одежду, постель; для молодой оставляется мѣсто въ передней части воза. Садясь въ телѣгу, молодая крестится на четыре стороны и прощается съ родными; при этомъ, если молодая не потеряла до свадьбы дѣвства, то приглашаетъ родныхъ притти къ ней на слѣдующій день; въ противномъ же случаѣ приглашенія не бываетъ; случается, что разсерженные этимъ родатели молодой догоняютъ ее дорогой и бьютъ.

Когда новобрачные получаютъ благословеніе, свашки поютъ пѣсню № 43; когда же дружко обводитъ молодыхъ вокругъ дѣжи, то свашки поютъ во дворѣ:

72. Старый оселедьку
Ны стойить за редьку;
Ны всıпивъ ожиныця,
Стала жинка быты;

А хочъ буде быты,
То буду тырпиты:
Прыйде ничка темненькая,
Йе съ кымъ говорыты.

Во время выѣзда со двора:

73. Загрыбай, маты, жаръ-жаръ,
Буде тоби дочкы жаль-жаль;

Кыдай у пичъ дрова,
Оставайся здорова.

74. Оце тоби, маты,
Пранык въ загати;
Якъ итымешъ сорочокъ праты,
Будышъ дочку спомынаты.
75. Выкотылы, выманылы
Смоляную бочку;
Выдурылы въ пана свата дочку.
Ой мы йіи ны манылы
И мы йіи ны дурылы;
Вона сама захотила
Чырвоного бурячка
До билого тила.

Дорогой свашки поютъ:

76. Ой кони, кони—выдмыди!
Чы чуетеся объ соби,
Чы вывезете княгыни
На ту гирочку крутую,
У ту свитлоньку новую?
77. Рыстю, коныкы, рыстю:
Вызьмо соби корыстю,
Вызьмо соби корысточку,
Молодую невисточку.
78. Тупу, коныкы, тупу!
Вызьмо соби ступу,
Вызьмо соби ступочку
Молодую нывисточку.
79. Куды мене вызете?
Пидъ лотокы.
Що мыни постелете?
Куль осокы,
А пидъ пяткы—мяткы,
Щобъ було мягко спаткы.
80. Топы, маты грубу (2):
Веземо тоби невисточку любу,
Хоть любу, нылюбу,
Топы, маты, грубу.
81. Тоби, маты, ны журытыся,
Тоби, маты, высылытыся,
Тоби, маты, ны топыть, ны варыть,
Тоби, маты, ни дижы ны мисыть,
Тоби, маты, хаты ны мысты,
Тилко порядокъ высты.
Якъ топыла, маты, такъ и топы,
Якъ мисыла дижу, такъ и мисы.
Тилкы твоя слава,
Що нывисткы диждала.

Во дворѣ молодого онѣ поютъ:

82. Выйды, маты, огляды,
Що тоби буяры прывызлы:
Чы вивцю, чы ярку,
Чы нывистку коханку;
Ны вивцю, ны ярку,
Нывистку коханку.

Новобрачные слѣзаютъ съ телѣги; у порога въ сѣняхъ встрѣчаетъ ихъ мать молодого и спрашиваетъ невѣстку: „Съ чымъ ты до мене, дочко, прыйшла?“ Если невѣстка дѣвственница, то отвѣчаетъ: „Съ хлибомъ силью и съ розумомъ добрымъ“; если же она потеряла дѣвственность до брака, то отвѣчаетъ только: „Съ хлибомъ и силью“.—Мать вводитъ молодыхъ въ домъ, беретъ хлѣбъ—соль и образа отъ нихъ и ставитъ иконы на божницу; дружко испрашиваетъ молодымъ благословенія:

„Староста, пани пидстароста!“—А мы ради слухать.—„Благословить отцю й неньци вклоныться“.—Богъ благословыть!—„Разъ, другый и третій разъ!“—Богъ благословыть вси тры разы.—

Молодые кланяются родителямъ, которые держатъ въ рукахъ хлѣбъ.

Въ это время бояре сносятъ съ воза сундукъ, постель и одежду молодой въ другую половину хаты, или въ комору, гдѣ старшій бояринъ готовитъ постель новобрачнымъ. Послѣ этого бояре получаютъ отъ хозяевъ бутылку водки, распиваютъ ее и уходятъ домой. Дружко проситъ благословенія „молодыхъ на супокой завысты“, ведетъ затѣмъ молодыхъ въ комору, гдѣ приготовлена имъ постель, и самъ уходитъ. Молодую раздѣваетъ ея замужняя сестра или тетка и свашка; съ нея снимаютъ всѣ украшенія—серьги, монисто, всю одежду и бѣлье, и надѣвъ на нее чистую сорочку, уходятъ, оставивъ молодыхъ однихъ.—Гости заходятъ еще въ хату и послѣ выпивки и закуски расходятся по домамъ.

4. *Свадебныя пѣсни Кіевской губ.*

(Записаны въ с. Дахновкѣ, Черкасскаго уѣзда).

1. Що щука-рыба ны трецця;
Багатый, ненько, ны шлецця,
А убогый ненько, ны сміе,
Такъ моя кисонька завіе,
Зовила, кисонька, зовила!
Бодай свекрови хата сгорила,
Свекруха пидъ тыномъ сыдила.
2. Розсуньтыся, павы,
Хай сядуть бояры:
Налынулы соколунькы
Зъ чужои сторононькы.
3. Ой на хати зилля (2),
А въ хати высилля;
На двори бояре,
Якъ макъ процвитае.
4. Поглянь Ганочко, въ виконце,
Стойить Иванко, якъ сонце,
Кинь его прыпавъ до росы,
Винъ самъ молодый—до красы
5. Старшая дружечко,
Поглянь у виконечко:
Якъ ище рано,
То ще погуляймо,
А якъ уже пизно,
Розійдемось ризно.
6. До бору, дружечкы, до бору,
Рубайте сосну здорову,
Несить ейи додому,
Поставте ейи на столи,
На биленькій скатерти.
7. Ой попе, попе, гордію,
Не звоны рано въ нылилю,
Зазвоны рано въ суботу,
Потирай дружечкамъ роботу.
8. Ны сама я, матинко, иду:
Симсотъ дружокъ веду,
Симсотъ щей чотыри
Та вси й чорнобрыви,
Симсотъ щей пъятнадцять
Та вси у сапъянцяхъ.

---

5. *Обряды и пѣсни Харьковской губ., Ахтырскаго уѣзда.*

Прежде парень, задумавши жениться, обращался помимо дѣвушки прямо къ ея родителямъ; теперь же онъ идетъ ее сватать, заручившись предварительно ея согласіемъ. Родители даютъ свое согласіе только за третьимъ разомъ. Въ послѣдній разъ сваты приносятъ хлѣбъ и кладутъ его на столъ; невѣста выноситъ хлѣбъ, завернутый въ хустку, и отдаетъ его матери, та передаетъ мужу, а этотъ старостамъ.—На сватаньѣ поются слѣдующія пѣсни:

1. Ты душенько, Катрушенько,
Хто тебе сватавъ,
Хто тебе змовлявъ, Катрушко молодая?
Сватало мене два старостыньки,
А змовлялы сосидоньки.
2. Чы мы тоби, Катрушко, ны казалы,
Чы мы твого сердынька ны втишалы,
Шо ны ходы до броду
Рано по воду,
Та й ны слухай, де голубоньки гудуть,
Воны тебе молодую изведуть,
Одъ ридного батынька одведуть,
До ризвого свекорка прызведуть.

Матери молодыхъ въ субботу пекутъ пироги и паляницы, а вечеромъ блины. Невѣста, собравъ дружокъ, уходитъ въ какую-либо избу и сидитъ тамъ, пока не позоветъ староста.

Женихъ съ двумя старостами и съ бояриномъ идетъ къ невѣстѣ въ домъ. Женихъ съ бояриномъ остается въ сѣняхъ, а старосты входятъ въ избу и говорятъ: «Здорове, съ святымъ вечеромъ! Пускайте на кватыру переночувать. Шо мы ходылы, ходылы, та й померзлы; а якъ вы добри

люды, такъ мы й зашлы до васъ переночувать». Имъ отвѣчають: «Ни, ни, мы васъ ны пустымъ: вы таки люды, що будыте ворувать». Затѣмъ отецъ невѣсты посылаетъ за нею одного изъ старость. Тотъ приводитъ невѣсту съ дружками домой; дорогой онѣ поютъ:

3. Я ходыла, красная дивка, по лисочку,
Сколола билую ножку ой на скипочку.
Болыть, болыть билая ножка
Ой та й ны больно.
Гуляй, гуляй, я, красная дивка,
Якъ гуляла;
Наймай, наймай тихъ музыкантивъ,
Ой якъ наймала;
Топчи, топчи тіи чырывычки,
Ой якъ топтала.

Дружки останавливаются у дверей; старосты садятся на лавки, а молодые берутъ у родителей невѣсты благословеніе. Невѣста беретъ тарелку, на которую дружка кладетъ рушники; ими невѣста перевязываетъ старость; платками перевязываетъ руки жениха и бояриыа, за что получаетъ отъ нихъ деньги. Это называется «даванье рушныковъ»; дружки поютъ:

4. Якъ пиду я та улыцею шырокою,
Два дворы та мынаючы,
До третьяго прыступаючы.
Стану я та послухаю,
Шо люды говорять:
Мого батенька хвалять,
А свекорка гудять:
Ой тамъ сымня та велыкая,
Та й свыкруха ны ридная,
Треба йій покорытыся,
Й старому, й малому
И Васылю молодому.
Всимъ старостамъ тай по рушнычку,
Васыльковн хусточку.

Гостямъ подносятъ водку; дружки уходятъ къ одной изъ подругъ, гдѣ поютъ, танцуютъ, угощаются.

Въ *среду* передъ свадьбой варятъ пиво; замѣшиваетъ его женихъ, а приготовляютъ бабы.

Въ *четвергъ* пекутъ калачи, въ *пятницу*—лежень, при чемъ поютъ ту же пѣсню (№ 4).

Въ *субботу* лѣпятъ шишки, калачи и коровай и поютъ:

5. Свиты, Боже, зъ раю
Нашому короваю,
Шобъ було ясненько
Складаты рясненько.
Нашы коровайныци пьяны
Короваю ны зобгалы.
6. Збырайся, мій родоньку,
До мене въ суботоньку
Да до мене на порадоньку,
Поражаты мого батеньку;
Шо вынъ мене первую отдае,
До стила ны прыбывае,
Порядка ны знае,
И шышальныць ны прыбытае.
7. Задумалы мене замижъ отдаты,
Звылыть мене та намалюваты
Въ синычкахъ да на дверечкахъ,
У свитлыци да на скамныци,
Да на золотому кубку
Катрушку голубку.
8. Продай мыни, батыньку, цей садъ, выноградъ,
Да й справъ мыни паньский нарядъ,
Зеленую суконьку по земельку,
Позолоченый поясочокъ на станочокъ,
Чырвони чырывычки на ганплычкахъ.
На що тоби, дытыно моя, цей паньский нарядъ?
Якъ буде у тебе муже ревнывый,

То й зеленая суконька иаляжетьця,
А золотый поясочокъ изломыця,
А чырвони чырывычки пыломъ прыпадуть,
Тилько мене пры старости въ утрату введуть.

9. Даешъ мене, батыньку, на викъ служыть;
Чы будешъ, мій батеньку, по мыни тужыть?
Не буду, дытя мое, по тоби тужыть, не буду,
За годъ, за два, за чотыри та й забуду.
Ны забудешъ, мій батыньку, ны забудешъ:
Шо по высни цвиточки цвитутымуть (sic),
А дивчатка виночки плыстымуть,
Мымо твои вориточка ныстымуть,
Та й ны будуть до хаты прывыртаты,
Та й ны будуть кватырочки отсуваты
И ны будуть мене молодои вызываты,
И будуть тоби, мій батыньку, жалю завдаваты.

Когда покончатъ работу, то двѣ бабы и двое мущинъ подымаютъ дѣжу со словами:

10. Коло дижы, коло дижы,
Коло дубовои и пр.

Дѣжкою ударяютъ объ сволокъ, цѣлуются и ставятъ ее на лавку. Затѣмъ бабы танцуютъ подъ музыку и ужинаютъ. Невѣста же собираетъ дружекъ и приглашаетъ знакомыхъ на свадьбу, говоря: «Прохавъ батько й мате и я прошу на хлибъ, на силь, на высильячко; мылосты прошу васъ, дядычка, васъ, титусю, и васъ, дивчатка». Дорогою дружки поютъ:

11. Ой городъ, городъ Лебедынь.
Йихавъ Васыль самъ молодый,
Пидъ нымъ конычокъ вороный,
А на ему жупанъ голубый,
А на ему шапочка боброва,
Въ боку хусточка шовкова;
Хто йiи вышывавъ? Марушка,
Тимнои ночи пры свичи,
Ясного совця бля выконця,
Дарувала Васылька молодця.

12. Стояла Марушка пры дорози,
Чырвоныи чобиткы на нози,
Шо купывъ Васылько на торзи.
Да носы, Катрушко, здорова,
Ны мовлю тоби ны слова;
А якъ зносышъ, ще куплю
За твое здоровья, що люблю.

13. Та стояла Катрушка пидъ винцемъ,
Чысала кисоньку грыбинцемъ;
Упавъ грыбинець пидъ стилець,
Подай, Васылько, грыбинець.
„Яжъ тоби, Катрушко, не вдивець,
Шобъ я тоби подававъ грыбинець“.

Отецъ встрѣчаетъ дочь на порогѣ сѣней; она кланяется ему, входитъ съ дружками въ хату и садится за столъ; тѣ поютъ:

14. А де була, забарылась,
Шо на посадъ опизнылась?
Шо ты—горы котыла,
Чы вынградъ садыла?
— А я горъ ны котыла,
Вынограду ны садыла;
Котылыся мои слизоньки
По билому лычку
Катрусци въ ложычку.

Въ *воскресенье* утромъ женихъ собираетъ къ себѣ своихъ товарищей; послѣ закуски отправляются къ одному изъ товарищей, гдѣ и обѣдаютъ; потомъ идутъ кататься.

Невѣста съ дружками обѣдаетъ у одной изъ подругъ, затѣмъ онѣ ложатся спать. Катаясь, женихъ засылаетъ къ нимъ боярина, который бу-

дить ихъ, онѣ уходятъ къ невѣстѣ, тамъ уже поджидаетъ на повозкѣ женихъ. На крыльцѣ, еще до прихода невѣсты, ставятъ пиво, хлѣбъ, передъ крыльцомъ на ряднѣ ставится скамейка, на которую садятся родители невѣсты съ хлѣбомъ-солью и близкіе родственники. Невѣста, подойдя къ нимъ, кланяется каждому по три раза, дружки поютъ:

15. Кому жъ ты, Катрушко, отклоняишъ?
Та ридноп матыньки нымаешъ;
Та прыступы ты, Катрушко, блызенько,
Прыклоныся отцю-ненци та й нызенько,
Шо нызенько отцю-ненци отклоняишъ,
А риднои матыньки та й ны маишъ;
А й прыступы, Катрушко, та й ще блыжче,
Прыклоныся отцю-ненци йще ныжче.

Молодую вводятъ въ избу. Братъ обводитъ ее трижды вокругъ стола, потомъ садится съ нею и дружками, которыя поютъ:

16. Забарыніа (?) дружки
Забарылыся въ хату;
На двори коня взято,
За Дунай замчато.

Женихъ въѣзжаетъ во дворъ, всходитъ на крыльцо, гдѣ стоитъ пиво, водка и хлѣбъ-соль. Дружко вноситъ въ избу кувшинъ жениховскаго пива и кладетъ на него «перепыцю» (булочку). Родители невѣсты берутъ ее, отвѣдываютъ пива, а на кувшинъ кладутъ свою «перепыцю». Этотъ обмѣнъ «перепыцямы» совершается три раза. Затѣмъ вводятъ въ хату мальчиковъ съ кійками. Мать невѣсты выходитъ въ сѣни съ рѣшетомъ, въ которомъ находятся подарки, и раздаетъ старостамъ по полотенцу, бояринамъ по хусткѣ, свашкѣ и свитылкѣ по платку. Дружки поютъ:

17. А въ поли межи чырвони рожи,
Тамъ Васылько съ пойиздомъ стоитъ,
А до ёго тещынька выходе,
Ёго хорошенько просе:
Ой йидь, зятыньку, йидь
Та на мій новый дviръ,
На мое нове подвирья,
До дочки на висилья.
Я для тебе, зятыньку,
Дочку изрядыла,
На посадъ посадыла,
А для твойихъ красныхъ бояръ
Дизокъ насадыла.

Дружко вводитъ жениха въ хату, проговоривъ трижды: „Господы Іысусе Хрысте, Сыне Боже нашъ! Староста, пане пидстароста, а благословите молодого за стилъ ввысты; разъ, другій разъ, трычы заразомъ". Въ хатѣ ему отвѣчаютъ: «Богъ благословыть». Дружко, молодый и бояре входятъ въ хату; мальчики бьютъ кійками дружка, онъ проситъ не бить его, подноситъ имъ по рюмкѣ водки, даетъ нѣсколько копеекъ и удаляетъ ихъ изъ-за стола. На ихъ мѣсто садятся женихъ, свитылка, свашка, бояре.

Своячешица становится передъ молодымъ на скамьѣ, прикалываетъ къ его шапкѣ вѣнокъ, надѣваетъ ее на себя, кланяется и вмѣстѣ съ дружками поетъ:

18. Ой глянь, зятыньку, на мене:
Що я краща отъ тебе;
На мини шлычокъ-колпачокъ,
Даруй, зятыньку, шостачокъ,
А якъ ны дасы отъ шесты,
Велю отъ сестры отвесты.

Пѣсню эту поютъ трижды; женихъ даетъ свояченицѣ деньги, и она уходитъ изъ избы. Гостямъ подаютъ ужинъ; дружки поютъ:

19. Вечеряй, Катрушко, вечеряй,
Шо тоби матынька наварыла.
Варыла мыни перыпилочки
Вля (sic) своеи риднои дочки.
Вечеряй, зятыньку, вечеряй,
Шо тоби тещынька наварыла
(Поется трижды).

20. Ны сыды, Васылько, бокомъ,
Це тоби ны нарокомъ;
Прысунься блызенько,
Це твое серденько.
Не сыды, Катрушко, бокомъ...
и т. д. (трижды).

21. Въ саду соловейко ны щыбытавъ,
Васылько Катрушку ны цыловавъ.
Въ саду соловейко защыбытавъ,
Васылько Катрушку поцыловавъ.
Опе жъ тоби, Катрушко, за твій пирыбиръ,
Найихавъ Васылько на твій новый двиръ;
Ударывся кинь объ новый поригъ.
Ой помалу, Васылько, свойимъ конемъ грай,
Мойихъ новыхъ порогивъ ны оббывай,
Да на мій двиръ ны найижжай,
И дружычокъ ны розгоняй.

При дѣлежѣ коровая поютъ:

22. Дружко коровай край,
Семеро дитей май,
Да вси съ кошелямы,
Весь коровай забралы.

Послѣ ужина старостамъ перевязываютъ руки рушниками; дружки поютъ:

23. Мылы дружки ручки,
Гляпулы на килочки,
Чы ны высять рушнычки,
Шобъ потерты ручки.

Дружки (мужчины) выгоняютъ изъ-за стола дружекъ, на мѣста которыхъ садятся ужинать бабы. Дружки уходятъ домой съ пѣснями:

24. Теперъ мыни ны ходыты,
Куды я ходыла,
Теперъ мыни ны любыты,
Кого я любыла.
Теперъ мыни туды иты,
Куды люды скажуть;
Теперъ мыни того любыть,
Съ кимъ ручыньки звяжуть.

А. Малинка.

ОЧЕРКИ БЫТА ЮЖНОРУССКИХЪ БОЛГАРЪ [1]).

II. Повѣрья.

(Записано со словъ).

I.

1. Куга̀ гарми, тъва узнача́ва, чи свѣ́ти Илія са ката́й на колесни́цата на небѣ́ ту и гони діавола, да гу уби́ва; также во́ди облака. Куга грѣ́мни, той уда́ря въ діавола. Затъва́ діавола бя́га и са крій. Куга валѝ дъжъ, той повичи ту флиза въ кучиту. Затъва́ бя́гай далечъ утъ ку́читу и гу падѝ утъ кѫштата, куга̀ валѝ дъжъ [2]).

— Когда гремитъ громъ, то это означаетъ, что св. Илья разъѣзжаетъ на колесницѣ по небу и преслѣдуетъ діавола, чтобы убить его; онъ же приводитъ въ движеніе и облака. Всякій разъ, какъ раздается раскатъ грома—это св. Илья ударяетъ въ діавола. Поэтому діаволъ убѣгаетъ и прячется. Когда идетъ дождь, онъ даже входитъ въ собаку. Поэтому во время дождя держись подальше отъ собаки и гони ее вонъ изъ комнаты.

2. Куга̀ валѝ дъжъ и са свя́тка небе́ту, глѣ́дай та изрѣ́чѝ твойту желаніе за еднѐ свя́тканіе. Аку̀ успѣ́ешь, жда ти дадѐ Богъ, какво́ту искашъ.

— Когда идетъ дождь и сверкаетъ молнія, постарайся высказать свое желаніе въ моментъ, когда сверкнетъ молнія. Если ты успѣешь это сдѣлать, то Богъ исполнитъ то, что ты желаешь.

3. Кои́ту читѐ „Сонъ Пресвятой Богородицы" и държѝ тая книжка въ кѣ́штата си, жда има добрѐ и прустѐни грѧ́уви въ си́чкія си живо́тъ. Аку̀ исполня́ва си́чкити требованія, куи́ту предпи́сува тая книжица, то куга̀ у́мре ле́ку жда ми́ни призъ четѝреситу митарства.

— Кто читаетъ „Сонъ Пресвятой Богородицы" и держитъ эту книжку у себя въ комнатѣ, тотъ на всю жизнь будетъ имѣть счастье и прощеніе грѣховъ. Если онъ исполняетъ всѣ тѣ требованія, которыя предписываетъ эта книжечка, то послѣ своей смерти легко пройдетъ четыреста мытарствъ.

---

[1]) См. „Этн. Обозр." XXXVIII.

[2]) Въ правописаніи сохранены оттѣнки мѣстнаго говора.

4. Има хóра, дéтуса „пренасять“ (на онія святъ). Тій лежатъ умрéли трйдни. За тва врéмя душй ти имъ óдятъ на óнія святъ и вйждатъ тамъ сйчку, каквó-ту йма въ рáя, али въ áда. Пудйръ трйдни тій пакъ ожувявать, та чи й на насъ прикáзуватъ, каквò видяли на óнія святъ.

— Есть люди, которые подвержены летаргіи. Они лежатъ мертвыми въ продолженіе трехъ дней. Въ это время души ихъ уходятъ на тотъ свѣтъ и видятъ тамъ все, что есть въ раю или въ аду. Послѣ трехъ дней они опять оживаютъ и передаютъ намъ, что они видѣли на томъ свѣтѣ.

5. Куйту хòра замйрать, тяхъ ги водй на óнія святъ áнгела и имъ кáзува мѣстáта на грѣшниците и на прàвидниците; тій вйждатъ áда, дѣту гурять и са мжчать грѣшниците; вйждатъ тамъ и някуй си отъ своити знакóми умрѣли, виждатъ каци съсъ катрàнь нагóтвяни и за живити имъ кумшіи; узнáвать тамъ, кой ште óшти скóро ýмре, кой жда булѣй, дунáсять утъ тамъ „млогу здрáви“ утъ някуй си сюрмахъ утъ ада али утъ рая на нéгуви ти рудний и пр. Но тéя выходцы съ того свѣта тугйва садé намъ убáждать сйчку, куга имъ пузвóлять тамъ, а ку имъ зарѣчать, да не убáждать ништу на земéта, тугйва ни ги и пйтай. И койту утъ тяхъ убажда той пудйрь сжнія си скóру умйра, а други ти живеять ошти пу млогу.

— Тѣхъ людей, которые замираютъ ангелъ ведетъ на тотъ свѣтъ и показываетъ имъ мѣста грѣшниковъ и праведниковъ; они видятъ адъ, гдѣ горятъ и мучатся грѣшники; видятъ тамъ они и нѣкоторыхъ изъ своихъ умершихъ знакомыхъ; видятъ заготовленныя съ дегтемъ бочки для живыхъ еще своихъ сосѣдей; узнаютъ тамъ, кто еще скоро умретъ, кто будетъ болѣть, приносятъ оттуда „много лѣтъ здравія“ отъ нѣкоторыхъ бѣдняковъ изъ ада или рая ихъ родственникамъ. Но эти выходцы съ того свѣта тогда лишь сообщаютъ намъ все, когда позволятъ это дѣлать имъ тамъ, а если тамъ запретятъ имъ говорить намъ, то тогда хотя и не спрашивай ихъ. И кто изъ нихъ сообщаетъ, тотъ послѣ обморока скоро умираетъ, а другіе живутъ иногда даже еще дольше.

6. Чафýтити піятъ на христіенити кржвтà на мястý кóмка. Вардйса утъ чафýтянъ.

— Евреи пьютъ христіанскую кровь вмѣсто причастія. Берегись еврея.

7. Држшъ си вѣнчéнити дрéи за смржтъ. Куга минувашъ на онія святъ призъ óгяна, няма да та пáри.

— Храни свое свадебное платье на случай смерти. Когда придется на томъ свѣтѣ переходить черезъ огонь, то онъ не обожжетъ тебя.

8. Пакъ, тóжи си држшъ за грóбъ унéя дрéхи, съ куйту си са кѫпалъ въ Іорданъ, акý ли си одялъ въ Іерусалимъ.

— Держи также на случай смерти и тѣ одежды, въ которыхъ ты купался въ Іорданѣ, если ходилъ въ Іерусалимъ.

9. Има иднà пýкнатина въ Іерусалима ду Гóспудювія храмъ. Сйчки-

— Въ Іерусалимѣ около храма Господня есть трещина. Всѣ „аджіи“

ти аджіи си фърлятъ въ нея нигтéти утъ рацети и краката. Сигà е тàя пукнатина пълна съ нигтé. Тва гу прàвятъ за здрави и óшти не знàмъ за каквó.

10. Куга си изрязувашъ нигтéти, сбирай ги и ги крій я въ пàзувата, я дýвай на тяхъ и ги фърляй пу единъ затъ гърбá си. Замъ кугá та сѫдятъ на óнія святъ и та пупѝтатъ, дѣ ти са нигтéти, жда рѣчешъ: „эту ги фъ пàзувата-ми", али: „ей-ги затъ гърба ми", и няма да одишъ да ги сбирашъ единъ пу единъ, аку си ги прѣскалъ.

11. Българити тýрятъ на смъртняка въ джóба по двáдесятъ копѣйки замъ аку и устанáлъ покойнія дóлженъ, някуму, та да му са расплатѝ на óнія святъ.

12. Да утарвéшъ жáбата утъ зъмята Господь жда ти прусти млóгу гряуви. Убій зъмя, жда ти прустѝ Господь четириси си гряа.

13. Не прѣскай пу земéта солтѫ чи жда я сбѝрашъ на óнія святъ съсъ клепàчити си.

14. Куга ýмрешъ, да ти запалятъ вѣнчаната свѣшъ, чи на óнія святъ съсъ нея ти свѣтятъ, куга та вóдятъ тъвнинити на твой ту мясту.

15. Каквó ту си арѝжишъ, жда си гу ѝмашъ на онія святъ. Млóгу хýбаву да си арѝжишъ прасéнци, заштóту то на óнія святъ жда ти ровѝ патечка фафъ рая. Коѝту си арѝжи бѝкъ за курбàнь, хýбаву жда ѝма: тóя бикъ жда стуѝ вързанъ на óнія святъ, ду де ýмре чурбаджіята-му. А пудиря жда гу пасè урбаджіята-му фафъ райскити ту-

бросаютъ въ нее ногти отъ своихъ рукъ и ногъ. Въ настоящее время эта трещина полна ногтей. Это люди дѣлаютъ для здоровья и еще, не знаю, для чего-то.

— Когда обрѣзываешь ногти, то собирай ихъ и прячь себѣ за пазуху, или же подуй на нихъ и бросай по одному себѣ за спину. Это необходимо для того, чтобы на томъ свѣтѣ, когда спросятъ тебя, гдѣ твои ногти, ты сказалъ бы: „вотъ они у меня въ пазухѣ", или же: „вонъ они за моей спиной", и не пришлось бы тебѣ ходить и собирать ихъ по одному въ томъ случаѣ, если ты ихъ разбросалъ.

— Болгары кладутъ умершему въ карманъ по двугривенному съ тою цѣлью, чтобы покойникъ, если остался кому-либо долженъ, то расплатился бы съ нимъ на томъ свѣтѣ.

— Отними жабу у змѣи— Господь проститъ тебѣ много грѣховъ. Убей змѣю, Господь проститъ тебѣ сорокъ грѣховъ.

— Не разбрасывай соли по землѣ, потому что на томъ свѣтѣ придется собирать ее тебѣ своими рѣсницами.

— Когда ты умрешь, то пусть зажгутъ свадебную свѣчу, потому что на томъ свѣтѣ ею будутъ свѣтить, когда будутъ вести тебя по темнымъ мѣстамъ на твое мѣсто.

— Что ты подаришь, то получишь на томъ свѣтѣ. Очень хорошо подарить поросенка, потому что на томъ свѣтѣ онъ будетъ рыть для тебя дорожку въ рай; кто подаритъ быка для курбáна, тому будетъ очень хорошо: быкъ этотъ на томъ свѣтѣ будетъ стоять привязаннымъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ его хозяинъ, который и

вáи.

будетъ пасти его на райскихъ лугахъ.

16. На умрѣлити хóра душити са нахождатъ заключени въ еднѫ кѫшта въ Іерусалимъ. Тамъ жда бѫдятъ тіи ду страшнія сѫдъ. Намúратся стари „аджійки", куиту кá-зуватъ, чи ги чу̀ли билá, какъ брамчатъ тея душú, кату пчелú. Една „аджійка", казуватъ, нарѫсяла въ тая кѫшта упрешъ прага кóлюву, та чи на другія день утишла пакъ да види какво станà. Колювуту са загубялу. Душити гу искъ́лвали.

— Души умершихъ людей находятся взаперти въ одной комнатѣ въ Іерусалимѣ; тамъ онѣ будутъ со страшнаго суда. Есть старухи — „аджійки", которыя говорятъ, что онѣ будто бы слышали, какъ эти души жужжатъ, какъ пчелы. Одна „аджійка", говорятъ, посыпала у порога этого дома колево, а на другой день явилась посмотрѣть, что вышло изъ этого колева"... Колево пропало. Души поклевали его.

17. Тоя денъ, кугáту са кóмкашь, нидѣй спа, чи діавола жда ти зéме кóмката утъ устата.

— Въ тотъ день, когда ты пріобщаешься, не спи, потому что твое причастіе возьметъ у тебя діаволъ изо рта.

18. Гулямата вѣтру̀шка è Гóспудюва, мáниньвити са на діáвола.

— Большой вихрь принадлежитъ Господу, а маленькіе вихри — діаволу.

19. Призъ, прáга ни са здравúсувай, чи грѣшну. Забíй еднà подкóва ду прáга въ лáвката си, жда таргу̀вашъ по ху̀баву.

— Черезъ порогъ не здоровайся, потому что это грѣшно. Забей подкову въ порогъ своей лавки для того, чтобы торговля твоя шла лучше.

20. Въ кумéдіята да ни влизашъ и да ни глѣдашъ разни діяволштини, чи è млогу грѣшну. Тамъ ти зиматъ учити.

— Не входи въ балаганы и не смотри разныя чертовщины, потому что это очень грѣшно. Тамъ отводятъ тебѣ глаза.

21. Да са лѣкувашъ у доктуръ май грѣшну. По дубрè у бáби.

— Лѣчиться у доктора очень грѣшно. Гораздо лучше у бабы.

22. Койту не краштáвалъ малки дица на тоя святъ, той на онія святъ жда краштáва жéбити.

— Кто на этомъ свѣтѣ не воспринималъ дѣтей, тотъ на томъ свѣтѣ будетъ воспринимать жабъ.

23. Куя́-то жена има умря́ло дя́ти пудóйничи, тя утъ нова гудúна ду Гергёвдянъ мля́ко да не ѣдè, чи ште ѝ плáчи дитéту на óнія святъ.

— У какой женщины есть умершій грудной ребенокъ, та пусть отъ Новаго года до Георгіева дня (23 апрѣля) не пьетъ молока, потому что ребенокъ ея на томъ свѣтѣ будетъ плакать.

24. Кугà пу̀снатъ грóба въ ду̀пбата, тугúва кóлкуту са надъ грóка, ся́куй фърля три пъ́тя пу еднà

— Когда опускаютъ гробъ въ яму, то каждый находящійся здѣсь долженъ бросить туда три раза по

кривачь прѣ́съ и рѣчѐ: „лéка ти прѣ́съ“.

одной горсти земли и сказать: „пусть тебѣ будетъ легка земля“.

25. Табáка діаволска тривà. Куга чафýтити распжнали на крѫстѫ Гóспудь, сичка-та тривà пувя́йнала, салъ единъ табакъ вéсялу рáсалъ. Ни е хýбаву да викашъ за табáкъ „спаси́бо“.

— Табакъ дьявольская трава. Когда евреи распяли на крестѣ Господа, то всѣ травы завяли, одинъ табакъ только продолжалъ весело расти.

II.

26. Еднò врéмя и́мало вáпири, куи́ту піéли на чуля́ка кръвтѫ. Вапиря стáвалъ утъ тоя смъ́ртнякъ, кóгуту гу прискочѝ кóтката, кугà той лежѝ ôшти въ сѫндáка. Затвà тря́ба да са вáрдятъ не закýпанити смъртници отъ котки. И сегà и́ма вáпири. Има млóгу присказки за-тяхъ. Но сегà тій не прáвятъ вéчи тея пáкузи.

— Въ одно время существовали вампиры, которые высасывали у человѣка кровь. Въ вампировъ обращались тѣ мертвецы, которыхъ перескакивала кошка, пока они лежали еще дома въ гробу. Поэтому нужно беречь незарытыхъ еще мертвецовъ отъ кошекъ. И теперь есть вампиры; о нихъ существуетъ много сказокъ, но теперь они уже не вредятъ людямъ.

27. Койту чулякъ са рудѝ утъ Коляда ду нова гудина, той вижда сички ти зли́ни. Затвà бáбата тря́ба да кѫпи такóва дитè съ́съ жуля́зу, куéту да тýри фъ́фъ вудáта. Утъ тъвà са учистю́ва дитèту и вéчи не може да вижда зли́ните.

— Кто родится въ промежутокъ времени отъ Рождества до Новаго года, тотъ можетъ видѣть всѣхъ нечистыхъ духовъ. Поэтому бабка должна купать такого ребенка въ водѣ, въ которую брошенъ кусокъ желѣза. Этимъ очищается ребенокъ и уже не можетъ видѣть нечистыхъ силъ.

28. Кугà са рудѝ дитèту ду три́ дни дувáдатъ ури́сницити, та гу ури́суватъ. Тея са ури́сницити три жинѝ, куиту паричатъ на дитéту касмéта.

— Когда родится ребенокъ, то въ продолженіе первыхъ трехъ дней приходятъ „урицницы“. Это три женщины, которыя назначаютъ ребенку его судьбу.

29. На свитà и́ма тълáсъми, самуди́ви, русали, вапири, каракóнджули, змѣ́юви, мурѫ, магéсници и болясти. Утъ тея лушутіи са най страшни магесницити. Тій правятъ лоши магіи, съ куиту портятъ и умуряватъ брата и дубитака. Самудивити и русалити увради́суватъ ората. Вапирити піѫтъ крѫвтà

— На землѣ есть: тѫласѫми, самодивы, русалки, вампиры, караконджулы, змѣи, муря, колдуньи и болѣзни. Изъ этихъ нечистыхъ силъ самыя страшныя колдуньи. Онѣ своимъ злымъ колдовствомъ портятъ и морятъ людей и скотъ. Самодивы и русалки нападаютъ по временамъ на людей. Вампиры пьютъ

на брата. Змѣювити залибюватъ мумúти и ги крадѫтъ. Мурѫта души ората. Караконджулити, діавулити и тълáсъмити са шляáтъ пу нуштя и пáкусъ ни правятъ, ами садѐ чи плáшатъ брата. Болястити (чума, баба шарка, кукоша бблясъ и проч.) ходятъ утъ дворъ на дворъ, кату чулякъ али животно, и трѫшкатъ ората и дубитака.

кровь у людей. Змѣи влюбляются въ дѣвушекъ и крадутъ ихъ. „Муря" душатъ людей. „Караконджулы" и „тѫласѫми" шатаются по ночамъ, но зла не дѣлаютъ, а только пугаютъ людей. Болѣзни (чума, оспа, бородавки и проч.), ходятъ изъ дома въ домъ, въ видѣ человѣка или животнаго, и поражаютъ людей и скотину.

30. Има на свитѫ́ смокъ съ́съ умрỳкъ на упáшката, койту гони и убúва ората.

— На свѣтѣ есть „смокъ" (удавъ) съ кулакомъ на хвостѣ, который гонитъ и убиваетъ людей.

31. Куга флези мартъ мѣсяцъ, варжи си на рѫкáта „мартаничка". Пунусѝ я дудѐ вúдишь някуя щтъркялъ, чи я тури нудъ някуй кàмакъ. Сетня глéдай, да видишь ля́ступички; куту ги видишь, удлупи камака и гледай, аку има тамъ мравки, жда си чорбаджія на кунé, а куй бóжи крàвички—на крáви и вулóви, аку са черви—на парú, а ку ня́ма пишту—сю̀рмахъ жда си.

— Когда наступитъ мартъ мѣсяцъ, привяжи себѣ на руку „мартиничку" (красная ниточка). Поноси ее до тѣхъ поръ, пока не увидишь аиста, и затѣмъ положи ее подъ какой-нибудь камень. Потомъ жди, пока увидишь ласточекъ; какъ только ихъ увидишь, приподыми камень и смотри: если подъ камнемъ есть муравьи, ты будешь хозяинъ лошадей, если Божьи коровки—хозяинъ коровъ и воловъ, если черви—будешь хозяиномъ денегъ, а если подъ камнемъ ничего не будетъ, то ты останешься нищимъ.

32. Куга са рудú дитéту нéка му тýри бáбата пѫпа въ такóва мя́сту, на каквóту úскатъ башта и майка, да има то ду нявга охота и даръ: аку искатъ дай книжовну, да му тýрятъ пѫпа въ някуя книга, аку искатъ чивчія—въ яслити и т. д.

— Когда родится ребенокъ, то бабка пусть положитъ его пупокъ въ то мѣсто, куда пожелаютъ родители, чтобы онъ имѣлъ къ какому-либо роду занятія охоту и способности: если желаютъ, чтобы онъ былъ книжнымъ человѣкомъ, то пусть положатъ его пупокъ въ какую-либо книгу, если желають, чтобы онъ былъ землепашцемъ, то пусть положатъ его пупокъ въ ясли и т. д.

33. Сѫнія казува на чуляка, какво той жда дучáка, салтъ да мóишь, да гу расталкýвашъ. Но тукъ има и пýсти сѫнúвити.

— Сонъ говоритъ человѣку, что тотъ долженъ ожидать, но нужно умѣть растолковать сонъ, хотя нѣкоторые сны бываютъ глупы.

34. На свято четириси слънцето угрява земета съсъ четиресетъ шипа повичи.

— Въ день свв. сорока мучениковъ солнце огрѣваетъ землю больше, чѣмъ четырьмястами лучей.

35. Куга градіжтъ мастурити някаква постройка, вардиса, да ти ни снематъ сянката, чи да та заградіжтъ; чи тугива жда умрешь на сороковія день, а душата жда тій въ уная постройка. Тамъ жда тропашь ти пу пуштя и жда я вардишь да са ни сасипи. Замѣтили старити, чи млогу хора тъка са виранбсали.

— Когда мастера строятъ какую-либо постройку, берегись, какъ бы они не сняли твоей тѣни, потому что они застроятъ тебя, и тогда ты на сороковый день умрешь, а душа твоя будетъ въ той постройкѣ. Тамъ ты будешь бродить по ночамъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не осыпалась постройка. Старики замѣтили, что такъ пострадало много людей.

36. Куга си правишь кжща, пжрамъ обраси мястуту съсъ прусо кругомъ, да са сключатъ краиштата и си чити молебенъ. Тугива никакви лушутіи ни могатъ та нападна: ни зълъ духъ, ни магеснякъ, ни простъ хайдутянъ.

— Когда ты строишь себѣ домъ, то прежде всего обсыпь кругомъ мѣсто просомъ для того, чтобы скрѣпились углы, и служи молебенъ. Тогда никакіе злые духи не въ состояніи будутъ напасть на тебя, ни злой духъ, ни колдунъ, ни простой разбойникъ.

37. На кунети заплитатъ гривити самудивити.

— Лошадямъ гривы заплетаютъ самодивы.

38. Има ора съсъ лоши учи. Утъ тяхъ уручасуватъ и брата и дубитака, разбуляватся и даже умиратъ. Чулякъ съсъ лоши учи сичку порти и разваля саде да гу пугледни и да му са пучуди. Утъ тъкъвъ са варди, а у насъ утъ „аджи“ Стуянъ и утъ Панчувъ Иванъ.

— Есть люди съ опасными глазами. Они могутъ обворожить и людей и скотину; отъ нихъ и люди и скотъ болѣютъ и даже умираютъ. Человѣкъ съ такими глазами все портитъ и разрушаетъ, какъ только посмотритъ или подумаетъ. Такого человѣка остерегайся, а въ нашемъ селѣ берегись аджи Стуяна и Панчева Ивана.

39. Ниѐ хубаву, да пруклинашъ чуляка, али дубитака, али даже и на шагж лошу да рѣчешь. Заштоту мой да стани куету рѣчешь, а ку са случи такжоъ часъ.

— Не хорошо проклинать человѣка или скотину или даже шутя сказать о нихъ что-либо скверное, потому что, если случится такая минута, можетъ исполниться все то, что ты сказалъ.

40. Нивгашь не стжпвай на тъва мясту, дѣту са таркалялъ конь, али магари, чи жда та нападни някуя лушутія; не науздавъ аку стжпишь, заплюй мястуту три пътя.

— Никогда не ступай на то мѣсто, гдѣ качалась лошадь или оселъ, потому что на тебя можетъ напасть какая-либо бѣда; если ступишь какъ-нибудь нечаянно, то плюнь на то мѣсто три раза.

41 Куга седи́ти на хурутѫ и да и́ма при васъ някуй ведро съсъ сладка вудà за піéни, то гледайти, аку зами́ни пукрáй васъ смрътнякъ, излейти уна́я вуда́ и ни я пійти, чи жда йди ня́куй и утъ васъ слѣдъ смрътняка на óнія святъ. Пу дубрè си дунéсти дру́га вуди́ца.

— Когда сидите вы въ компаніи женщинъ на улицѣ и около васъ имѣется ведро сладкой воды для питья, то смотрите: если мимо васъ пронесутъ мертваго, вылейте ту воду и не пейте ее, потому что въ противномъ случаѣ и изъ васъ кто-либо отправится на тотъ свѣтъ вслѣдъ за этимъ покойникомъ. Лучше принесите себѣ другой водицы.

III.

42. Има такиви баби, куи́ту ху́баву ба́ятъ за у́руки и дру́ги бо́лясти. Кату прибáй чи га́чи ли гу земи съ рѫкà. А ми на кой му е судя́ну да у́мре макаръ, и да му ба́ишь, ни са пума́га.

— Есть старухи, которыя хорошо умѣютъ шептать отъ глаза и другихъ болѣзней. Если она пошепчетъ, то какъ будто бы рукой сниметъ. Но кому суждено умереть, то даже если бы и шепталъ, не поможетъ.

43. Има млóгу умни баби (и мѫжи) куй ту знáатъ да „замятатъ". Емъ куту ти замѣтни, и пузнáй, каквà тій булистѫ, утъ каквой станѫлѫ, и има ли лякъ, али няма.

— Есть много умныхъ бабъ (и мужчинъ), которыя умѣютъ шептать. Какъ только на тебя пошепчетъ, сейчасъ же узнаетъ, какая у тебя болѣзнь и отъ какой причины, и есть ли лѣкарство или нѣтъ.

44. Има баби, куиту, заклинюватъ за дича, заштоту кои ту и клинавъ, безплóдянъ е.

— Есть старухи, которыя дѣлаютъ заговоры на дѣтей, вслѣдствіе чего то лицо, которое заговорено, оказывается бездѣтнымъ.

45. Кýяту мумà и́ска да си узнáй нейнія сужéнія, тя напри́шъ Новія годъ да зéми еднò угледáло, да запáли двѣ свѣшти утъ старнити и да глéда сама въ угледáлуту; той ждай са яви.

— Дѣвушка, которая желаетъ узнать своего суженаго, пусть наканунѣ Новаго года возьметъ зеркало, зажжетъ по бокамъ его двѣ свѣчи, а сама пусть смотритъ въ зеркало: суженый явится.

46. Вечартѫ на „дай ла́дата" на куяту мума каквóту са напей, такова жда дучáка.

— Вечеромъ на „дай ладѣ" (гулянье передъ Новымъ годомъ молодежи) какой дѣвушкѣ что пропоется, того она должна и ожидать.

47. Вéчаръ напрéшъ нóва гуди́на брата ѣдѫтъ свинска главà па пáчѫ и мли́нъ. Въ млина тýрятъ клéчици утъ увóшка и на ся́кая клечка нари́чатъ касмéтъ. Съ тяхъ

— Вечеромъ наканунѣ Новаго года люди ѣдятъ голову свиньи (приготовленную въ холодецъ), и пекутъ пирогъ. Въ этотъ пирогъ вкладываютъ вѣточки отъ плодоваго де-

са упичѐ млѝна. Кугà гу расчу́пятъ да изъѣдѫтъ, тугивъ сякуй си пузнáй касмéта пу клечката, куяту ту му са нупадни.

рева и каждой вѣточкѣ назначаютъ судьбу. Пирогъ съ этими вѣточками и печется. Когда его разрѣжутъ, чтобы ѣсть, тогда каждый узнать свой жребій по той вѣточкѣ, какая ему попадется.

48. Ку́читу ву́й на ло́шу: я жда умре ня́куй, я зараръ жда стани. Мечи-ли кукумя́вка на кѫщата, жда изнесѫтъ смрѫтнакъ утъ та́я кѫща.

— Собакà воетъ на несчастье: или умретъ кто-нибудь, или же случится какая-либо непріятность. Если мяукаетъ сычъ на домѣ, вынесутъ мертвеца изъ того дома.

49. Нидѣй сѫрдѝ штѫркяла, чи шта запа́ли.

— Не серди аиста, а не то онъ подожжетъ тебя.

50. За́якъ да та мѝни пѫтъ ни ѐ ху́баву.

— Не хорошо, если заяцъ перебѣжитъ черезъ дорогу.

51. Куко́шкити но́сятъ ма́нички пубѫркани ичѝца на зло. Чій ту куко́шки снисѫтъ такѝва ицà, на тоя чуля́къ ште у́мре я блѝзка руднина я дубѝтака. Пубѫркануту куко́шиту ицѐ разбій на крьступѫтя та няма да ста́ни па́кусъ.

— Маленькія взболтанныя яички куры несутъ обыкновенно къ несчастью. Чьи куры снесутъ такія яйца, у того или умретъ кто-либо изъ близкихъ родственниковъ, или же издохнетъ скотина. Такое взболтанное куриное яйцо разбей на перепутьи, и ты не будешь имѣть никакихъ непріятностей.

52. Гле́дай, да та ни пусрѣ́шни някуй съ празни ведра, чи шта стани пакусъ. Жена да ти не мѝни пѫть, чи шти напра́ви па́кусъ.

— Смотри, чтобы не встрѣтилъ тебя кто-либо съ пустыми ведрами, не то у тебя будетъ какая-либо непріятность. Женщина не должна перейти тебѣ дорогу, потому что тогда она причинитъ какое-либо зло.

53. Кугà са упла́шишь, плюй си три пѫтя въ па́зувата, ня́ма да тій пи́шту.

— Если испугаешься, то поплюй себѣ три раза за пазуху, и съ тобой ничего не случится.

54. Да ни са утрѝвати двама та въ ѐднà кърпа и се въ еднò врéме, чи жда са ска́рати.

— Не утирáетесь двое однимъ и тѣмъ же полотенцемъ и въ одно и то же время, а не то поругаетесь.

55. Ни крастя́ну детѐ (кушлю) да не цѣлувашъ, чи то е ошти чафутчи.

— Ребенка, который еще не окрещенъ, не цѣлуй, потому что онъ еще еврей.

IV.

55. Еднò врéмя чивчіете не урéли въ пéгакъ есентѫ, да билъ здравъ дубѝтака, а пакъ прóлятъ излѝзали първо севте да сѣ́ятъ въ

— Въ прежнее время земледѣльцы не пахали въ пятницу осенью для того, чтобы не болѣлъ скотъ, а весною выѣзжали первый разъ сѣ-

пе́такъ, замъ да и́малу урожай. И сега̀ някуй си държи то́я оби́чай

ять въ пятницу, чтобы былъ урожай. Многіе и теперь соблюдають этотъ обычай.

56. Куга̀ ту излѣзешь про́лятъ найпърва да сѣешь, да упече́шь една́ пи́тка. Таркульни я пу ни́вата, та я изѣшь. Чи тугива начинаи да урешь. Жда са руди́ ляба ху́баву.

— Когда выѣзжаешь весною первый разъ сѣять, то испеки одну лепешку, покати ее по нивѣ, разломай и съѣшь, и тогда начинай пахать — будетъ хорошій урожай.

57. Куга̀ дужжнувашъ уста́вяй брадж̑ на нива та. То е за уружай.

— Когда оканчиваешь косовицу, то оставляй бороду на нивѣ. Это дѣлается для урожая.

58. Куга̀ утбдашъ ну ра́бутата си, чи да срѣтнишь по́пъ, жда ста́ни па́кусъ, но куга̀ срѣшишь ци́гананъ, жда бъ́ди ху́баву.

— Когда отправляешься на работу и встрѣтишь священника, то будешь имѣть непріятность, а если встрѣтишь цыгана, то—успѣхъ.

59. Чурбаджійке! то́я денъ, куга̀ излиза първу на първу мж̑жж̑ ти да урѐ, не да́вай ди́кясъ не на кумшія не на просякъ, чи щте забѣдцейти.

— Хозяйка! въ тотъ день, когда мужъ твой первый разъ выѣзжаетъ пахать, не оказывай никакого одолженія ни сосѣду, ни нищему, а не то обѣднѣете.

60. Мума̀ ли си, нидѣй флиза въ пра́зянъ ста́нъ, чи жда приста́нишь на някуй мо́макъ. Куга̀ утрѣжишь стан̑ж, метни си ни́шка на главж̑та, замъ да та не боли̇ глава́та.

— Если ты дѣвушка, то не входи въ пустой станокъ (ткацкій), а не то безъ согласія родителей отдашься молодому человѣку. Когда отрѣжешь основу, брось нитку съ основы себѣ на голову для того, чтобы не болѣла у тебя голова.

61. Утъ Великденъ ду Георгіевденъ не са тачѐ. Утъ све́то четириси, ду Великденъ не са привж̑рзува станъ. На пресполови́нската недѣля не са круй и не са шій, чи га у́мрешь, щте са пресполуви̇ душа́та.

— Отъ Пасхи до Георгіева дня (23-го апрѣля) не ткутъ. Отъ дня сорока мучениковъ до дня Пасхи не натягиваютъ основы на станокъ. Въ недѣлю Преполовенія не кроятъ и не шьютъ, потому что, когда ты, не соблюдая этого, умрешь, преполовится душа твоя.

62. Куга̀ утрѣжишь стан̑ж прибери́ гу и пунараси̇ вуд̑ж, дѣту си такала, а ку не, жда та нападни кра́ста.

— Когда отрѣжешь основу, прибери ее и побрызгай водою то мѣсто гдѣ ты ткала, а если этого не сдѣлаешь, то нападетъ на тебя короста.

63. На койту ста́нъ затачешь, на не́гу и утрижи̇; да не прумѣняшь стан̑ж, чи жда у́мрешь, али някуй утъ ва́шти щте у́мре.

— Оканчивай работу на томъ же станкѣ, на которомъ и началъ; не перемѣняй станка, а не то умрешь ты или кто-либо изъ твоихъ родственниковъ.

64. Куга ушіешь ризата, пруври ножицити на ризата прузъ пазувата и рѣчи: „Колку то са ниткити, толкува годянъ да живишь“. И тоя, чійту и ризата, жда живи млогу.

65. Куга си міешь главжта, да не фърляшь нуштя пуміята, чи ни е хубаву.

66. Кусата си, куяту устава на гребяна, да я кріишь и да я не фърляшь пу двора, чи я зиматъ птицити, та я носятъ въ гнѣздата си. Утъ тъва шта боли главата. Пакъ да я ни гуришь, чи ште гури главата, кату огянъ.

67. Аку са смразятъ жинурята въ кжшти млогу зле, то е на пуразія. Една та една неда плюсни утъ тяхъ.

68. Куга минува прудавачъ съ гарнета въ май мѣсяцъ, уткрадни едно нову гарне и гу разбій, жда вали джшъ.

69 Куга дбрунка дитету съсъ бжрните, жда вали джшъ.

70. Куга ти играй укото, ште дучакашъ али млогу хубаву нѣшту али млогу лошу.

71. Пусретъ пжть на прижъ Коляда дубитака разгуваря.

72. Едно времи мишката апнала отъ свитена нафурка, чи станжла прилапъ. Утъ тугифъ са дувадялъ прилапи.

73. Примушиса призъ баба зунка, аку искашъ да станишъ утъ мумчѐ на мумичи, али утъ мумичи на мумче.

— Има муми дѣту залибюватъ змѣювити; уртуватъ съсъ тяхъ и ги гуштаватъ пу долгу время, а утъ

— Когда сошьешь рубаху, продѣнь черезъ пазуху ея ножницы и скажи: „Сколько въ этой рубахѣ нитокъ, чтобы столько лѣтъ и жить“ И тотъ кому принадлежитъ эта рубаха, будетъ жить долго.

— Когда моешь голову, то не хорошо выливать воду ночью.

— Волосы, которые остаются у тебя на гребнѣ, ты прячь и не разбрасывай ихъ по двору, потому что ихъ собираютъ птицы и уносятъ въ свои гнѣзда; отъ этого будетъ болѣть у тебя голова; но и не жги ихъ на огнѣ, потому что у тебя голова будетъ горѣть, какъ огонь

— Если бабы очень смерзнутъ въ комнатѣ, то это къ несчастью: одна изъ нихъ обязательно умретъ.

— Когда въ маѣ мѣсяцѣ проѣзжаетъ горшечникъ, то стащи у него одинъ новый горшокъ и разбей его: будетъ итти дождь.

— Когда ребенокъ барабанитъ губами—будетъ итти дождь.

— Если у тебя играетъ глазъ, то это значитъ, что ты дождешься чего-то или очень хорошаго или очень плохого.

Домашній скотъ передъ Рождествомъ разговариваетъ среди дороги.

— Однажды мышь съѣла кусочекъ освященной просфоры и сдѣлалась летучею мышью. Съ тѣхъ поръ и завелись летучія мыши.

— Пролѣзь черезъ радугу, если желаешь сдѣлаться изъ мальчика дѣвочкой или изъ дѣвочки мальчикомъ.

— Есть дѣвушки, которыя влюбляются въ змѣй, разговариваютъ съ ними и угощаютъ ихъ по дол-

стърна́ не монишь видя ни́шту. Такъва мума́ иргéнь не либи, утъ хурò бя́га; у дума̀ си сè глéда да устáни сами́чка. Такъва мума скóру умира, заштоту я замлчуба змѣ́я.

ту, а со-стороны нельзя ничего увидѣть. Такая дѣвушка не любитъ молодыхъ людей, убѣгаетъ съ хороводовъ; дома у себя она старается остаться наединѣ. Такая дѣвушка скоро умираетъ, потому что ее замучиваютъ змѣи.

75. Аку пáднатъ ня́какъ труи утъ ля́пъ на душéкя ти, убири ги и нидѣ́й спа на тяхъ, чи жда съпу́вашъ зъмѝ и гу́штяри.

— Если какъ-нибудь упадутъ крошки хлѣба на подстилку, то ты не спи на нихъ, потому что, если будешь спать на нихъ, то тебѣ будутъ сниться змѣи и ящерицы.

V.

76. Въ земéта има закупáни парѝ, куи́ту излизатъ надъ земéта и трепéрятъ синь плáмакъ ду трѝ пѫти парéтъ, а ма салтъ на предъгулемити прáздници и напришь Великденъ, ду де ни са пѣли „Христосъ воскресе“.

— Въ землѣ есть закопанныя деньги, которыя выходятъ на поверхность земли и три раза подърядъ мерцаютъ синимъ огонькомъ, но только наканунѣ большихъ праздниковъ и Пасхи, пока еще не пропѣли „Христосъ воскресе“.

77. Клада въ земета се заклинанъ. Ся́куй не мой да му са пáдня, а ми койту напрáви пу заклѣта. Пóвичи ту париди и́скатъ кръвъ я чулéшка, я утъ животну.

— Кладъ въ землѣ заколдованъ. Не каждому онъ можетъ попасть въ руки, а только тому, кто сдѣлаетъ такъ, какъ кладъ былъ заговоренъ. Больше всего деньги любятъ кровь человѣка или животнаго.

78. Кугá ви́дишь пари чи гуря́тъ, замайнѝ съ някуя дрéшка, тій жда са испипятъ и жда са лѫснатъ у иришь тебѣ.

— Когда увидишь, что горятъ деньги, махни какою-либо тряпочкой: онѣ высыплются и заблестятъ около тебя.

79. Аку знáишь на някуй мясту парѝ, парасѝ наприи́шь гулямъ прáздникъ пéпялъ. Сабайлáмъ гледай, чи каквóту стъпка видишь, такова живóтну кули на курбань на уноя день, гату си из вадялъ парити. Акуй чулéшка стъпка, то някуй ште у́мре утъ васъ.

— Если ты знаешь мѣсто, гдѣ находятся деньги, то наканунѣ большого праздника посыпь то мѣсто пепломъ. Рано утромъ посмотри, и если увидишь на томъ мѣстѣ слѣдъ, то заколи на „курбань“ въ тотъ день, когда ты досталъ деньги, то животное, слѣдъ котораго ты увидишь. А если на томъ мѣстѣ будетъ человѣческій слѣдъ, то кто-либо умретъ изъ васъ.

80. Кугà купáешь парѝ, нидѣ́й пугальчáва, чи жда са су́рнатъ на

— Когда копаешь деньги, то ты храни молчаніе, не то они уйдутъ

до́лу. Парити че́сту ставатъ на шалжса́мъ: ти жда ви́дишь мечка, вълкъ, ста́ръ чуля́къ и дру́ги лупутіи; но ти не са плаши́ и си купай, дуръ де ги искупаишь.

81. Аку и́машъ смѣ́лость, удари́ съ туя́га шалжса́ма на пари́ти, то́й жда издржнка, и жда са разсипи на алтжни. Куга́ купа́ешь пари, у́баву е да чите́шь псалти́ря. Той жда та ва́рди утъ бѣ́совити.

82. Че́сту замѣча́ватъ, чи койту искупа́лъ пари́, той му мржтъ дица́та.

внизъ. Деньги часто превращаются въ нечистаго духа: ты увидишь медвѣдя, волка, стараго человѣка и другія подобныя гадости, но ты не пугайся и продолжай копать до тѣхъ поръ, пока не выкопаешь деньги.

— Если ты имѣешь смѣлость, то уда́рь палкой нечистаго духа денегъ: онъ зазвенитъ и разсыплется червонцами. Когда копаешь деньги, то хорошо въ это время читать псалтирь. Онъ охранитъ тебя отъ всѣхъ нечистыхъ силъ.

— Часто замѣчаютъ, что у того, кто выкопалъ деньги, умираютъ дѣти.

Н. Державинъ.

СМѢСЬ.

Изъ преданій и повѣрій Череповецкаго уѣзда.

I. Преданія.

1. „Паны“ и клады.

О прохожденіи въ этомъ краѣ литовцевъ въ смутное время сохранилось немало преданій. Литовцы направлялись въ предѣлы Бѣлозерскіе и разоряли все на пути своемъ; тогда, между прочимъ, былъ разоренъ и Воскресенскій монастырь на рѣкѣ Шекснѣ, первоначальное ядро г. Череповца. Приводимъ собранныя нами слѣдующія преданія. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ и археологическое значеніе.

1) *Въ Колоденскомъ приходѣ* сообщаютъ, что крестьяне одного отставшаго „пана“ поймали, приволокли на гумно и давай бить цѣпами, приговаривая: „лежи, пане; лягало-то (у цѣпа) оторвется, такъ убѣжимъ“. (Отъ Григорія Конкина въ д. Давыдовѣ).

2) Отъ д. *Воротишина* (Колоденскаго прихода) въ одной верстѣ, въ полѣ, есть курганъ, обросшій толстыми березами, теперь уже посохшими; тутъ, по преданію, похоронены „паны“. Старики разсказываютъ, что въ прежнее время рано по утрамъ видывали на бугрѣ свинью съ поросятами, никому не принадлежащую; это видѣніе указываетъ на то, что тутъ якобы есть кладъ, но попытокъ его достать никто не производилъ. Деревья же на курганѣ, хотя посохли и сгнили, но, по всеобщему соглашенію, остаются неприкосновенными. (Отъ к-на д. Воротишина, Степана Старостина).

3) *Въ Старо-Никольскомъ* приходѣ поляки проходили въ лѣтнее время, когда крестьяне были на сѣнокосахъ, а дома оставались одни дѣти. Теперь лѣтомъ, когда взрослые уходятъ на работы и возвращаются только вечеромъ, маленькіе ребята съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ихъ домой и подъ вечеръ кричатъ: „тятька да мамка, идите домой: были паны, да повыѣхали“. (Въ с. Дмитріевскомъ).

4) *Въ Заболотскомъ* приходѣ, около деревень *Сокольниковъ* и *Помѣстова*, есть курганъ, въ которомъ похоронено „полтора пана“, т. е. взрослый полякъ и его сынъ. Тутъ же былъ найденъ когда-то кладъ, состоящій изъ польскихъ серебряныхъ монетъ.

5) *Въ Кисовскомъ приходѣ*, близъ д. *Карпова*, есть сосновая рощица, состоящая всего изъ 8 старыхъ дуплистыхъ деревьевъ, называемая „могильники". Тутъ зарытъ кладъ.

6) Близъ д. *Острова* (Заболотск. прихода) на урочищѣ „Осиновикъ" указываютъ слѣды двухъ разоренныхъ литовцами деревень; и теперь замѣтны остатки колодезя и кузнечныя осорки. Тоже предполагается кладъ.

7) Почти у самаго „Дмитріевскаго болота" (см. ниже, стр. № 3), на землѣ, принадлежащей д. *Острову*, есть урочище, наз. „Подсосновикъ"; тутъ подъ одною березою зарытъ кладъ, а именно сундукъ съ деньгами; кладъ зарытъ „панами", которые грабили народъ. Были попытки вырыть кладъ. (Отъ к-на д. Острова, Луки Старцева).

8) Около д. *Острова* есть урочище—небольшая сосновая роща, состоящая изъ старыхъ деревьевъ, наз. „могильницы"; тутъ, по преданію, до основанія церкви была часовня. Теперь тутъ устроены угольныя ямы для пережиганія углей. Первый человѣкъ, рѣшившійся устроить тутъ яму, будто бы ослѣпъ. (Отъ него-же).

9) *Въ Кондашскомъ* приходѣ, около д. *Гавино*, есть нѣсколько продолговатыхъ кургановъ, называемыхъ „могильницы". Въ с. *Кондашѣ* около часовни вырываютъ человѣческія кости большихъ размѣровъ. Часовня называется „обыденная", такъ какъ встарину, до основанія церкви, была выстроена въ одинъ день.

10) По рѣчкѣ *Пáчейкѣ*, впадающей въ р. Кондашку, извѣстно урочище *Пáчея* [1]). По преданію, на этомъ мѣстѣ встарину существовало селеніе, разоренное „панами"; слѣды замѣтны и теперь. Впослѣдствіи разоренные жители основали д. Гавино.

11) *Въ Николо-Раменскомъ* приходѣ, вблизи Вочькомина, протекаетъ Мучелажскій ручей. По немъ извѣстны два урочища: *Оселокъ* и *Мучелага*. На этихъ урочищахъ, по преданію, было встарину селеніе, разоренное „панами"; и теперь находятъ въ землѣ кирпичи и кузнечныя осорки. Мѣсто очень живописное.

12) Около д. *Харламовской* (Николо-Раменск. прих.) по р. Мологѣ есть урочище, называемое „Осёлокъ". По преданію, здѣсь встарину существовала деревня.

13) *Ольховскій* приходъ. На берегу р. Шексны, близъ с. *Ольхова*, жили и разбойничали „паны". Въ одномъ мѣстѣ р. Шексна, измѣняя русло, отмываетъ берегъ; съ отпавшей землей выходятъ громадной толщины дубовыя деревья, находясь приблизительно около трехъ аршинъ отъ поверхности земли. Это будто бы остатки жилищъ „пановъ". Изъ этихъ дубовъ, отличающихся твердостью древесины, крестьяне дѣлаютъ лопатки для точенія косъ.

14) Недалеко отъ с. *Ольхова* есть „Маленькое озерко"; около него растетъ старая, кривая береза съ вколоченнымъ въ нее „бороньимъ зу-

---

[1]) Рѣчка *Пачея* упоминается въ былинахъ, собранныхъ Рыбниковымъ, томъ III.

бомъ" (отъ бороны). Здѣсь очень давно найденъ былъ кладъ, состоящій изъ золота и серебра. Находка произошла, по разсказамъ, такимъ образомъ: одинъ крестьянинъ изъ с. Ольхова былъ по дѣламъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на ярмаркѣ. Въ то время тамъ поймали „пана" и присудили его къ казни (Нижній-Новгородъ и старинные „паны"—очевидно, преданіе перепутано). Передъ казнью „панъ" сознался во всеуслышаніе, что онъ укажетъ зарытый кладъ близъ с. Ольхова у кривой березы съ „бороньимъ зубомъ". Крестьянинъ этотъ сейчасъ поѣхалъ обратно домой, вырылъ кладъ и разбогатѣлъ. Потомки его въ настоящее время въ третьемъ колѣнѣ живутъ состоятельно.

15) Въ другомъ мѣстѣ, тоже около с. *Ольхова*, нѣсколько человѣкъ вырыли кладъ; одинъ изъ нихъ съ радостью воскликнулъ: „ну, теперь, ребята, будетъ на кабакъ и на табакъ!" Кладъ сейчасъ же провалился. Глубокая яма существуетъ и теперь.

(Послѣднія три преданія записаны отъ к-на с. Ольхова, Ивана Борина).

2. Волненіе крестьянъ во время крѣпостного права.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія вся Колоденская волость (9 селеній), 5 селеній Дмитріевской волости и 4 селенія Уломской волости, всего 1240 ревизскихъ душъ, принадлежали помѣщику Собакину. Этотъ же помѣщикъ имѣлъ въ Вятской губерніи желѣзодѣлательные и плавильные заводы. Вотъ однажды онъ и потребовалъ изъ своей Череповской вотчины 300 человѣкъ крестьянъ безъ семей для работы на своихъ Вятскихъ заводахъ. Крестьяне безпрекословно пошли. Но тамъ имъ не посчастливилось: отъ тоски по родинѣ, отъ тяжелой работы, а можетъ быть, отъ какой-нибудь повальной болѣзни, между ними открылась ужасная смертность или, какъ одинъ изъ разсказчиковъ выразился, „почти всѣ они пригорѣли". Осталось только около 30 человѣкъ, которые, воспользовавшись какимъ-то случаемъ, убѣжали на свою родину въ Череповецкій уѣздъ. Между убѣжавшими съ Вятки былъ, между прочимъ, одинъ крестьянинъ, который состоялъ могильщикомъ, погребая своихъ земляковъ. Бѣглецы со всякими лишеніями попали, наконецъ, домой и разсказали печальную участь, постигшую ихъ товарищей. Вѣроятно, тутъ и зародилась у всѣхъ мысль о неповиновеніи на будущее время помѣщику. Спустя нѣкоторое время, помѣщикъ опять требуетъ на Вятскіе заводы 300 человѣкъ, но уже съ семьями. Крестьяне итти отказались и начали волноваться. Для уговора ихъ пріѣзжалъ архимандритъ Моденскаго монастыря, Устюжскаго уѣзда, находящагося въ 16 верстахъ отъ с. Гришкина, Колоденской волости. Но увѣщанія пастыря не увѣнчались успѣхомъ. Вслѣдъ затѣмъ разнесся между крестьянами слухъ, что для усмиренія ихъ идетъ отрядъ башкиръ въ 500 человѣкъ, и достовѣрно стало извѣстно, что они прибудутъ въ Троицынъ день 1812 г. (этотъ годъ событія опредѣленно указываютъ разсказчики). Наканунѣ Троицына дня было объявлено по всей вотчинѣ, чтобы всѣ вооружились, чѣмъ попало, и собирались въ с. Гришкино для защиты. Въ назначен-

ный день вооруженныхъ крестьянъ со всей вотчины собралось очень много. По одному разсказу противники встрѣтились около с. Гришкина на трактовой дорогѣ, по одну сторону которой есть болото. Башкиры были на коняхъ и вооружены луками и ружьями. Неизвѣстно, были ли какіе-нибудь переговоры, но башкиры выстрѣлили сначала холостыми зарядами, а въ отвѣтъ со стороны крестьянъ былъ посланъ одинъ выстрѣлъ, которымъ былъ убитъ башкирскій полковникъ. Тутъ на крестьянъ посыпался цѣлый градъ стрѣлъ и пуль. Падали раненые и убитые. Не выдержавъ натиска, крестьяне бросились бѣжать черезъ огородъ и въ болото. Башкирамъ нельзя было преслѣдовать ихъ на коняхъ по болоту. Отецъ одного изъ разсказчиковъ, бывши тогда подросткомъ, послѣ набралъ цѣлый пукъ стрѣлъ; стрѣлы были желѣзныя и крашеныя, которыя онъ и зарылъ гдѣ-то въ землю.

По другому разсказу башкиры пришли двумя отрядами: одинъ шелъ къ с. Гришкину по трактовой дорогѣ, другой отрядъ шелъ къ селу проселочной дорогой. Раздѣленіе отряда на двѣ части не было извѣстно крестьянамъ. Отрядъ, шедшій по большой дорогѣ, пришелъ первымъ и вступилъ въ схватку съ крестьянами, которая продолжалась будто бы три часа, и башкиры начали отступать; но вдругъ появился второй отрядъ башкиръ, и крестьяне очутились въ срединѣ и сейчасъ же бросились бѣжать за огородъ въ болото, оставивъ много раненыхъ и убитыхъ.

Башкиры начали въ селѣ грабежъ и будто бы убили нѣсколько маленькихъ дѣтей. Нѣкоторые крестьяне долгое время скрывались и жили въ лѣсахъ. Для окончательнаго подавленія волненія среди крестьянъ башкиры были расквартированы по всей вотчинѣ и жили отъ Троицына дня до Новаго года. Иногда они отъ скуки ходили по бесѣдамъ, стрѣляли въ цѣль; и теперь около д. Давыдово указываютъ одно дерево, служившее цѣлью, и называютъ его „стрѣляная ольха". Около той же деревни недавно рыли яму для зимняго храненія картофеля и нашли черепъ и кости, принадлежащіе якобы башкиру, умершему во время стоянки въ деревнѣ, а такъ какъ онъ былъ некрещеный, то и похороненъ гдѣ попало. Въ заключеніе разсказываютъ, что когда это событіе, т. е. волненіе и усмиреніе крестьянъ, дошло до свѣдѣнія высшей власти, то было приказано владѣльцу немедленно продать кому бы то ни было Череповскую вотчину, и дѣйствительно вскорѣ послѣ этого событія крестьяне перешли къ помѣщику Секретареву. Вопросъ же, почему именно были присланы башкиры для водворенія порядка, а не солдаты, остается невыясненнымъ. (Записано со словъ к-нъ: д. Панфилова Михаила Коростеля, д. Давыдова Григорія Конкина, д. Тынова Егора Колесникова).

3. Князь Дмитрій.

Въ с. Дмитріевскомъ, или Старо-Никольскомъ (Дмитріевской волости), по преданію, жилъ встарину какой-то *князь Дмитрій*. Въ честь его и село названо именемъ князя. Онъ же подарилъ крестьянамъ покосы по р. Колоденкѣ, именуемые „Дмитріевскимъ болотомъ". Церков-

ному причту онъ отказалъ въ вѣчное владѣніе лѣсную дачу, называемую „Бурдуково“.

4. *Юродивый Тимоша.*

Между селеніями Коротовымъ и Клопузовымъ (Уломской волости), въ лѣсу, наз. „Веретье“, въ обрывистомъ косогорѣ, спускающемся въ долину рѣчки Уломки, въ 50 годахъ, настоящаго столѣтія была вырыта въ землѣ тайно большая пещера и въ ней устроена часовня. Единственнымъ труженикомъ сего подвига былъ *юродивый Тимоша*, уроженецъ д. Боръ, Уломской волости. Память о немъ и посейчасъ живетъ въ окрестномъ населеніи, которое считаетъ его великимъ прозорливцемъ. Когда начали сходиться въ пещеру богомольцы, то по приказанію духовнаго начальства пещера была засыпана, но слѣды замѣтны и теперь.

5. *Похищеніе часовни.*

Въ очень давнее время у двухъ сосѣднихъ деревень: Бора и Клопузова, Уломской волости, была одна общая деревянная часовня во имя св. Николая, которая стояла на Боровской землѣ. Однажды клопузовцы въ одну ночь похитили часовню, т. е. разобрали и перевезли къ себѣ въ деревню. Боровскіе крестьяне поругались и махнули рукой, выстроивъ у себя другую часовню. Но теперь иногда ругаются: *„клопузовцы воры, украли часовню Николы“*. (Отъ к-на д. Боръ, Василія Матюшина).

II. Повѣрья.

1) *Суседко*—домовой. Кого во снѣ давитъ домовой, тому слѣдуетъ взять заостренную палку „свинобойную“ и достать верблюжьей шерсти; эти вещи положить на ночь подъ голову. Или же взять кусокъ восковой свѣчки, роснаго ладану и травы чертополоху; все это положить подъ шестокъ въ уголкѣ.

2) *Кикимора.* Если въ домѣ заведется кикимора, то нужно держать верблюжью шерсть у полатей въ воронцѣ. Въ случаѣ если кикимора „дикуетъ“ надъ скотиной, то нужно взять свинобойную палку и положить въ ясли.

3) *Лѣшіе* и *лѣшачихи.* Въ д. Анфаловѣ, Уломской вол., была прежде березовая роща, а въ ней жилъ *вольный*, т. е. лѣшій, который, шатаясь по окрестностямъ, приговаривалъ: „Изъ Анфаловской рощи шасть на Маленькую дорожку (урочище), а оттуда на Дмитріево болото“. Шаги немаленькіе! Когда рощу вырубили, лѣшій переселился куда-то и перестал безпокоить людей.

По мнѣнію здѣшняго населенія, у „вольныхъ“ есть жены—„лѣшачихи“. Одна деревенская старуха-повитуха разсказываетъ, что однажды ночью за ней пріѣхали и потребовали на роды; долго везли кривыми путями по лѣсу, наконецъ, подъѣхали къ огромному дому въ дремучемъ

лѣсу. Тутъ ей пришлось принимать у жены лѣшаго. Роды прошли благополучно, старуха была щедро награждена и такимъ же образомъ отвезена домой [1]).

4) *Манъ*—нечистый духъ, живущій въ заброшенныхъ нежилыхъ постройкахъ. Онъ пугаетъ людей, принимая разные виды, между прочимъ, видъ отсутствующаго знакомаго или давно умершаго человѣка.

5) *Полуношница*—тоже нечистый духъ, живущій въ пустыхъ хоромахъ; онъ, между прочимъ, не даетъ дѣтямъ спать по ночамъ.

6) *Стришникъ*—нечистый духъ, отъ котораго случаются внезапныя болѣзни.

7) Чтобы *уберечь скотину отъ звѣря*, надо взять львиной шерсти, положить ее въ пастушью трубу и прикрѣпить ее тамъ какъ-нибудь, тогда звѣрь не трогаетъ скота.

8) Чтобы *приручить купленную корову* къ дому, надо, приведя ее домой, взять земли со слѣда коровы и положить ей на крестецъ; затѣмъ, обмывши ей голову и глаза водой, проговорить: „куда вода—туда и тоска, во имя Отца и Сына и Св. Духа, Аминь“. Послѣ этого можно смѣло отпускать корову на пастьбу—никуда не уйдетъ. (Отъ кр-на Ив. Тихонова, д. Супроново, Колоденской волости).

9) *Орелъ—птица чудодѣйственная*. Орелъ, по народному убѣжденію, всѣмъ птицамъ царь. Орелъ, пойманный на Ивановъ день, обладаетъ чудодѣйственной силою. Но для этого необходимо добыть его особенно хитрымъ способомъ: ставъ между дорогами, стараться заколоть его заостренною тростью. Поймавши, разобрать на части и высушить на солнцѣ безъ вѣтру. Различные органы его обладаютъ извѣстной силой и примѣняются въ слѣдующихъ случаяхъ: правый глазъ орла носить при себѣ, то нестрашенъ будетъ никакой гнѣвъ сильныхъ міра сего; лѣвый глазъ его, смѣшанный съ пѣтуховою кровью, совѣтуютъ носить охотникамъ и рыболовамъ для удачныхъ промысловъ. Мозгъ орла, изсушенный, привязываютъ ко лбу во время головной боли. Внутренности его имѣть при себѣ во время купли и продажи, и всегда сдѣлки будутъ удачныя. Ноги орла положить за голенища: правую ногу—за правое голенище, а лѣвую—за лѣвое, и притомъ, если продаешь что-нибудь, то ударь о землю лѣвою ногою отъ себя, а если покупаешь, то правою ногою о землю къ себѣ: въ обоихъ случаяхъ будетъ выгода и барышъ счастливому обладателю орлиныхъ ногъ.

10) *Свѣчка для отыскиванія кладовъ* приготовляется такимъ образомъ: нужно взять ладану, сѣры горючей, чистаго воску и шафрану, сварить все это вмѣстѣ и приготовить свѣчку, а свѣтильня должна быть изъ льняныхъ нитокъ; съ этою зажженною свѣчкою слѣдуетъ искать кладъ: въ случаѣ удачи она должна предъ найденнымъ сокровищемъ загаснуть.

11) *Отчего опиваются?* Существуетъ въ народѣ убѣжденіе, что опиваются или дѣлаются запойными пьяницами оттого, что примѣрно въ

---

1) Срв. бѣлорусс. разсказъ въ „Этн. Обозр.“ XXVIII, 101. *Ред.*

каждой бочкѣ вина находится „ядовитая капля“, впущенная туда „нечистымъ“ на пагубу людей: выпившій съ виномъ эту каплю опивается на смерть, или же всю жизнь страдаетъ запоями съ бѣлой горячкой. Допускаютъ и третій исходъ, именно благополучный. Случается, что компанія только что усядется выпивать, вдругъ бутылка безъ видимой причины лопается, и вино проливается; сначала всѣ въ недоумѣніи, а потомъ и начинаются догадки, не въ этой ли бутылкѣ и находилась именно „ядовитая капля“, но Богъ не допустилъ ее употребить, потому что приступили къ выпивкѣ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Конечно, крушеніе бутылки не отрезвитъ компаніи, требуется другая бутылка—вѣдь въ этой бочкѣ нѣтъ болѣе ядовитой капли, она на глазахъ компаніи пропала—и пьютъ безъ опасенія. Запой можно также получить, когда сидѣлецъ подсунетъ „опивковъ“, сливаемыхъ изъ разныхъ стакановъ, а кабатчики ради выгоды часто это практиковали.

12) *Какъ опредѣлить исходъ болѣзни у человѣка*? Если больной пилъ что-нибудь и останется, то вылить на собаку: если она встряхнется, то больной живъ будетъ, а не отряхнется—то умретъ.

Далѣе надо положить между пальцевъ больного немного ветчиннаго сала, затѣмъ вынуть и бросить собакѣ: если она съѣстъ, то больной живъ будетъ, а не станетъ ѣсть, то умретъ. Еще способъ: замѣшать ржаной муки густо и тѣмъ тѣстомъ валять по ногамъ отъ подошвъ до колѣнокъ и кинуть собакѣ: если собака поступитъ какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, то таковъ и исходъ болѣзни будетъ. Еще въ ходу слѣдующіе способы: больному кладутъ на голову освященную вербу и замѣчаютъ: если онъ начнетъ съ этого потѣть, то умретъ. Или же просятъ больного не ѣсть и не пить до утра, а утромъ заставляютъ помочиться въ стклянку и смотрятъ на мочу противъ солнца: если не видно въ стклянкѣ отраженіе человѣка, то больной скоро долженъ поправиться. Если отраженіе человѣка видно будетъ вверху, то больной помретъ, если же въ срединѣ (?), то болѣзнь продолжится, и больной живъ не будетъ.

13) На счетъ *будущихъ дѣтей* примѣчаютъ слѣдующее: если молодуха сядетъ за столъ съ одной стороны, а выйдетъ съ другой, т. е. обойдетъ вокругъ стола, то народитъ дѣтей цѣлое застолье. Если не желаютъ имѣть много дѣтей, то избѣгаютъ такого обхода.

14) Въ заключеніе, въ видѣ дополненія къ тому, что сообщено было нами о мѣстныхъ обычаяхъ („Этн. Обозр.“ XXVII), приведемъ обычай, соблюдаемый *въ день свв. Космы и Даміана* (1-го ноября). Въ этотъ день дѣвушки покупаютъ въ складчину крупы и масла для каши, напр. коп. на 30. Сваривши кашу, начинаютъ продавать парнямъ на 2—5 к. или на 10 коп., кто на сколько пожелаетъ; для этого имѣются разныхъ размѣровъ чашки. Парни берутъ нарасхватъ, ѣдятъ да похваливаютъ, такъ какъ дѣвичья каша дѣйствительно очень вкусна. Въ выручкѣ у дѣвушекъ остается нѣсколько рублей, которые они дѣлятъ между собою. (д. Верхъ, Дмитріевской волости).

Сообщилъ **М. К. Герасимовъ**.

Святочныя шалости въ Пельшемской волости, Кадниковскаго уѣзда.

Въ Рождественскій постъ устраиваются *посидѣнки*, но безъ плясокъ и пѣсенъ: дѣвицы прядутъ, а парни что-либо разсказываютъ и зубоскалятъ. Если бы въ избѣ не было никого изъ стариковъ, и то бы они побоялись устроить пляски: неравно кто-либо ненарокомъ проговорится, а узнаютъ—плохо будетъ, отъ стариковъ достанется „на орѣхи".

Въ первые три дня праздника посидѣнокъ не бываетъ, не позволяютъ старики: по ихъ словамъ, кто веселится въ первые три дня Рождества Христова, тотъ тѣшитъ „нечистаго". Около полудёнъ на четвертый день парни и дѣвицы собираются въ одну избу. Дѣвицы являются въ будничныхъ костюмахъ и съ работой (пряжей, шитьемъ, вышиваньемъ, плетеніемъ кружевъ). Плясокъ не бываетъ. Время проводится въ разговорахъ и шуткахъ. Собираются главнымъ образомъ, чтобы условиться, какъ провести вечеръ. Съ этого вечера устраиваются посидѣнки; онѣ бываютъ по очереди въ тѣхъ избахъ, гдѣ есть невѣсты. На посидѣнку приходятъ въ лучшихъ платьяхъ, и тоже не съ иной работой, а исключительно съ пряжей. Нѣкоторыя „славнухи" (невѣсты, славящіяся богатствомъ, красотой или трудолюбіемъ) украдкой съ собой приносятъ уже готовую пряжу, такъ какъ заботливыя матери каждый разъ у возвратившейся съ посидѣнки дочери осматриваютъ, много ли напряла за вечеръ, а въ иной веселый вечеръ, между тѣмъ, не удается и пряслицы-то въ руки взять.

На святочныхъ посидѣнкахъ, пока не придутъ славнухи, плясокъ не бываетъ. Собравшіяся дѣвицы прядутъ, а парни любезничаютъ, шумятъ, поютъ пѣсни и т. п. Но вотъ пришли и славнухи. Начинаютъ устраивать игры, пляски. Прялки кладутся на полавочникъ, а если которая изъ дѣвицъ не захочетъ оставить работы, то и силой заставятъ прекратить работу и вмѣстѣ съ ними принять участіе въ играхъ и пляскѣ. На этихъ посидѣнкахъ какъ парни, такъ и дѣвицы бываютъ и изъ другихъ деревень, но только съ той разницею, что парни приходятъ каждый разъ изъ своей деревни, между тѣмъ какъ дѣвицы пріѣзжаютъ къ своей подругѣ или къ кому изъ родственниковъ на всѣ святки, а не на одинъ вечеръ, и, конечно, не забываютъ прихватить свои наряды.

Если на посидѣнкѣ много дѣвицъ изъ другихъ деревень, то уже это собраніе зовется не посидѣнкой, а *повадой*.

Послѣ плясокъ уговариваются итти ряжеными на посидѣнку въ одну изъ сосѣднихъ деревень. Рядятся не всѣ: у иныхъ строгіе родители не позволяютъ, а другіе и по своей волѣ не идутъ, если не надѣются, что въ чужой деревнѣ будетъ весело. Желающіе рядиться обыкновенно уходятъ домой за костюмами. Каждый приноситъ что-нибудь изъ старой, поношенной одежды, все принесенное раскладывается на лавкахъ, и каждый выбираетъ себѣ по вкусу. При этомъ заботятся не о красотѣ костюма, а только чтобъ вышло посмѣшнѣе. Всѣ костюмы (вывороченная шуба шерстью вверхъ—всего чаще) надѣваются сверхъ платья, въ которомъ сидѣли на посидѣнкѣ. Ряженыхъ иногда бываетъ человѣкъ до

двадцати въ компаніи. Придя на посидѣнку въ другую деревню, они попляшутъ, какъ говорится, до седьмого пота и, прихвативъ новыхъ ряженыхъ, отправляются въ другую деревню.

Оставшіяся на посидѣнкѣ дѣвицы вновь принимаются за работу. Часто онѣ прячутъ прялки ушедшихъ дѣвицъ, а иногда и портятъ ихъ работу: спутываютъ готовую пряжу или, обливъ ее водою, выносятъ на улицу, чтобы замерзла, а не то распустятъ пряжу и, привязывая ее къ концамъ нарочно воткнутыхъ въ снѣгъ кольевъ, протягиваютъ нитку, на подобіе телеграфа, отъ дома той дѣвицы, чья прялка, къ дому того парня, который успѣшнѣе другихъ ухаживалъ за нею.

Вотъ возвратились ряженые, разъѣхались. Началось разыскиваніе прялокъ, оттаиваніе ихъ въ печи, распутываніе. Тутъ же вспоминаются интересные случаи изъ проведеннаго вечера. Смѣхъ, веселье. Парни садятся рядомъ со своими „любезными", или, какъ здѣсь говорятъ, „прихихѐнями", то есть съ тѣми, за которыми ухаживаютъ. Часто бываютъ случаи что „молодцы" отнимаютъ у дѣвицъ прялки и требуютъ за нихъ выкупа въ видѣ поцѣлуя, который дается большею частью охотно. Съ посидѣнки расходятся около 3 или 4 часовъ утра.

При выходѣ изъ избы иногда кто-нибудь пропоетъ:

Ужъ пора намъ всѣмъ дѣвицамъ по домамъ.
Вы не сказывайте дома матерямъ,
Что который со которою сидитъ,
Что который со которой говоритъ.

Дождавшись, когда погаснутъ въ деревнѣ всѣ огни, ребята начинаютъ другую забаву. Вотъ какъ они справляютъ святки:

Подойдя осторожно, безъ всякаго шума, одновременно къ однимъ воротамъ (ворота въ хлѣвъ и ворота на въѣздъ) избы какой-нибудь очень разборчивой невѣсты или сварливой бабы и ябедника-мужика, они запираютъ ихъ и начинаютъ съ пѣснями, шумомъ, смѣхомъ стаскивать къ нимъ почти со всей деревни бревна, бороны, телѣги, дровни и т. п. Въ домѣ, конечно, просыпаются отъ шума, но выйти и прогнать шалуновъ нельзя—заперто, да и такъ бываютъ завалены выходы, что на утро мужики всей деревни иногда часа два работаютъ, освобождая заключенныхъ. Если же кто изъ заключенныхъ начнетъ уговаривать ребятъ бросить шалость, то они, напротивъ, еще энергичнѣе продолжаютъ свою работу; а если ихъ будутъ бранить, то они на брань отвѣтятъ бранью, а часто еще всѣ хоромъ споютъ про него или про дочь-невѣсту, если таковая есть, какую-нибудь нецензурную пѣсенку. И чѣмъ болѣе сердятся заключенные—тѣмъ веселѣе ребятамъ.

Натѣшившись здѣсь, они отправляются къ избѣ другого неуважаемаго, нелюбимаго крестьянина. Прежде всего запираются всегда всѣ входы и выходы, и потомъ начинается ихъ шалость.

Вотъ принесли пожарную лѣстницу и нѣсколько человѣкъ взлѣзли на крышу. Другіе принесли нѣсколько ведеръ воды, которыя подымаютъ

на веревкѣ на крышу и затѣмъ выливаютъ воду въ трубу. Надо сказать, что здѣсь большею частью избы „курныя", у нихъ трубы прямыя, деревянныя, устраиваются надъ печкою или „голубцемъ" и затыкаются изъ избы отрепьями или закрываются деревянной задвижкой. Крестьяне всегда спятъ на печахъ, и вотъ отъ этой святочной шалости затычка выпадаетъ, и спящихъ на печкѣ будитъ холодная ванна.

Или же въ трубы набьютъ побольше (съ кузовъ) сѣна, на сѣно накидаютъ снѣга и обольютъ его водой. Къ утру все это замерзнетъ, и хозяину дома, чтобы затопить печь, надо очистить трубу, что, конечно, не легко.

Эти шутки устраиваются только надъ обитателями курныхъ избъ; у кого же въ избѣ печь „набѣло", этихъ каверзъ не устраиваютъ, такъ какъ иначе пришлось бы ломать эту узкую, полѣнчатую, кирпичную трубу,—шутка вышла бы ужъ очень злая, да за нее бы и досталось ребятамъ отъ всѣхъ мужиковъ деревни. Но для такихъ хозяевъ есть въ запасѣ цѣлый рядъ другихъ проказъ.

Вотъ одинъ взялъ въ большой горшокъ навозу и налилъ туда теплой воды, другой въ это время на тонкій, легкій шестъ прикрѣпилъ вѣникъ. Вотъ они подошли къ одному дому; одинъ съ горшкомъ и вѣникомъ становится у самой стѣны, такъ чтобы его не было видно изъ оконъ избы, а другой на нѣкоторомъ разстояніи кричитъ измѣненнымъ голосомъ: „эй, хозяинъ!" Кто-нибудь изъ разбуженныхъ жильцовъ подходитъ къ окну и, увидя одного стоящаго человѣка, отодвигаетъ раму и высовываетъ голову, чтобы узнать, что надо. Въ это время вѣникъ, пропитанный навозомъ, смазываетъ ему лицо. Конечно, слѣдуетъ брань и ругань. Такъ обходятъ нѣсколько избъ, пока не замерзнетъ навозъ.

Раньше еще была шутка. Всѣ ворота обыкновенно отворяются внутрь, что и давало возможность къ воротамъ прислонить чурку. Если человѣкъ, выходя изъ дома, быстро отворитъ ворота, то чурка валится на него, причиняя довольно сильные ушибы. Но крестьяне запретили молодежнику эту шутку, и теперь ее никогда не устраиваютъ.

На другой день мужики встрѣчаютъ ребятъ не бранью, а вмѣстѣ съ ними смѣются даже и тѣ, по чьимъ лицамъ прошелся вѣникъ съ навозомъ.

Если эти шалости продѣлываются въ домахъ невѣстъ, онѣ не считаются позоромъ для послѣднихъ. Если же женихи-шалуны хотятъ кого опозорить, то обыкновенно окна и ворота избы густо замазываются оттаяннымъ навозомъ. Обыкновенно деревенскія молодицы, сознавая за собой какой „грѣхъ", съ вечера ставятъ въ печь воду и, вставши до разсвѣта, пока еще всѣ спятъ, свидѣтельствуютъ внѣшній видъ избы, и если она окажется вымазанною, то поскорѣе все смываютъ, пока никто не видѣлъ.

Пр. Дилакторскій.

Поправка. Въ кн. XXXVIII, стр. 183, въ выноскѣ вм. Волог. у. чит. **Кадниковск. у.**

Изъ грузинскихъ легендъ.

1. *Мудрость Соломона.*

Легенда эта записана недавно въ Кизикіи (Сигнахскій уѣздъ, Тифлисской губ.) Николаемъ Мачалдадзе и впервые по-грузински напечатана въ „Сборникѣ“ кн. Акакія Церетели (в. VI, 1898 г., Тифлисъ, стр. 21—28). Въ виду того, что легенда эта представляетъ интересъ для изученія апокрифической литературы о судахъ Соломона, мы сочли полезнымъ перевести ее на русскій языкъ, но безъ указанія соотвѣтствующихъ параллелей, которыхъ въ наличныхъ матеріалахъ по этому вопросу намъ не удалось найти (о Соломонѣ по грузинскимъ источникамъ см. наши „Очерки по исторіи груз. словесности“, вып. I). Вотъ эта легенда.

Торговые люди, руководимые желаніемъ разбогатѣть, много трудятся: изъ одного города они отправляются въ другой, изъ одного государства въ другое, и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ богатства.

Во времена Соломона Мудраго одинъ весьма богатый купецъ Пако, проѣзжая черезъ Іерусалимъ, остался тамъ переночевать. На другое утро, собравшись уѣхать, онъ приказалъ своему приказчику: „Поди, купи яицъ, мы закусимъ и отправимся въ путь“. Приказчикъ исполнилъ приказаніе хозяина и купилъ десятокъ яицъ, но чтобы изъ-за нихъ не разводить дома огня, попросилъ у торговки тутъ же ихъ сварить. Та любезно отвѣтила: „У меня есть и сваренныя яйца, только что сварила для продажи. Хорошо, что вы пришли; извольте, они еще горячи“. Приказчикъ наскоро положилъ сваренныя яйца въ маленькую корзинку и отправился къ своему хозяину. Они закусили, навьючили муловъ и верблюдовъ своимъ имуществомъ и отправились. Шли цѣлую недѣлю и прошли порядочное разстояніе. Когда же они остановились, приказчикъ вспомнилъ, что онъ забылъ отдать торговкѣ десять коп. за купленныя яйца; ему стало досадно, что онъ сдѣлалъ такую оплошность, и онъ сообщилъ объ этомъ хозяину; послѣднему это приключеніе тоже доставило непріятность; однако, воротиться назадъ было немыслимо, равно какъ и отослать какъ-нибудь эти 10 коп., такъ какъ они не знали ни имени, ни фамиліи этой торговки, ни улицы и дома, гдѣ она жила. Послѣ долгихъ думъ и размышленій, Пако приказалъ своему приказчику: „Не поможешь тому, что случилось, горевать поздно! Эти 10 коп. сохрани отдѣльно: на обратномъ пути мы отдадимъ этой торговкѣ вмѣстѣ съ %, которые въ это время мы на нихъ выручимъ“.

Послѣ такого рѣшенія они двинулись дальше. Послѣ долгихъ странствованій они прибыли въ одинъ богатый городъ и открыли торговлю; % съ тѣхъ 10 коп. они копили и пускали въ оборотъ отдѣльно. Такимъ образомъ въ теченіе многихъ лѣтъ 10 коп. обратились въ 1000 рублей. Судите сами, если 10 коп. обратились въ 1000 руб., то въ какой мѣрѣ должно было вырасти состояніе этого купца! Онъ разбогатѣлъ баснословно и пожелалъ воротиться домой. Собралъ все свое имущество и вы-

ѣхалъ изъ города. Черезъ нѣкоторое время онъ прибылъ въ Іерусалимъ. Приказчикъ немедленно отправился разыскивать женщину, у которой купилъ яйца, и скоро нашелъ ее. Та объ этихъ 10 коп. уже совсѣмъ забыла; приказчикъ кое-какъ напомнилъ и передалъ ей 1000 рубл., увѣряя ее именемъ Бога, что за это время они съ 10 коп. больше выручить не могли. Торговка съ великою радостью и благодарностью приняла эти деньги.

Когда приказчикъ ушелъ, сосѣди спросили ее: „Кто былъ тотъ человѣкъ и зачѣмъ приносилъ тебѣ деньги?" Та отвѣтила: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ купилъ у меня на 10 коп. 10 яицъ, деньги же забылъ отдать. Оказывается, онъ пустилъ ихъ въ оборотъ, выручилъ за это время тысячу рублей и принесъ мнѣ теперь. Да благословитъ его Богъ!" Сосѣди воскликнули: „Несчастная, неужели тебѣ болѣе 1000 руб. не слѣдовало? Разсуди: вѣдь изъ тѣхъ 10 яицъ ты бы получила 10 куръ, каждая изъ этихъ куръ вывела бы по 20 цыплятъ, по 15-ти во всякомъ случаѣ; каждая изъ этихъ цыплятъ тоже по 15-ти, и такимъ образомъ составилась бы сумма куда больше 1000 рублей!" Торговка повѣрила словамъ сосѣдей, отправилась къ купцу и заявила: „Мнѣ отъ васъ слѣдуетъ больше за мои 10 коп.". Купецъ началъ клясться именемъ всѣхъ святыхъ, что онъ больше не выручилъ съ тѣхъ 10 коп. Торговка отправилась съ жалобою къ деревенскому судьѣ; тотъ высчиталъ, что купецъ долженъ заплатить торговкѣ нѣсколько милліоновъ рублей. Купецъ не согласился и перенесъ дѣло къ уѣздному судьѣ; тотъ высчиталъ и получилъ цифру больше, нежели деревенскій судья. Купецъ обратился къ министру; тотъ еще больше присудилъ заплатить торговкѣ. Однимъ словомъ, къ кому Пако ни обращался, всѣ противъ него рѣшали. Отобрали у него все имущество и передали торговкѣ; но даже все его имущество было ничтожно въ сравненіи съ предполагаемымъ долгомъ.

Опечалился купецъ, началъ горевать и плакать. Помилуйте, передъ тѣмъ богатый человѣкъ сразу обѣднѣлъ, даже хлѣба не на что было купить! Что дѣлать? къ кому обратиться? Попросилъ было взаймы у своего приказчика, но тотъ далъ очень мало, такъ какъ не надѣялся получить обратно. Вотъ положеніе: онъ нищій, а у его слугъ все есть! Теперь ему приходилось стать ихъ слугой или помирать съ голоду. Горько плакалъ онъ, припоминая старую поговорку: „Правдой жить— много бѣдъ нажить". Какой же торговецъ жилъ правдой? Онъ сталъ выскочкой, цѣня такъ высоко справедливость. Но онъ боялся Бога, и вотъ до чего дожилъ! Если торговецъ не будетъ надувать народъ и продавать вдвойнѣ—какъ же ему разбогатѣть?—Я избѣгалъ всего этого, размышлялъ онъ самъ съ собою, и такой правдой не только нажилъ бѣду, но и голову потерялъ. Да, все отъ Бога: если я радовался Богомъ дарованному счастью и милости, то и несчастье долженъ я смиренно переносить. А все-таки не думаю и не хочется вѣрить, чтобы истина когда-нибудь не обнаружилась. Знаю навѣрное и читалъ когда-то: „Отрокъ былъ и состарѣлся, и не видѣлъ праведника покинутаго и его потом-

ковъ, просящихъ милостыни". Читалъ я эти слова, но не помню, въ какой книжкѣ.

Такъ разсуждалъ самъ съ собой Пако. Долго онъ старался припомнить, въ какой книгѣ онъ вычиталъ эти слова, и, наконецъ, вспомнилъ, что прочелъ ихъ въ книгѣ Давида, отца Соломона Мудраго. Отецъ Соломона, Давидъ, былъ великій царь; не сталъ бы онъ писать неправды,— подумалъ Пако. И вдругъ его осѣнила слѣдующая мысль: всѣ судьи рѣшили противъ него, отобрали все имущество и пустили его нищимъ; дай-ка попробую обратиться къ Соломону Мудрому; посмотримъ, какова будетъ воля Бога, знающаго мою правоту.

Обѣднѣвшій купецъ немедленно отправился и явился, наконецъ, къ Соломону и изложилъ предъ нимъ все свое горе. Соломонъ приказалъ: „Сегодня вечеромъ сосчитаю, завтра утромъ приходи и узнай мое рѣшеніе". Вечеромъ Соломонъ сталъ считать. У него получилась цифра, куда больше, нежели у другихъ судей. Утромъ пришелъ несчастный купецъ и ждалъ правосудія. Соломонъ пригласилъ его въ свои покои, усадилъ рядомъ, взялъ бумагу и при немъ началъ считать. Безъ сомнѣнія, и самъ купецъ хорошо умѣлъ вести счетъ, и Соломонъ его заставлялъ провѣрять: приняли во вниманіе, сколько цыплятъ могло умереть, сколько яицъ могло испортиться или потеряться, сколько сами бы съѣли; но все-таки оказалось, что состояніе купца, присужденное торговкѣ судьями, гораздо меньше, чѣмъ ей на самомъ дѣлѣ слѣдовало бы. Соломонъ послѣ раздумья сказалъ купцу: „Сынъ мой, что же мнѣ дѣлать? Представь себѣ, что ты царь и къ тебѣ обратились за правосудіемъ: ты вѣдь самъ провѣрялъ счеты,—какое бы ты далъ рѣшеніе?" Купецъ и слова промолвить не могъ, такъ и замеръ. Соломонъ Мудрый сталъ ходить взадъ и впередъ, усиленно что-то обдумывая. Соломонъ сразу остановился и обратился къ купцу съ вопросомъ: „Яйца, которыя ты купилъ, сваренныя были или сырыя?„ —„Сваренныя, царь,—еле проговорилъ купецъ.—„Въ такомъ случаѣ иди теперь и завтра въ полдень приходи ко мнѣ",—приказалъ Соломонъ. Когда купецъ ушелъ, Соломонъ позвалъ вельможу и послалъ его ко всѣмъ судьямъ, къ которымъ только Пако обращался, а также ко всѣмъ знатнымъ съ приказаніемъ, чтобы утромъ слѣдующаго дня всѣ собрались въ дворцѣ царя.

На другой день утромъ палаты Соломона Мудраго наполнились судьями и знатными. Всѣ разспрашивали другъ у друга и не знали причины ихъ собранія. Весь городъ поднялся на ноги и окружилъ дворецъ Соломона; словомъ, дома не остался даже ребенокъ, умѣющій говорить. Между прочимъ, на колесницѣ пріѣхала со своими родственниками разбогатѣвшая торговка съ веселымъ лицомъ. Несчастный Пако также явился въ назначенное время и съ печальнымъ лицомъ и со слезами на глазахъ сталъ въ углу. Всякій сжалился бы надъ нимъ, увидѣвши его. Шумъ и говоръ поднялся среди народа, ждавшаго съ нетерпѣніемъ, что объявитъ царь. Наконецъ, вышелъ Соломонъ Мудрый и за нимъ всѣ судьи и знатные. Воцарилась такая тишина, что можно было слышать

полетъ мухи. Соломонъ окинулъ взоромъ народъ съ веселымъ улыбающимся лицомъ и молвилъ: „Хочу объявить вамъ слѣдующее: часто слышу отъ народа жалобы, что у нихъ плохой урожай: не родится ни пшеницы, ни ячменя, ни проса, ни овощей. Давно думаю, отчего это могло бы зависѣть, но до сихъ поръ причины отыскать не могъ, только въ эти два дня догадался, что причина неурожая въ томъ, что вы всѣ сѣмена сѣяли сырыми. Поэтому приказываю вамъ, чтобы вы непремѣнно варили сѣмена и такъ сѣяли. Кто только не исполнитъ моего приказанія и посѣетъ какое-либо сѣмя, не сваривши его предварительно, подвергнется строгому наказанію".

Такое объявленіе поразило народъ. Начали разсуждать между собою, Всѣ удивлялись и недоумѣвали, но кто же могъ осмѣлиться и сказать ему: „Ваше приказаніе, царь, и объявленіе неосновательны!" Послѣ долгихъ колебаній народъ вызвалъ самое знатное и вліятельное при дворѣ лицо и доложилъ ему: „Какъ же, господинъ? Чтобъ сваренное сѣмя дало плоды? Просимъ отъ насъ доложить царю, чтобы онъ отмѣнилъ свое приказаніе и позволилъ намъ сѣять попрежнему сырое сѣмя".

Знатный воротился къ царю и доложилъ просьбу народа. Соломонъ приказалъ: „Исполню вашу просьбу, но приказываю слѣдующее: какъ сваренныя яйца, проданныя этой женщиной купцу, дали многочисленные плоды, т. е. изъ сваренныхъ яицъ вылупились цыплята, эти цыплята выросли, дали новыхъ цыплятъ, и такимъ образомъ черезъ нѣсколько лѣтъ отъ проданныхъ куръ составилась громадная сумма, точно такъ же, если вы сварите сѣмена и такъ посѣете, то они дадутъ обильные плоды". Народъ, услышавъ это, въ одинъ голосъ воскликнулъ: „Изъ сваренныхъ яицъ цыплята никогда не вылупятся!"

Соломонъ Мудрый того и хотѣлъ, чтобы самъ народъ разсудилъ торговку и купца. Услышавъ такой отвѣтъ, онъ обратился къ судьямъ и спросилъ: „На основаніи какого закона рѣшили вы въ пользу той женщины, которая продала купцу сваренныя яйца?" Всѣ задумались и увидѣли свою ошибку. Потомъ Соломонъ приказалъ: „Идите, отберите у торговки все имущество, взятое у купца, и возвратите хозяину, а 10 коп. съ % возвратите торговкѣ такъ, чтобы основныя 10 коп. черезъ пять лѣтъ обращались въ 20 коп., т. е. считайте такъ, чтобы % сдѣлались равными основному капиталу только черезъ каждыя 5 лѣтъ".

Вышли судьи и поступили по приказанію Соломона. Такъ какъ послѣ продажи торговкой яицъ прошло 23 года, то получалась слѣдующая сумма: черезъ первыя 5 лѣтъ—20 коп., черезъ вторыя пять—40 коп., черезъ третье пятилѣтіе—80 коп. и черезъ четвертое пятилѣтіе—1 р. 60 к. Эти деньги отдали торговкѣ, а остальныя отобрали и возвратили купцу Пако. Такимъ образомъ, и прежнія 1000 рублей безъ 1 р. 60 коп. Пако получилъ обратно отъ торговки.

Сказано: „Правда изъ рода въ родъ" („Правда свѣтлѣе солнца").

2. Новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ.

Сказаній о легендарной царицѣ Тамарѣ, прославившейся своею небесной красотой и демоническимъ коварствомъ, сохранилось такъ много на Кавказѣ, что нынѣ образовалась цѣлая литература по этому вопросу. Народная традиція въ особенности прикрѣпляетъ подобныя сказанія къ развалившемуся замку на отвѣсной скалѣ „въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла, гдѣ роется Терекъ во мглѣ". Недавно по пути здѣсь мнѣ пришлось слышать отъ ямщика объ этомъ замкѣ и его таинственной обитательницѣ такую версію, которая до настоящаго времени не была извѣстна въ печати. Названный ямщикъ, прослужившій на Военно-грузинской дорогѣ 30 лѣтъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Жили-были двѣ сестры, обѣ носившія имя Тамары. Одна изъ нихъ была благочестивая и пріютилась въ башнѣ близъ Ананура, а другая—волшебница—поселилась въ замкѣ на Терекѣ. Послѣдняя сестра зазывала путниковъ къ себѣ на ночь, а утромъ бросала ихъ обезглавленные трупы въ волны бѣшенаго Терека. Какъ волшебницу, ее никакая сила не могла одолѣть, и „даже пуля ея не брала". По прошествіи многихъ лѣтъ только русскому солдату удалось ее убить ударомъ въ високъ пуговицей отъ своего мундира, которая заговору и чарамъ не поддается. Трупъ волшебницы былъ брошенъ въ Терекъ, а замокъ повелѣніемъ Божіимъ развалился. Имя Тамары-чародѣйки было проклято, и нигдѣ никакихъ слѣдовъ ея не могли найти; только въ послѣднее время,—прибавилъ ямщикъ,—царицу Тамару стали воспроизводить на обложкахъ конфетъ. Другая же сестра за свое благочестіе удостоилась милости Божіей, и прахъ ея понынѣ покоится еще въ Мцхетскомъ соборѣ, чтимый, какъ святыня.

Въ этой легендѣ, отражающей сходство съ сказаніемъ, послужившимъ сюжетомъ извѣстнаго стихотворенія Лермонтова, заслуживаетъ вниманія раздвоеніе типа Тамары на благочестивую и нечестивую и своеобразная смерть послѣдней. Указанія же на изображеніе Тамары, воспроизводимое въ теперешнее время, свидѣтельствуютъ о смѣшеніи легендарной Тамары съ исторической царицей Тамарой. Это смѣшеніе происходитъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, когда царица Тамара, поэтъ Руставели и другіе знаменитые дѣятели прошлой Грузіи стали появляться на этикетахъ и обложкахъ.

А. Хахановъ.

Кому и въ какихъ случаяхъ народъ молится?

По этому вопросу, чрезвычайно важному для уясненія религіозныхъ воззрѣній народа, мы получили два краткія сообщенія, которыя и печатаемъ съ тѣмъ, чтобы обратить вниманіе нашихъ этнографовъ, которые, надѣемся, не замедлятъ сообщить намъ дополнительныя данныя,

имѣющіяся у нихъ подъ рукою. Первая изъ нижеприводимыхъ замѣтокъ относится спеціально къ Москвѣ, а вторая получена изъ Купянска, Харьк. губ., и не пріурочивается къ опредѣленной мѣстности.

I.

Чтобы исполнилось желаніе, надо пойти помолиться 9 разъ въ часовню Иверской В. М., или 6 разъ въ Архангельскій соборъ, или поставить 40 свѣчей къ образу Спасителя на Спасскихъ воротахъ, или помолиться въ часовнѣ „Совѣтъ Ангеловъ" у Спасскихъ воротъ.

Если ребенокъ долго не начинаетъ ходить, служатъ молебенъ Параскевѣ Пятницѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (больничная церковь). Тутъ есть рѣзное изображеніе святой, напоминающее католическія статуи. На ноги святой надѣваютъ дѣтскую обувь, которую потомъ даютъ носить ребенку.

Когда больной долго томится въ агоніи, идутъ въ Страстной монастырь молиться св. Анастасіи Узорѣшительницѣ, служатъ молебенъ, покупаютъ крестикъ и надѣваютъ на больного.

Туда же ходятъ молиться о благополучномъ окончаніи родовъ. Служатъ молебенъ и надѣваютъ на голову молящейся женщины вѣнчикъ съ образа святой.

О томъ же молятся у Николы Гостунскаго, на Ивановской колокольнѣ.

О томъ же молятся въ Вознесенскомъ монастырѣ у мощей св. Евфросиньи. Здѣсь же молятся объ исцѣленіи страдающихъ запоемъ: берутъ песокъ изъ раки и тихонько подсыпаютъ его въ питье страдающему.

Въ церковь св. Трифона близъ Марьиной рощи идутъ молиться о скоромъ замужествѣ.

О томъ же молятся въ церкви Прасковіи Пятницы, въ Охотномъ ряду.

Въ Даниловъ монастырь ѣздятъ въ високосный годъ молиться передъ образомъ св. Кассіана Римлянина, чтобы годъ обошелся благополучно.

Сообщ. В. Харузина.

II.

Препод. Нифонтъ (дек. 23), св. Маруфа (февр. 16)—особенные молитвенники о прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ человѣка и скота.

Преп. Мартиніанъ (февр. 13), Іоаннъ Многострадальный (іюня 18), Моисей Угринъ (іюля 26), муч. Ѳомаида (апр. 13)—объ избавленіи отъ блуднаго влеченія и страстей.

Пр. Ипатій (март. 31), Романъ Чудотворецъ (ноябр. 27)—о разрѣшеніи отъ неплодія и безчадія.

Св. Симеонъ Богопріимецъ, Анна Пророчиц - городица Тихвинская—о сохраненіи здравія младенцевъ.

Св. великомуч. Варвара, великомуч. Садофъ (окт. 19). священномуч. Харлампій (февр. 10)—о сохраненіи отъ внезапныхъ болѣзней и нечаянной, безъ покаянія, смерти.

Священномуч. Логгинъ Сотникъ (окт. 16), преп. Онуфрій Великій (іюн. 12)—объ избавленіи отъ глазныхъ болѣзней.

Мучен. Вонифатій (дек. 19), Моисей Муринъ (авг. 28)— объ избавленіи отъ виннаго запоя.

Муч. Флоръ и Лавръ (авг. 18)—объ избавленіи отъ конскаго падежа.

Муч. Іоаннъ воинъ (іюля 30), Өедоръ Тиронъ (февр. 17)— о томъ же и объ обрѣтеніи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ.

Богородица Казанская, св. Мина Египтянинъ (нояб. 11) Лаврентій архидіаконъ (авг. 10), Логгинъ Сотникъ—о прозрѣніи отъ слѣпоты.

Св. прор. Іоаннъ Предтеча—отъ болѣзней головы.

Муч. Антипа (апр. 11)—отъ болѣзней зубовъ.

Великомуч. Артемій (окт. 20)—объ избавленіи отъ грыжъ и болѣзней живота.

Богородица Өедоровская (авг. 16), великомуч. Екатерина --объ избавленіи отъ трудныхъ родовъ.

Великомуч. Никита—объ избавленіи младенцевъ отъ родимца.

Муч. Кононъ Исаврійскій (март. 5)—объ избавленіи отъ оспы.

Св. безсребренники Косьма и Даміанъ (ноябр. 1)—о просвѣщеніи разума къ ученію.

Богородица Неопалимая Купина (сент. 4), св. Никита Новгородскій (янв. 31)—о сохраненіи отъ пожара и молніи.

Св. Модестъ (дек. 18), священномуч. Власій (февр. 11)— объ избавленіи отъ скотскаго падежа.

Св. мучен. Іустина (окт. 2)—о сохраненіи отъ злого чарованія.

Преп. Василій Новый (мар. 26), мучц. Фотинія Самарянка (марта 20), преп. Маронъ (февр. 14)—объ избавленіи отъ лихорадки.

Св. Николай Чудотворецъ—объ избавленіи отъ потопленія на водѣ, отъ бѣдъ, скорбей и напастей, клеветы и оскорбленій.

Св. великомуч. Георгій—объ избавленіи скота отъ болѣзней и съѣденія звѣрями.

Св. пророкъ Илія—о дождѣ и благорастворенiи воздуха и объ избавленіи отъ молніи.

Св. Паисій и св. Василій Великій—объ избавленіи отъ муки умершихъ безъ покаянія.

Сообщ. **П. В. Ивановъ.**

Матеріалы для словаря условнаго языка.

II.

Свѣдѣнія о „масовскомъ" языкѣ одоевскихъ торговцевъ, извлеченныя нами изъ „Очерковъ города Одоева" (см. „Этн. Обозр." XXXIII, 152), считаемъ не лишнимъ дополнить перепечаткою (въ сокращеніи) небольшой замѣтки *П. Мартынова:* „Одоевскіе прасолы и ихъ особенный разговорный языкъ" („Тульск. Губ. Вѣд." 1870, № 44, стр. 577—578). Авторъ прежде всего объясняетъ вкратцѣ тогдашнія экономическія условія мѣстной жизни, создавшія особый классъ мелкихъ торговцевъ, даетъ краткую характиристику послѣднихъ, и затѣмъ приводитъ нѣкоторые образцы прасольскаго условнаго языка.

„Одоевъ, говоритъ авторъ, при своемъ 4-тысячномъ населеніи, между другими уѣздными городами со стороны экономической представляетъ довольно неутѣшительную картину. Не говоря уже о какой-нибудь крупной и заводской промышленности, въ Одоевѣ нѣтъ даже многихъ необходимыхъ ремеселъ и промысловъ, кромѣ процвѣтающаго ремесла портныхъ и сапожниковъ. Правда, тутъ существуетъ небольшой кожевенный заводъ, два-три кирпичные, двѣ воскобойни, маслобойня и только. Еще довольно развито пенькотрепальное дѣло (около 100 тыс. пуд. для одного Бѣлева), преимущественно среди крестьянъ с. Плахина, Козельскаго уѣзда. Въ уѣздѣ устроено нѣсколько винокуренныхъ заводовъ. Зато многіе самые необходимые предметы жизни, производство которыхъ у себя на мѣстѣ не потребовало бы большихъ средствъ и мудрости, пріобрѣтаются въ сосѣднихъ мѣстахъ: сальныя и восковыя свѣчи, напримѣръ, въ Бѣлевѣ и Тулѣ, веревки и бичевка въ Бѣлевѣ, патока въ Крапивнѣ, писчая и оберточная бумага въ Лихвинскомъ уѣздѣ и проч. Если бы нѣкоторые изъ этихъ предметовъ производились на мѣстѣ, то, во-первыхъ, они обходились бы себѣ дешевле, слѣдовательно, приносили бы пользу производителю, во-вторыхъ, выработка ихъ заняла бы не мало готовыхъ на трудъ рукъ.

Совершенное неимѣніе многихъ ремеселъ и промысловъ и нѣкоторыя мѣстныя условія (существованіе, напримѣръ, многихъ ярмарокъ), при отсутствіи капиталовъ и при существующемъ пролетаріатѣ, по необходимости, породило здѣсь особый мелкій торговый классъ—прасоловъ. Тутъ филологическое значеніе слова „прасолъ" вполнѣ обрисовываетъ и, такъ сказать, исчерпываетъ до дна соціальный и семейный бытъ подобнаго горожанина: оно рельефно представляетъ понятіе о личности, какъ говорится, просоленной въ опытахъ житейской мудрости до крайнихъ предѣловъ и испытавшей нужду во всѣхъ ея родахъ и видахъ. Въ самомъ дѣлѣ, изумляешься неистощимой оборотливости и смѣтливости, и желѣзному терпѣнію прасола, съ товарною котомкою на плечахъ (у счастливцевъ найдется и лошадёнка съ упряжью) проходящаго въ сотый разъ мѣста своего уѣзда и предлагающаго крестьянскому люду за горсть

пеньки, нѣсколько фунтовъ тряпокъ, десятокъ яицъ и прочія вещи изъ сельской жизни—свои платочки, тесемочки, крючки, пуговки и другой товаръ; укажи надобность, прасолъ не откажется продать или промѣнять на подходящій продуктъ свою телѣгу и лошадь, свои сапоги и какую-нибудь другую вещь изъ своего скуднаго гардероба: торговля и мѣна есть его стихія и, въ виду представляющагося интереса, у него нѣтъ ничего завѣтнаго. Зато у оборотливаго торговца, при возращеніи изъ уѣзда въ Одоевъ, увидишь на телѣгѣ и шкуру съ лошади, и пеньку, и тряпку, и вощину, и щетину; всей этой композиціи, купленной иногда на занятыя деньги, прасолъ тотчасъ же находитъ мѣсто—и опять на промыселъ. Какъ бы то ни было, но подобнымъ меркантильнымъ промысломъ прокармливаются здѣсь съ семействами около 200 человѣкъ, довольныхъ своимъ положеніемъ столько же, сколько, можетъ быть, имъ доволенъ обезпеченный во всемъ богачъ.

Существующія въ Одоевѣ семь небольшихъ ярмарокъ, конечно, сильно поддерживаютъ матеріальныя средства прасола. Если у него въ эти дни какимъ-нибудь образомъ случится 10—15 цѣлковыхъ въ карманѣ, то онъ, пуская въ оборотъ свою практичность и смѣтливость, заработаетъ себѣ хлѣбъ и на цѣлыя недѣли. Но если бы, положимъ, у прасола въ ярмарочные дни завелось безденежье, то онъ, з.бывая на время свою самостоятельность, дѣлается работникомъ другого за извѣстный гонораръ. Встрѣчаются, подчасъ, и компаніи на акціяхъ.

У прасоловъ, при дѣловомъ разговорѣ между собою,—конечно, съ своими цѣлями,—искони существуетъ свой языкъ—„масавскій"—нашинскій (отъ притяжательнаго мѣстоименія „маса"—нашъ), понимаемый, впрочемъ, не только всѣмъ мужскимъ народонаселеніемъ города, но и нѣкоторыми женщинами и дѣтьми.

Особенности этого языка, нисколько, кажется, непохожаго на языкъ офеней, заключаются въ томъ, что онъ, большею частью, состоитъ изъ именъ существительныхъ, неизмѣняемыхъ часто въ окончаніяхъ; въ немъ мало глаголовъ, еще меньше нарѣчій и именъ прилагательныхъ; мѣстоименій пять: я, ты, онъ, нашъ, ничто. Къ каждому предложенію прибавляется странное слово „спрушъ!", которое иногда означаетъ звательный падежъ: братъ! другъ! а иногда имѣетъ значеніе повелительнаго наклоненія: послушай! Счетъ, кажется, до сотни тысячъ и очень трудный, при совокупленіи единицъ съ десятками, сотнями и тысячами".

Далѣе авторъ приводитъ примѣръ разговора двухъ прасоловъ въ питейномъ домѣ:

— Спрушъ! Тарна выкерить вечишь?	Послушай! Вина выпить хочешь?
— Не хило	Не худо.
— Кулико стяхивать?	Сколько брать?
— На верешникъ.	На гривенникъ.
— Ласо!	Мало.
— Ну, на бакры верешникъ.	Ну, на двугривенный.

— Стяхивай! Клево будетъ.	Бери! хорошо будетъ.
(Выпивши) А тарко клевое?	А вино хорошее?
— Да, клевое.	Да, хорошее.
— Спрушъ! Клево я обзушилъ злепа въ зетки?	Послушай! Хорошо я обманулъ мужика во ржи?
— Не челдай! наса ухлютъ.	Не говори! насъ поймутъ.
— Ни сапа не ухлютъ.	Ничего не поймутъ.
— Маса сары калдятся за патрыхай.	Мои деньги лежатъ за пазухой.
— А маса сары у максы.	А мои деньги у матери.

Если вышеизложенныя условія быта одоевцевъ уже и успѣли измѣниться втеченіе значительнаго промежутка времени, около 30 лѣтъ, то ихъ „масо(а?)вскій“ языкъ, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущей замѣтки, продолжаетъ жить среди нихъ и въ настоящее время, при чемъ не у однихъ прасоловъ, а вообще въ средѣ городского торговаго класса, въ который вошли, конечно, многіе изъ прежнихъ прасоловъ и ихъ потомковъ, успѣвшихъ разжиться и внесшихъ съ собою и свой языкъ въ среду болѣе широкаго употребленія. Сравненіе вышеприведеннаго прасольскаго разговора начала 70-хъ годовъ съ образцами современнаго масовскаго языка въ предыдущей замѣткѣ, равно какъ и самое его названіе—показываютъ, что это одинъ и тотъ же жаргонъ. Что же касается утвержденія г. Мартынова, будто этотъ языкъ нисколько не похожъ на языкъ офеней, то этотъ вопросъ остается спорнымъ.

Н. Я.

III.

Приводимые ниже матеріалы по условному языку составились изъ небольшого словаря, переданнаго мнѣ крестьяниномъ села Верхній Бѣлоомутъ (Зарайск. у., Рязанск. губ.) В. К. Влазневымъ, и изъ моихъ записей, сдѣланныхъ въ томъ же селѣ.

Наблюденія В. К. Влазнева относятся къ условному языку, который употребляютъ мѣстные портные-старики [1]). Мои записи сдѣланы со словъ крестьянина Ѳ. С. Челышкина, торгующаго въ Бѣлоомутѣ нитками, иголками, портновскимъ прикладомъ и пр. Ѳ. С. Челышкинъ, уроженецъ Владимирской губерніи, раньше былъ офеней и свой условный языкъ называетъ офенскимъ; по его словамъ, офени первые выдумали этотъ языкъ, и портные, кузнецы и прочіе ремесленники выучились ему уже отъ нихъ. Въ записяхъ В. К. Влазнева условный языкъ бѣлоомутскихъ портныхъ тоже названъ офенскимъ, хотя сравненіе словарей В. К. Влазнева и моего обнаруживаетъ разницу въ передачѣ нѣкоторыхъ словъ бѣлоомутскими портными и владимирскими офенями. По словамъ Челышкина, офени употребляли условный языкъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли

[1]) Жители селъ Верхній и Нижній Бѣлоомутъ почти всѣ портные, работающіе на крупные московскіе магазины готоваго платья. *Н. М.* Списки словъ портновскаго языка сообщены Н. С. Усовымъ и В. И. Чернышевымъ въ „Изв. отдѣл. р. яз. и слов. И. Ак. Н“. 1898, I, 247—262. *Ред.*

скрыть отъ постороннихъ свои торговыя тайны, но и въ разговорахъ обыденныхъ, не имѣющихъ отношенія къ ихъ профессіи.

а) В. К. Влазневымъ составленъ слѣдующій списокъ словъ и выраженій:

хлѣбъ—сумарь
квасъ—букварь
щи—иргучка
гривенникъ—марашникъ
пятакъ—пензекъ
рубль—хрустъ
полтинникъ—ламашникъ
пирогъ—спидякъ
ѣсть—брѣять
продалъ—пропулилъ
перемѣнить вещь—переначь
скорѣй—отдѣкай
деньги — {сара / ботни}
итти—хлить
пошелъ—похлилъ
ударить—космыргнуть
работать—клюжить
работа—клюжка
мало работы—ласа клюжки
хозяинъ—пощенокъ
мальчикъ—пощенчикъ
хозяйка—паниха
дѣвица—котеревъ
чай—шлеенка
водка—гомыра
хорошій—клевый
нехорошій—неклевый
пьяный—бусой,
взялъ остатокъ отъ матеріала—потянулъ шмыкъ.

б) Мною записаны слѣдущія слова и фразы:

хлѣбъ—сумáрь
квасъ—буквáрь
ложка—свербáлка
ножикъ—жýликъ
чай—щавáнъ
чашка—щавá
чайникъ—щавáнникъ
сахаръ—ластúмъ
трактиръ—тарантúръ
итти—хлить
пить—бусáть

Похлúмъ въ тарантúръ щавáнъ бусáть—Пойдемъ въ трактиръ чай пить.

Щи—пучкú
похлебка—посвёрка
лошадь—ловáкъ
запрягать—забáтлывать
уѣхать—уёрчить
даромъ, не платя—зашармá

Забáтлывай ловакá, уёрчимъ зашармá—Запрягай лошадь, уѣдемъ не платя.

Заплатить—зашлатить
деньги—сара
корова—облыря
продать—пропýлить
мужики—лохá
парни—лощáта
дѣвки—крюкú
бутылка—бухля́нка
рюмка—лáсинька
одинъ, а, о—ёный, ая, ое
два—дзю
три—стрёмъ
четыре—тисúра
пять—пёнда
шесть—шёнда
семь—сезюмь
восемь—вóндара
девять—дúвера
десять—дéванъ
дюжина—брысъ
папироса—ѳóка
курить—дýлить
спички—дулья́шницы
мнѣ, (у) меня—масéди
тебѣ—басвѣ
ему—чнему

давать—бирить
отдавать—отбирить
Бирь маседи фоку подулить—Дай мнѣ папиросу покурить.
У маседи ёная остычилась—У меня одна осталась.
Плохой, бѣдный—хилый
много—хляба
мало—ляса
немножко—ласенько
четвертакъ—дзюмаръ съ пензикомъ
30 копеекъ—стрёмаръ
75 копеекъ—сезюмаръ съ пензикомъ
60 копеекъ—шёндамаръ
80 копеекъ—вондамаръ
90 копеекъ—дивермаръ
оставаться—остычиться
гривенникъ—марашникъ
рубль—хрусть
2 рубля—дзю хрустовъ
копейка—трафелка
три копейки—стрёмъ трафелъ
на ночевую—на меркушу
здѣсь—здѣбесь
дальше—щавлѣе
самоваръ—самодулъ
поставить—постычить
Здѣбесь остычимся на меркушу или щавлѣе поёрчимъ?
Здѣсь останемся на ночевую или дальше поѣдемъ?
Здѣбесь остычимся, самодулъ постычимъ.
Здѣсь останемся, самоваръ поставимъ.
Староста—скуршина
сапоги—лопухи
надѣть—наептурить
снять—съептурить
рубаха—волоха
штаны—евраки
шапка—самогрѣйка
шить—стебунять
иконы—стада
лампадка—масленица
обмануть—обстыжить
аршинъ—куршинъ
счеты—щулеты
скорѣе—рахлѣе
вставать—встычить
бить—вахлять
сильнѣе—хлябже
Вахляй хлябже, чтобы не встычилъ—Бей сильнѣе, чтобы не всталъ.
Пьяный—бусой
трезвый—не выбусавши
отрѣзать—отцафить
вода—булей
телѣга—самоѣздуха
картофель—шертоха
капуста—шепуста
кошелекъ—самолазъ
бумага—пильмига
богатый—стадневатый
земля—сивуха
писать—витирить
письмо—витирка
прочитать—прошишлить
Прошишли витирку—Прочти письмо.

Н. Мендельсонъ.

Не Русскіе, а Словаки!

Въ 1895 г. редакторъ журнала „Slovenské Pohľady", г. Шкультети, высказалъ мнѣніе, что словаки по вѣроисповѣданію не только католики и протестанты, но и *уніаты* (№ 6). Оно вызвало, на страницахъ того же журнала, возраженія со стороны одного изъ знатоковъ Словенщины, ко-

торый, между прочимъ, заявилъ, что всѣ уніаты словенскихъ комитатовъ именуютъ себя *руснаками*, въ то время какъ живущіе съ ними рядомъ протестанты и католики называются словаками. Но г. Шкультети остался при своемъ мнѣніи. По его убѣжденію, одно названіе не имѣетъ значенія.

Полемика не дала результатовъ по неимѣнію сколько-нибудь надежныхъ этнографическихъ данныхъ о спорныхъ уніатахъ [1]). Она имѣла въ виду по преимуществу жителей сѣверной Угорщины, но намъ она пригодилась относительно такъ называемыхъ русскихъ въ Вачкѣ, въ южной Угорщинѣ.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ 1890 г. нѣкто *Врабель* „на воззваніе отличнѣйшихъ *бачванско-русскихъ* братьевъ" издалъ въ Унгварѣ книжку: „Русскій соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчіяхъ". Часть ея занимаютъ „Народныя пѣсни на *бачванскомъ* и земплинскомъ діалектѣ" (стр. 95 слѣд.). Онѣ поразили насъ своимъ языкомъ. Хотя безхитростная запись ихъ очевиднѣйшимъ образомъ не точна, тѣмъ не менѣе изъ нея можно было усмотрѣть главныя особенности бачванскаго говора. Послѣдній на насъ произвелъ впечатлѣніе словацкаго говора, съ обычною во многихъ словацкихъ говорахъ примѣсью неважныхъ руссизмовъ; никакихъ основаній для названія его малорусскимъ или вообще русскимъ мы не могли въ немъ найти. Впрочемъ, вотъ одна бачванская пѣсня, остановившая тогда наше вниманіе. Пусть читатель прочтетъ ее и судитъ самъ:

А тамъ горе на поточку
Цече (течетъ) водичка съ паленочку,
Цече, цече, але мутна.
Прецо (почему) ти (ты), мила, такъ смутна?
Якъ же я знамъ смутна не буцъ (быть),—
Женише (женится) фраеръ, цо (что) мня малъ вжацъ (взять).
Няй ше жени, няй му будзе—
Умре му жена, вдовецъ будзе,
Вдовецъ будзе, а я—дзивка,
Еще я будземъ (буду) его женка.

Въ 1893 г. вышелъ въ Унгварѣ интересный трудъ мѣстнаго священника *Сабова* „Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ, съ прибавленіемъ угро-русскихъ народныхъ сказокъ на подлинныхъ нарѣчіяхъ", гдѣ, на стр. 229 слѣд., помѣщены образцы „нарѣчія *бачванскихъ русскихъ*", заимствованные изъ „Русскаго Соловья", безъ всякихъ оговорокъ и замѣчаній, съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ точности.

---

[1]) Объ этой полемикѣ см. нашу замѣтку въ *Живой Старинѣ* 1895 г., вып. II, стр. 235. *А. С.*

Статьи Slovensk'ихъ Pohl'ad'овъ привели насъ къ предположенію, что бачванскіе русскіе не что иное, какъ словаки-уніаты, привыкшіе считать себя русскими и извѣстные у сосѣдей подъ именемъ русскихъ, но по языку (а вѣроятно, и по другимъ этнографическимъ признакамъ) не имѣющіе правъ на это имя.

Недавно мы получили книгу 2-ю за 1898 г. „Записокъ наукового товариства імени Шевченка" (Львовъ) и увидѣли въ ней статью: „Руські оселі в Бачці", г. *Гнатюка*. Богатая записями бачванской рѣчи и притомъ записями, очевидно, очень точными, она не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что бачванскіе русскіе—словаки-уніаты, говорящіе довольно чистымъ словацкимъ говоромъ, съ незначительною примѣсью русскаго и польскаго элементовъ. У нихъ совершенно нѣтъ словъ съ полногласіемъ (*хлапец*, *крава*, *драга*—дорóга, *плíва*—полова и т. п.); *т* смягчается въ *ц*: (*веце*—больше и т. п.); древнее *ѣ* звучитъ то какъ великорусское *и*, то какъ *е* (*млíко*—млѣко, плíва, *човек*, нíвеста и т. п); древніе *ы* и *и* звучатъ какъ великорусское *и* (віход, віорала, *мі*—мы, до *перíні*, род., *богаті*, *чесні*, им. ед. муж.); малорусскій переходъ *е* и *о* въ извѣстныхъ случаяхъ въ *і*, *у* и др., кромѣ нѣсколькихъ словъ, отсутствуетъ (*войско*, *рок*, *одговор*). Зато они произносятъ, вмѣстѣ со многими другими словаками, всякое мягкое *д*, *т*, *с*, *з* какъ *дз*, *ц*, *ш*, *ж*: *дзешац*—десять, *жима*—зима и т. п., имѣютъ *д* передъ *л*: *складло*, прош. вр., *модліц*—молить, формы 3-го лица обоихъ чиселъ безъ *ть*: *можу*, *ору*, мн. ч., *цо*—чьто, *сом*—есмь [1]).

А. Соболевскій.

---

[1]) Нѣкоторыя фонетическія замѣчанія почтеннаго автора кажутся намъ нѣсколько спорными. Такъ, напримѣръ, „войско", а не „війско" говорятъ малоруссы въ очень многихъ мѣстностяхъ Украйны и Галичины, такъ что, напримѣръ, Желеховскій въ своемъ Словарѣ принимаетъ „войско" за норму, а „війско" за исключеніе; „говоръ", а не „говіръ" попадается у Квитки-Основьяненка, а также аналогичные примѣры нерѣдки и въ чисто народной рѣчи, именно *о* въ закрытомъ слогѣ безъ ударенія не всегда измѣняется, въ *и*, *уи*, *у*, *уо* (срв., нпр., въ нижеслѣдующей на оборотѣ купальской пѣснѣ „*яворъ*," общеупотребительное слово „*йолопъ*" и т. п.), причемъ особенно часто это явленіе въ рѣчи западныхъ малоруссовъ, въ Забужьѣ: „гóмонъ," „радость" и т. д.; наконецъ въ словѣ „говоръ" можно и еще найти причину для объясненія неизмѣняющагося *о*, если принять во вниманіе формы gwar, gwara. Предлогъ „вы" звучитъ „ві" не только на Угорщинѣ, но и въ Галичинѣ, и на Буковинѣ; *і* вмѣсто *ы* въ им. пад. ед. ч. прилагательныхъ встрѣчается не разъ у подолянина Руданскаго; отсутствіе *ть* въ 3-мъ лицѣ множ. числа постоянно отмѣчается у Федьковича. Но въ одномъ авторъ безусловно правъ: рѣчь бачванскихъ русиновъ—уже словацкая. Если ихъ еще можно называть русинами, то исключительно въ силу ихъ русскаго происхожденія.

Редакторъ чешскаго изданія „Národopisný Sborník", *Frant Pastrnek*, въ 3-мъ выпускѣ своего сборника (1898, стр. 60—66), коснувшись этого вопроса

Дополненія къ свѣдѣніямъ объ Иванѣ Купалѣ и о заплачкахъ въ Малороссіи.

а) *Иванъ Купала.*

Къ сообщеннымъ въ XXXVII кн. „Э. О.“ (стр. 128—131) свѣдѣніямъ о празднованіи Купалы въ Малороссіи прибавимъ еще слѣдующее:

Въ Черкассахъ, Кіев. г., ночью передъ Иваномъ Купаломъ дивчата, собираясь кучками къ водѣ, бросаютъ въ воду вѣнки, тутъ же купаются сами и поютъ слѣдующую довольно распространенную пѣсню (срв., напр. у Лисенка въ „Збірникѣ“, вып. III, № 26, стр. 52—53, также варіантъ въ „Кіевской Старинѣ, 1883 г., февр., стр. 379, и др.):

Тыхо, тыхо Дунай воду несе,
Щей тыхише дивка косу чеше.
Чеше вона, чеше, тай на Дунай несе:
Плывы, плывы, косо, по-надъ берегамы,
А я пиду темнымы лугамы.
А въ темнимъ лузи яворъ зелененькый,
Пидъ яворомъ конекъ молоденькый,
На коныку сидло золотеньке,
На сидельци козакъ молоденькый.
Сыдыть же винъ, на скрыпочку грае,
Струна струни стыха промовляе:
Шо немае краю у тыхому Дунаю,
Шо немае спыну вдовыному сыну,
Що звивъ зъ ума молоду дивчину.
Мыни, парню, та прышыють квитку,
Тоби, дивко, надинуть намитку.

приводитъ нѣкоторыя записи живой рѣчи словаковъ-уніатовъ изъ восточной Венгріи (Земплинск. округа), называющихъ себя sloviak'ами и говорящихъ, какъ они убѣждены, po slovenski. Записи сдѣланы норвежскимъ славистомъ *Olaf*омъ *Broch*'омъ и напечатаны первоначально въ его изслѣдованіи: „Studien von der Slovakisch-Kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn“ (Kristiania, 1897, стр. 76). Оставляя филологическій разборъ этихъ записей до другого раза и обѣщая имъ заняться въ спеціальномъ изданіи „Listy filologické“ (гдѣ онъ уже мимоходомъ касался этого вопроса, 1898, стр. 154—155), г. Пастрнекъ высказываетъ общій взглядъ, что эти словаки не кто иной, какъ ословачившіеся малоруссы, забывшіе свой родной языкъ и оставшіеся вѣрными лишь своей религіи. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что изслѣдованіе Ол. Броха: „Угрорусское нарѣчіе села Убли“ (Земплинск. комитата) должно войти во II-й томъ издаваемыхъ И. Академіею Наукъ „Изслѣдованій по русскому языку“ см. Отчетъ о дѣят. отдѣленія русс. языка и слов. И. Ак. Н. за 1898 г., стр. 3).

Ред.

б) Малорусскія заплачки.

6. (Нѣжинскій уѣздъ, Черн. губ.) [1]).

№ 34. (*По матери*). Й-а матю̑нко, моя матю̑нко, матю̑нко моя голубонько, матю̑нко моя зазулечко, матю̑нко моя кавулочко, матю̑нко моя орлечко, матю̑нко моя соколечко! Кому жъ вы мене, моя матю̑нко, такую нещаслывую вручаете, на кого жъ вы, моя матю̑нко, тепера мене покыдаете? Отаку нещасну, отаку безталанну мене, матю̑нко, покыдаете, отаку недосугу, отаку й недолугу, моя матю̑нко!... Ой, хто жъ мене буде тепера, моя матю̑нко, дилечка учыты, дилечка робыты? Да такъ же мыни, моя матюнко, тяжко, да такъ же мыни, моя матюнко, важко у чужыхъ матерочокъ дилечко робыты, чужымъ матерочкамъ годыты... Я жъ у васъ, моя матюнко, хоть зробыла, хоть не зробыла, да нехто того не знае, а у чужои матю̑нки що не зроблю, уси знають, уси мене судять; да я жъ у васъ, моя матюнко, хоть служыла, да я жъ до васъ, моя матюнко, на порадоньку ходыла... Да я жъ, моя матюнко, прыду въ недилю пъять, въ недилю десять разъ, да вы жъ мене, моя матю̑нко, мене стричаете, да вы жъ мене, моя матю̑нко, пытаете; теперъ же-никому буде, моя матюнко, мене стричаты, теперъ же никому буде усю правду казаты; никому жъ мене пораджаты, никому мене научаты, моя матюнко... А теперъ же, моя матюнко, хочъ я й прыду, да ни до кого мыни, моя матюнко, голу̑вки прыхылыты... Да я жъ не знаю, моя матюнко, кому вирній годыты, кому лучче служыты. Да никому мене, моя матю̑нко, тоди порадыты, да я жъ кому тоди буду, моя матю̑нко, годыты? Я жъ буду на чужу̑й сторони жыты, да чужымъ батькамъ годыты... Да хто жъ до мене, моя матюнко, озовеця одным словечкомъ, дакъ я жъ ёму й трое... Да я жъ теперъ хочъ служыла, да я жъ до васъ, моя матюнко, на пораду ходыла, а тепера, моя матю̑нко, служытыму, да до никого на пораду ходыты... Да кому жъ вы насъ, моя матю̑нко, покыдаете, да кому жъ вы насъ, моя матюнко, поручаете?... А де се на васъ, моя матю̑нко, смертонька узялась? Чы васъ зазульки одковалы, чы васъ соловейки ощебеталы?...Чы вы, моя матюнко, на менетаку нещасну, таку бежчасну, такый велыкый гнивъ положылы? Да звынить, моя матю̑нко, звынить, моя утю̑нко, звынить, моя голубонько! Да я жъ до васъ не ходыла, да я жъ вамъ и дилечка не робыла, да я жъ вамъ, моя матюнко, постели не слала, да я жъ вамъ, моя матюнко, воды не давала... Да я жъ вамъ, моя матю̑нко, дило бъ робыла, дакъ я жъ, моя матюнко, не знала, якъ робыть. Да я жъ, моя матю̑нко, чужымъ батькамъ дило робыла, да ще й поспишалася и похваталася, моя матю̑нко, до васъ до вирнойи правды поспишалася, да я жъ васъ, моя

---

[1]) См. XXXVIII кн. „Э. О.", стр. 96—107. Приводимыя здѣсь двѣ заплачки записаны въ г. Мринѣ г. Брайловскимъ, напечатавшимъ часть подобнаго матеріала въ „Русс. Филол. Вѣстн." за 1884 г. Записи сдѣланы со словъ дѣвушки еще въ 1890 г. знаки у̑, ю̑ означаютъ диѳтонги уи, юи.

матюнко, не застала... Да кому жъ вы насъ, моя матюнко, прыклоняете, да кому жъ вы насъ, моя матюнко, прыручаете? да хто жъ намъ усю правдоньку казатыме?...Въ яку сторонку, моя утюнко, зраджаетесь? А чы се жъ вы до тютки, а чы се жъ, моя матюнко, до дядька? Вже жъ вы, моя матюнко, не въ ту край повернулы, не въ ту улочку пошлы; то вже жъ вы, моя матюнко, ты улочки помыналы, то вже жъ вы насъ, моя матюнко, покыдáлы...—Братики мойи соколята, братики мойи янголята, братики мойи недолугы, братики мойи недосугы! ой просить же вы своюй матюнки, просить же вы своюй порадоньки, а нехай же вамъ, мойи братики, и порадоньку дають, нехай же васъ научають, нехай же васъ пораджають, мойи братики... Сестрыци мойи зозульки, сестрыци мойи кавульки! ой, просить же вы своюй матюнки на останьнюй дорўжеци, и просить же вы, прохайте и прымечайте же вы, мойи сестрыци, у своюй матюнки, и познавайте йіи по похўдоньци и по прырўдоньци; и просить же вы, мойи сестрыци, свою матюнку у гости. Колы жъ намъ йихъ выжыдаты, колы жъ намъ йихъ вызыраты? Зъ якойи-жъ васъ сторўноньки, моя матюнко, изъ якойи жъ васъ крайиноньки, моя матюнко? Ой, прысылайте-жъ намъ порадоньку, моя матюнко, хочъ солонейкомъ, хочъ зазулею, моя матюнко; нехай же воны намъ, моя матюнко, и порадоньку дають и розгадоньку, моя матюнко... Да я жъ буду ходыты, да я жъ бу у васъ, моя матюнко, познаваты й вызыраты, моя матюнко...

№ 35. (*По брати*). Братику мўй голубчыку, братику мўй орлыку, братику мўй соколыку! Куда се жъ вы йдете, куда се вы отходыте, куда се вы вбыраетесь, куда се вы одрáжаетесь?... Искажить же мыни, озовиця жъ до мене, мўй братику, хоча жъ одчымъ словечкомъ на останьнюй дорожеци, мўй братику!... Извынить, мўй братику, извынить мыни, мўй соколыку! Братику мўй голубчыку, братику мўй соколыку, на кого се вы гнивъ положылы? Чы се жъ вы на мене, чы на мою матюнку, такую недолугу, чы на мою матюнку, такую недосугу, чы се жъ вы на свого батюнка такого нещаслывого, чы на свойихъ братиковъ такихъ нещаслывыхъ, чы на старшого, чы на пудстаршого...

Сообщ. **А. Н. Малинка.**

Критика и библіографія.

Эрнстъ Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства (*E. Grosse. Die Formen der Familie und die Formen der Wirthschaft*). **Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе книжн. магазина „Книжное дѣло". Москва. 1898 8°, 237 стр. Ц. 1 р.**

О книгѣ Гроссе уже была рѣчь въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" (XXXI). Въ настоящее время, въ виду появленія ея въ русскомъ переводѣ, мы позволяемъ себѣ еще разъ поговорить о ней нѣсколько подробнѣе.

По исторіи семьи накопилась такая громадная литература, что ко всякой новой попыткѣ взяться за рѣшеніе этого вопроса приходится предъявлять очень строгія требованія, и надо признаться, что разбираемая нами книга Гроссе удовлетворяетъ имъ въ очень слабой степени. Авторъ ея примыкаетъ къ сторонникамъ патріархальной теоріи развитія семьи и является непосредственнымъ продолжателемъ Старке и Вестермарка. Съ противоположной, такъ называемой „матріархальной" теоріей Гроссе не церемонится и даже не считаетъ нужнымъ заняться разборомъ ея положеній. „Мы не имѣемъ здѣсь никакого повода подробно излагать и оцѣнивать тѣ „аргументы", которыми стараются поддержать несчастную теорію. Она теперь осуждена, и чѣмъ скорѣе забудется этотъ грѣхъ молодости соціологіи, тѣмъ лучше" (стр. 60, прим.),—говоритъ онъ и затѣмъ отсылаетъ читателя къ книгѣ Вестермарка. Нечего и говорить, что такое упрощенное отношеніе къ вопросу лишено всякихъ основаній, и считать, что наука окончательно сдала въ архивъ матріархальную теорію, по малой мѣрѣ, преждевременно.

Дать *исторію развитія* семьи Гроссе считаетъ въ настоящее время невозможнымъ ни для себя, ни для кого-либо другого; современныя задачи въ этой области, по его мнѣнію, гораздо скромнѣе, а именно, накопленіе и упорядоченіе матеріала. Въ частности, для себя онъ ставитъ цѣлью упорядоченіе этнографическаго и историческаго матеріала путемъ распредѣленія главныхъ типовъ семейной и родственной организаціи по опредѣленнымъ типамъ хозяйственной жизни, внутри которыхъ первые выросли. Его задача, слѣдовательно, прослѣдить зависимость формъ семьи отъ формъ хозяйства. Сверхъ того намъ авторъ предлагаетъ ограничиться только „данными въ дѣйствительности формами" и совершенно отказывается отъ „метода истолкованія" (Methode der Deu-

tung), т. е. отъ возстановленія уже исчезнувшихъ формъ путемъ анализа, истолкованія сохранившихся отъ нихъ остатковъ, переживаній. Всѣ эти авторскія замѣчанія, а также тотъ фактъ, что критика построеній другихъ ученыхъ у Гроссе совершенно отсутствуетъ, заставляютъ насъ особенно внимательно отнестись къ тому фактическому матеріалу, который находится въ его распоряженіи. Чѣмъ больше теорія опирается на голые факты, тѣмъ больше они имѣютъ для нея значенія, и прежде чѣмъ заняться ихъ систематизаціей, надо имѣть ихъ достаточное количество. Къ тому же присоединяется то обстоятельство, что Гроссе особенно настаиваетъ на отсутствіи единообразія въ культурномъ развитіи отдѣльныхъ народовъ (стр. 6), и тѣмъ самымъ лишаетъ себя права распространять на всѣ народы выводы, приложимые къ нѣкоторымъ изъ нихъ.

Малая начитанность автора въ этнографіи и бѣдность его книги фактами сразу бросаются въ глаза при внимательномъ чтеніи, а притомъ, на ряду съ бѣдностью фактовъ, мы должны указать на случайность и произвольность ихъ выбора. Всю книгу подвергнуть разбору съ этой точки зрѣнія въ короткой замѣткѣ, конечно, невозможно и приходится ограничиться нѣсколькими замѣчаніями и примѣрами. Такъ для инородцевъ сѣверной и восточной Европы и народовъ центральной и сѣверной Азіи (кромѣ Камчатки), т. е. для всей громадной массы монгольскихъ, финскихъ и тюркскихъ племенъ, главнымъ источникомъ Гроссе служитъ „Allgemeine Kulturgeschichte“ Клемма и отчасти „Völkerkunde“ Ратцеля, работы, безспорно, очень почтенныя, но ужъ, конечно, не могущія замѣнить собою показанія первоисточниковъ. Кромѣ этихъ книгъ въ распоряженіи автора были только слѣдующія сочиненія: 1] Prschewalski, Reisen in der Mongolei; 2) Vambery. Das Türkenvolk; 3) Finsh, Reise nach Westsibirien; 4) Moser, Durch Centralasien, 5) Pallas, Nachrichten и статья de Bode—„She Yamud and Goklan Tribes of Turkomania (Journ. Ethn Soc). Глядя на этотъ списокъ не знаешь, чему больше удивляться, краткости ли его, или его случайности. Вѣдь въ этнографическомъ отношеніи изъ названныхъ можно придавать большое значеніе только работѣ Палласа, да и то свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, съ одной стороны устарѣли, а съ другой не всегда отличаются надлежащей полнотой и не всегда одинаково достовѣрны. Въ путешествіяхъ Пржевальскаго этнографическія задачи стояли совсѣмъ на заднемъ планѣ, и въ названномъ его сочиненіи этнографіи монголовъ посвящена одна коротенькая и довольно поверхностно написанная главка. Затѣмъ къ работамъ Вамбери нужно относиться съ значительной долей осторожности, такъ какъ онъ не всегда бываетъ свободенъ отъ увлеченій и преувеличеній, а его построенія страдаютъ иногда произвольностью. Еще въ большей степени это замѣчаніе приложимо къ книгѣ Мозера, которая вообще не имѣетъ никакого научнаго значенія. Добро бы еще, если бы выбирать не изъ чего было, а то вѣдь нѣмецкая литература по вопросу объ этихъ народностяхъ вовсе ужъ не можетъ быть названа очень бѣдной, и можно указать десятки сочиненій гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, которыми пользуется нашъ авторъ.

Если для азіатскихъ и европейскихъ инородцевъ главнымъ источникомъ Гроссе служитъ Клеммъ, то для океанцевъ таковымъ является „Anthropologie der Naturvölker“ Вайца и Герланда, соотвѣтствующій 6-й томъ которой какъ разъ вызывалъ нареканія со стороны критики. И здѣсь опять, кромѣ этого главнаго источника, Гроссе пользуется только 7-8 произвольно выбранными книгами и статьями. Еще слабѣе знакомство съ литературой о народахъ почти всей Америки и большей части Африки. Много народовъ совсѣмъ не упоминается. Такъ во всей книгѣ мы не нашли *ни одного* указанія на народности Кавказа, на народы, населяющіе западную Африку къ югу отъ экватора, на племена Мадагаскара, на туареговъ, абиссинцевъ, наировъ, афганцевъ и т. д., и т. д. Ни одного намека далѣе мы не встрѣтили на тѣ этнографическія свѣдѣнія, которыя находятся у писателей классической древности и нѣкоторыхъ средневѣковыхъ путешественниковъ, точно всей этой литературы и на свѣтѣ не существуетъ. Сравнительно болѣе богата эрудиція у автора относительно народовъ южной Африки, племенъ сѣверо-западной Америки, малайцевъ и австралійцевъ, но и тутъ приходится довольно часто желать поменьше случайности и произвольности въ выборѣ источниковъ. Нечего и говорить, что подборъ фактовъ при нашихъ условіяхъ получается очень односторонній. Гроссе совершенно не пытается разобраться въ разнообразныхъ, зачастую противорѣчивыхъ показаніяхъ различныхъ наблюдателей относительно какого-нибудь народа. Критическая оцѣнка такихъ противорѣчивыхъ отзывовъ у Гроссе совершенно отсутствуетъ, и даже больше того—всѣ эти противорѣчія имъ замалчиваются, просто выбираются такія показанія, которыя больше нравятся или болѣе подходятъ къ взглядамъ автора, противорѣчащія же свѣдѣнія обходятся полнымъ молчаніемъ.

Всѣ народы раздѣляются Гроссе, сообразно ихъ хозяйственной организаціи, на пять группъ: низшихъ и высшихъ охотниковъ, скотоводовъ и низшихъ и высшихъ земледѣльцевъ. Рѣзкихъ границъ между этими тапами нѣтъ, равно какъ нѣтъ въ большинствѣ случаевъ полнаго единообразія въ хозяйственной жизни народовъ. Одинъ и тотъ же народъ можетъ заниматься одновременно охотой, и земледѣліемъ, и скотоводствомъ, и основаніемъ для включенія въ ту или другую группу служитъ не его *исключительное*, а *преимущественное* занятіе. Разница между низшими и высшими охотниками состоитъ въ большемъ благосостояніи послѣднихъ и въ наличности у нихъ общественнаго раздѣленія труда и сравнительно развитой промышленности; такова же приблизительно разница и между низшими и высшими земледѣльцами. Всѣ эти пять типовъ не составляютъ ступеней въ одномъ ряду развитія; только низшихъ охотниковъ и высшихъ земледѣльцевъ можно было бы поставить въ такой рядъ, какъ его низшую и высшую ступени, три же остальныя формы хозяйства не находятся между собою въ послѣдовательной зависимости. Въ основу такихъ дѣленій положенъ хозяйственный принципъ по двумъ соображеніямъ, во-первыхъ, потому, что формы хозяйства сравнительно легко и точно констатируемы, а во-вторыхъ потому, что онѣ оказываютъ

громадное, первенствующее вліяніе на прочія стороны жизни и въ томъ числѣ на семейную организацію.

Можно было бы вообще сдѣлать довольно много возраженій противъ попытокъ классификаціи народовъ на основаніи какого-нибудь одного признака; всѣ такія классификаціи страдаютъ прежде всего произвольностью, и въ основѣ ихъ лежатъ тѣ или другія недоказанныя, а иногда и невысказанныя предпосылки. Такая предпосылка есть, конечно, и у Гроссе и сформулирована имъ въ очень категорической формѣ: „Wenn man weiss, was ein Volk isst, so weiss man auch, was es ist", сильно напоминающей знаменитое Фейербаховское: „Der Mensch ist, was er isst", но въ другихъ мѣстахъ эта формула получаетъ у самого Гроссе значительныя ограниченія. Гораздо правильнѣе было бы группировать народы по совокупности признаковъ, но въ виду трудности такой классификаціи, которая можетъ быть только результатомъ культурно-историческихъ изслѣдованій, но не можетъ лежать въ основѣ ихъ, допустимы и другіе пріемы, примѣняемые, какъ Гроссе, такъ и многими другими изслѣдователями. Но большого научнаго значенія такія классификаціи имѣть, конечно, не могутъ, и единственной цѣлью ихъ является облегченіе въ пользованіи матеріаломъ. Что же касается до хозяйственныхъ формъ, какъ принципа, положеннаго въ основу дѣленія народовъ на культурныя группы, то противъ нихъ можно сдѣлать и нѣкоторыя спеціальныя возраженія. Хозяйство само по себѣ уже понятіе очень сложное и разнообразное по своему содержанію, чтобы имъ можно было пользоваться съ удобствомъ для указанной цѣли. Съ одной стороны, руководствуясь имъ, мы можемъ произвольно группировать народы, обращая преимущественное вниманіе ad libitum на ту или другую сторону хозяйственной же жизни народовъ, а съ другой внутри нашихъ дѣленій необходимо будетъ большое разнообразіе *въ хозяйственномъ* же опять отношеніи. Вѣдь, дѣйствительно, Гроссе могъ одинаково удобно вмѣсто своихъ пяти типовъ взять и большее, и меньшее число ихъ: онъ могъ, напримѣръ, и всѣхъ охотниковъ, и всѣхъ земледѣльцевъ отнести каждыхъ въ одну группу, и тогда получилось бы всего три хозяйственные типа; но онъ могъ также установить и болѣе подробныя дѣленія, различая, напримѣръ, скотоводовъ кочевниковъ отъ ведущихъ осѣдлый образъ жизни, или выдѣляя изъ общей массы охотниковъ полярные народы, у которыхъ климатическія условія обостряютъ потребность въ жилищѣ и одеждѣ и придаютъ охотѣ и рыболовству характеръ сезонности, если и извѣстный другимъ народамъ, то не въ такой сильной степени. Такія новыя классификаціи были бы одинаково правильны, какъ и предложенная Гроссе, но и значеніе ихъ было бы одинаково не велико. Впрочемъ, болѣе подробная классификація была бы правильнѣй, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ставить за одну скобку такія разнообразныя и въ хозяйственномъ, и въ обще-культурномъ отношеніи народности, какъ лопари, калмыки, арабы и кафры, а между тѣмъ всѣ онѣ фигурируютъ у Гроссе одинаково въ качествѣ скотоводовъ. Помимо этого противъ хозяйства, какъ принципа классификаціи, можно сдѣлать еще и то замѣчаніе, что хозяйство наи-

болѣе зависитъ отъ мѣстныхъ, географическихъ условій, тогда какъ имѣющіяся въ литературѣ данныя даютъ право допустить *возможность* существованія въ культурѣ и нѣкоторыхъ элементовъ, болѣе или менѣе независимыхъ отъ такихъ мѣстныхъ условій.

До нѣкоторой степени можно сказать, что книга Гроссе служитъ опроверженіемъ его основного тезиса о зависимости формъ семьи отъ формъ хозяйства. Такъ при всякихъ формахъ хозяйства встрѣчается и материнская и отцовская филіація; среди высшихъ охотниковъ и среди низшихъ земледѣльцевъ бываютъ случаи перехода наслѣдства по женской линіи наряду съ переходомъ его по мужской линіи; среди высшихъ охотниковъ существуютъ племена, гдѣ положеніе женщины довольно высоко, тогда какъ большинство ихъ ставитъ женщину низко, что же касается до положенія женщины у низшихъ земледѣльцевъ, то самъ Гроссе говоритъ, что „положеніе жены относительно мужа у различныхъ земледѣльческихъ народовъ чрезвычайно разнообразно. Въ то время, какъ во многихъ случаяхъ она только раба мужа, въ другихъ—она является равноправнымъ товарищемъ его, а иногда считается даже главой семьи“ (стр. 245).

Характерной чертой соціальной организаціи такъ наз. низшихъ земледѣльцевъ Гроссе считаетъ то обстоятельство, что первенствующимъ, наиболѣе дѣятельнымъ элементомъ у нихъ является родъ, а не семья, которая играетъ главную роль у охотниковъ и скотоводовъ, а у низшихъ земледѣльцевъ по своему вліянію несравненно ниже рода (стр. 194). Для нѣкоторыхъ народовъ, отнесенныхъ Гроссе въ эту группу, такое замѣчаніе безспорно вѣрно, но для другихъ оно является по меньшей мѣрѣ спорнымъ. Такъ въ эту же группу отнесены и всѣ океанійскіе народы, относительно которыхъ самъ Гроссе долженъ признаться, что за немногими исключеніями родовая организація у нихъ находится въ полномъ упадкѣ (стр. 203—204, 206—207), и вообще свѣдѣнія по настоящему вопросу недостаточны и неясны. Насколько нехарактерной для океанійцевъ является родовая организація и насколько можно говорить объ *упадкѣ* ея, можно судить уже по тому факту, что Морганъ (Die Urgesellschaft, стр. 51, 316—317) совсѣмъ отрицаетъ у нихъ ея существованіе. Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ это мнѣніе, конечно, нуждается въ поправкахъ, но тѣмъ не менѣе оно является очень вѣскимъ, хотя Моргана и нельзя назвать спеціалистомъ на океанійскимъ народамъ. Какъ извѣстно, въ построеніяхъ этого ученаго родъ играетъ чрезвычайно важную роль, и, настаивая на его повсемѣстномъ распространеніи, Морганъ для объясненія его отсутствія у океанійцевъ долженъ былъ выставить такое искусственное объясненіе, что эти народы еще не доросли до родовой организаціи и представляютъ самую низшую ступень въ развитіи человѣчества, т. е. стоятъ ниже австралійцевъ и т. п. Точно также малохарактернымъ является родъ и для земледѣльческой Африки, гдѣ Гроссе долженъ былъ признать его упадокъ (стр. 214) и недостаточность свѣдѣній.

Вообще намъ кажется, что Гроссе ошибочно приписываетъ такую важную роль роду у земледѣльческихъ народовъ, и эта его ошибка нахо-

дится въ связи съ другой, еще болѣе грубой, а именно съ отождествленіемъ всякой общины съ родовой; авторъ такъ далеко заходитъ въ этомъ направленіи, что даже современную великорусскую общину отождествляетъ съ родомъ и выражается въ данномъ случаѣ такъ категорически, что не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно своихъ мыслей. („Die russische *Dorfsippe* ist eine juristische Person, ganz wie es die malaiische Sippe ist. Diese alte *Gentilordnung* beherrscht in Russland noch gegenwärtig ein ungeheures Gebiet, nämlich ganz Grossrussland mit seiner Bevölkerung von 30 bis 35 Millionen“ (стр. 285—286, курсивъ мой). Вообще сельская или сосѣдская община, какъ отличное отъ рода учрежденіе, совершенно неизвѣстно Гроссе и только этимъ путемъ можно объяснить себѣ его мнѣніе о благопріятномъ вліяніи на родъ земледѣлія. Въ дѣйствительности бываетъ скорѣе обратное, и у большинства *чистыхъ* земледѣльцевъ наблюдается упадокъ родовой организаціи и постепенная замѣна ея территоріальными союзами, при чемъ разлагающимъ родъ факторомъ служитъ не земледѣліе само по себѣ, а связанная съ нимъ осѣдлость. Если мы даже согласимся съ Гроссе, что у земледѣльцевъ больше общихъ хозяйственныхъ и экономическихъ интересовъ, чѣмъ у скотоводовъ и охотниковъ, что, конечно, въ значительной степени спорно, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы экономическая солидарность непремѣнно выливалась въ формѣ родового союза; первое время она и при осѣдлости, конечно, будетъ пользоваться готовыми формами, но чѣмъ прочнѣе осѣдлость, тѣмъ сильнѣе чисто территоріальныя связи, и тѣмъ сильнѣе антагонизмъ между ними и родовыми связями. Этотъ процессъ мы можемъ наблюдать и не у однихъ чистыхъ земледѣльцевъ; тѣ скотоводы (кафры и т. п.), которые ведутъ осѣдлый образъ жизни, знаютъ родовую организацію лишь въ самой слабой степени; лопари, перейдя отъ оленеводства къ рыболовству и къ полуосѣдлой жизни, сохранили отъ былой родовой организаціи только самые жалкіе остатки, въ которыхъ едва можно видѣть доказательства прежняго существованія у нихъ рода.

Въ связи съ родовымъ устройствомъ стоитъ и вопросъ объ экзогаміи; ей Гроссе придаетъ очень большое значеніе, какъ въ дѣятельности рода, такъ и въ организаціи болѣе широкихъ общественныхъ единицъ. Къ сожалѣнію, за рѣшеніе вопроса о происхожденіи экзогаміи онъ не берется и даже считаетъ этотъ вопросъ, пожалуй, неразрѣшимымъ, что не мѣшаетъ ему высказаться въ пользу болѣе древней теоріи, объясняющей экзогамію, и выводить ее изъ *наблюдений* надъ вредными послѣдствіями отъ браковъ между родственниками (стр. 85—86). Такъ какъ мнѣніе это неоднократно уже обсуждалось въ литературѣ, а Гроссе въ подтвержденіе его не приводитъ никакихъ ни старыхъ, ни новыхъ доказательствъ, то мы оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ и остановимся лишь на одномъ замѣчаніи Гроссе, въ которомъ отчетливо выразилась вся произвольность экономическихъ объясненій формъ семьи, данныхъ нашимъ авторомъ. Именно, онъ утверждаетъ, что земледѣльческіе народы больше всего заинтересованы въ численности семьи, и потому у нихъ такъ сильно развита экзогамія, привлекающая въ семью посторонніе элементы; особенно

же важное значеніе она имѣетъ для матріархальныхъ народовъ, такъ какъ является для нихъ средствомъ увеличивать наличный составъ мужского рабочаго населенія семьи путемъ пріема въ составъ ея чужеродцевъ, женящихся на дочеряхъ семьи и поселяющихся у своихъ женъ (стр. 241). Не говоря уже про то, что мнѣніе, будто „экзогамія особенно дорога матріархальнымъ родамъ“ (ibid), нуждается въ фактической провѣркѣ, которой Гроссе не даетъ, его объясненіе болѣе чѣмъ странно. Въ дѣйствительности для численнаго состава семьи экзогамія не имѣетъ никакого значенія ни при какой филіаціи и гдѣ бы ни селились молодые—въ семьѣ ли мужа или въ семьѣ жены. Въ первомъ случаѣ въ семью входятъ новые элементы въ лицѣ женъ сыновей, но зато семья теряетъ своихъ собственныхъ дочерей, выходящихъ замужъ въ чужія семьи, во второмъ случаѣ семья пріобрѣтаетъ мужей дочерей, но теряетъ собственныхъ сыновей, уходящихъ къ своимъ женамъ въ чужіе роды. Для отдѣльныхъ семей можетъ быть, конечно, выгоднѣй тотъ или другой порядокъ, смотря по тому, больше ли въ семьѣ дочерей или сыновей, но въ общемъ такія потери и пріобрѣтенія отдѣльныхъ семей болѣе или менѣе взаимноуравновѣшиваются, и для цѣлаго рода экзогамія не можетъ имѣть такого значенія, какое приписываетъ ей Гроссе.

Гроссе не первый пытается объяснить исторію семьи, стоя за экономической точкѣ зрѣнія, но онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что всѣ они были сторонниками матріархальной теоріи (Зиберъ, Энгельсъ, Каутскій). Гроссе же ревностный защитникъ патріархата. Разница между ними можетъ быть заходитъ и дальше, и было бы не совсѣмъ осторожно зачислить нашего автора въ ряды сторонниковъ теоріи „экономическаго матеріализма“. Онъ выражается слишкомъ неточно и неясно, чтобы можно было судить съ увѣренностью объ его общихъ соціологическихъ взглядахъ; иногда у него вырываются очень рѣзкія фразы вродѣ вышеприведенной, но въ другихъ случаяхъ онъ выражается гораздо осторожнѣй и умѣреннѣй и, повидимому, признаетъ вліяніе на семью и другихъ факторовъ, независимыхъ отъ хозяйства (стр. 11, 27—28, 55—56, 319—323, 336—337 и др.).

Въ заключеніе сдѣлаемъ два частныхъ замѣчанія. Одною изъ руководящихъ идей разбираемой книги является положеніе, что у земледѣльческихъ народовъ въ силу того, что занятіе земледѣліемъ составляетъ обязанность и право женщинъ, положеніе ихъ несравненно выше, чѣмъ у охотниковъ и скотоводовъ, гдѣ наиболѣе важныя для существованія племени занятія сосредоточены въ рукахъ мужчинъ, такъ что различіе въ положеніи женщины у тѣхъ и другихъ народовъ выражается опредѣленнымъ различіемъ въ положеніи женщины въ процессѣ производства у земледѣльцевъ съ одной стороны и у скотоводовъ и охотниковъ съ другой (глава VII, особенно стр. 221—224, 253—254). Но эта самая идея уже задолго до Гроссе была высказана во всѣхъ подробностяхъ Липпертомъ (Geschichte der Familie, стр. 30—33, 35—37, 40—42 и др.), а отъ него восприняты взгляды Гельвальдомъ (Die menschliche Familie, стр. 202—203 и др.); однако, Гроссе совершенно умалчиваетъ

объ этомъ обстоятельствѣ, и во всей его книгѣ имя Липперта ни разу не упоминается. Еще страннѣе другое умолчаніе: на стр. 149—150 Гроссе, объясняя явленіе такъ называемаго „символическаго захвата“, приводитъ мнѣніе Спенсера, объясняющаго сопротивленіе невѣсты дѣйствительнымъ или притворнымъ чувствомъ стыдливости. Это объясненіе кажется Гроссе хотя и вѣрнымъ, но недостаточнымъ и непримѣнимымъ по всѣмъ случаямъ, а потому въ видѣ *дополненія* онъ высказываетъ уже *отъ себя* иныя соображенія, сводящіяся къ тому, что женщина, захваченная на войнѣ, имѣла въ сравненіи со всякой иной женой то преимущество, что являлась одновременно почетнымъ трофеемъ, признакомъ воинской доблести захватившаго ее мужчины. Поэтому такой бракъ считался болѣе почетнымъ, а у воинственныхъ народовъ и единственнымъ достойнымъ мужчины: отсюда и возникъ символическій захватъ. Между тѣмъ всѣ эти соображенія были уже развиты самимъ Спенсеромъ, который вовсе не думалъ объяснять символическій захватъ одною стыдливостью невѣсты, а признавалъ и другія причины, именно тѣ, которыя указываетъ Гроссе (см. Спенсеръ, Основанія соціологіи, изд. Билибина, стр. 687—689).

Что касается до перевода, то онъ далеко неудаченъ, и переводчикъ одинаково плохо знакомъ, какъ съ нѣмецкимъ языкомъ, такъ и съ тѣми вопросами, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, говоря про Howitt'а, Гроссе пишетъ: „Infolgdessen hat seine Darstellung mehrere Sociologen, darunter auch Morgan, zu den seltsamsten Vorstellungen über die Ehe-und Familienverhältnisse der Australier verleitet“ (стр. 6 прим.). Переводчикъ же передаетъ это мѣсто такъ: „Благодаря этому многіе соціологи, въ числѣ ихъ и Morgan, относятъ его представленіе о бракѣ и семейныхъ отношеніяхъ австралійцевъ къ самымъ рѣдкимъ явленіямъ“ (стр. 8, прим.). Или вотъ еще образчикъ, взятый съ той же страницы: по-нѣмецки мы читаемъ такъ: „So gründet z. B. Morgan die Reconstruction der sämmtlichen primitiveren Familienformen seiner Reihe nicht etwa auf werificirbare Beobachtungen, sondern auf durchaus fragwürdige Deutungen (стр. 6), въ переводѣ же эта фраза совершенно искажена: „Такъ, напримѣръ, обосновываетъ Morgan примитивныя формы совмѣстной семьи своего ряда“... и т. д. (стр. 9). Интересно было бы узнать отъ переводчика, какую такую „совмѣстную семью“ нашелъ онъ у Моргана. На стр. 5 подлинника мы читаемъ: „Sie (vorliegende Arbeit) bescheidet sich mit der Untersuchung der einzelnen Haupttypen der Verwandtschaftsorganisation, wie man sie in der Geschichte und in der Völkerkunde nebeneinander findet“, въ переводѣ же: „Она остается одинаково скромной, какъ въ изслѣдованіи главныхъ типовъ организаціи родства, такъ и въ исторіи или въ народныхъ сказаніяхъ“ (стр. 7). Доискаться какого-нибудь смысла въ этой фразѣ—нелегкая задача, а кромѣ того, очень характерно для переводчика, что ему неизвѣстенъ даже такой элементарный терминъ, какъ „Völkerkunde“, который онъ систематически передаетъ словами „народныя сказанія“ или „сказанія народа“ (стр. 8). Вмѣсто: „*Uns* kommt es auf die Erkenntniss der *Zustände* an; *jene* (предше-

ственники Гроссе) suchten ihre *Entwickelung* zu ergründen. Die Entwickelung solcher Zustände"...(стр. 5—6) мы находимъ: „Такой путь приведетъ насъ къ пониманію дѣйствительнаго положенія вещей, между тѣмъ какъ наши предшественники прежде всего пытались обосновать свою(?) систему развитія"...(стр. 2). „Sagte ein Häuptling zu Hearne" (стр. 75), по мнѣнію переводчика, значитъ: „сказалъ одинъ начальникъ въ Геарнэ" (стр. 104); такимъ образомъ извѣстный путешественникъ Гирнъ превратился въ никому невѣдомую страну Геарнэ. „Zuweilen (стр. 6) почему-то переводится „нѣкоторое время" (стр. 8), „überwundener"— „сверхъестественныхъ" (тамъ же), и подобныхъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно. Но особенно поражаетъ въ переводчикѣ его смѣлость; онъ не ограничивается однимъ переводомъ, а пишетъ къ нему предисловіе, въ которомъ рекомендуетъ отъ себя книгу Гроссе. Какъ много значитъ эта рекомендація, можно уже судить по тому, что, говоря довольно подробно о Морганѣ, переводчикъ въ то же время думаетъ, что Моргановское „Urgesellschaft" есть переводъ сочинія „Systems of consanguinity and affinity", тогда какъ это совершенно различныя сочиненія, и оригиналъ перваго носитъ заглавіе „Ancient society". Схема развитія семьи, предложенная Морганомъ и приводимая переводчикомъ со ссылкой на „Urgesellschaft" (VII—VIII стр.), въ этомъ сочиненіи представлена въ нѣсколько иномъ свѣтѣ и, слѣдовательно, заимствована переводчикомъ не изъ самого Моргана, а изъ какого-нибудь другого источника. Судя по данному въ подстрочномъ примѣчаніи объясненію термина „Tribusorganisation", такимъ источникомъ была существующая на русскомъ языкѣ брошюра Каутскаго „Возникновеніе брака и семьи". Будь переводчикъ знакомъ съ самимъ Морганомъ, онъ, конечно, не перевелъ бы словъ Гроссе „sagt Morgan im Anschlusse an Herrera" (стр. 191) посредствомъ: „говоритъ Morgan *въ приложеніи* къ Herrera (стр. 264, курсивъ мой). Въ виду такого знакомства съ предметомъ попытка переводчика характеризовать современное положеніе вопроса объ исторіи семьи и выяснить отношеніе Гроссе къ его предшественникамъ и въ частности къ Моргану является лишнимъ примѣромъ того безцеремоннаго отношенія къ наукѣ, которое, къ сожалѣнію, не рѣдкость въ настоящее время.

А. Максимовъ.

Ю. Липпертъ. Исторія семьи. *Переводъ съ нѣмецкаго Н. Шатерникова. Изд. Ф. Павленкова.* С.ПБ. 1897 г. Ц. 60 к.

Заглавіе книги Липперта не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію; полной исторіи семьи она не даетъ, а излагаетъ только нѣкоторые моменты этой исторіи. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что одновременно существовали двоякаго рода союзы; одни состояли изъ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, другіе изъ взрослыхъ мужчинъ; тѣ и другіе союзы были въ значительной степени независимы одни отъ другихъ и вели раздѣльныя хозяйства; женскіе союзы при помощи, конечно, и мужской силы занимались земледѣліемъ, мужскіе—охотой и скотоводствомъ.

Пока главныя средства существованія доставляло земледѣліе, до тѣхъ поръ женскіе или, вѣрнѣе сказать, материнскіе союзы играли первенствующую роль и обезпечивали за женщинами высокое положеніе, съ переходомъ же къ правильному скотоводству мужчины получили преобладаніе въ хозяйственомъ отношеніи и стали во главѣ семьи и общества. Развитію этихъ идей и выясненію формъ, въ которыхъ совершился переходъ отъ материнскаго права къ отцовскому, и посвящена большая часть разбираемой книги.

Какъ основные взгляды Липперта, такъ и многіе изъ частныхъ замѣчаній, разбросанныхъ въ его книгѣ, безспорно остроумны и во многихъ случаяхъ *вѣроятны*; но, къ сожалѣнію, болѣе опредѣленно высказаться по поводу нихъ невозможно, такъ какъ всѣ они еще нуждаются въ фактической провѣркѣ. Вообще Липпертъ не столько доказываетъ, сколько излагаетъ и иллюстрируетъ, а потому его книга мало подвигаетъ впередъ затронутые вопросы; нѣкоторые изъ предложенныхъ имъ рѣшеній, весьма возможно, окажутся истинными, но это во всякомъ случаѣ дѣло будущаго, а пока они только предположенія. Бѣдность фактами составляетъ наиболѣе существенный недостатокъ „Исторіи семьи"; болѣе низкія племена затрогиваются очень рѣдко и случайно и главнымъ матеріаломъ служатъ факты изъ жизни арійцевъ, семитовъ и другихъ сравнительно высоко-культурныхъ народовъ; сообразно съ этимъ очень видное мѣсто отведено методу переживаній. Другой крупный недостатокъ разбираемой книги состоитъ въ томъ, что Липпертъ не считается съ своими предшественниками въ наукѣ; упоминается только Бахофенъ, да и то лишь въ предисловіи, вся же богатая литература по данному вопросу совершенно игнорируется. О томъ, что книга не можетъ претендовать на достаточную полноту, мы уже упоминали; въ ней, напримѣръ, не затрогиваются такія любопытныя явленія, какъ поліандрія, системы родства и т. п.

Не придавая большого научнаго значенія „Исторіи семьи", мы готовы были бы рекомендовать ее для первоначальнаго знакомства съ предметомъ. Взгляды Липперта, правда, очень часто только его взгляды, не получившіе признанія въ наукѣ, но такова судьба всѣхъ теорій по исторіи семьи, защищаемыхъ въ большинствѣ случаевъ только своими авторами; въ пониманіи же основныхъ матріархальныхъ теорій Липпертъ мало отличается отъ другихъ сторонниковъ этой теоріи, въ свою очередь несогласныхъ между собою даже по этимъ пунктамъ. То же обстоятельство, что авторъ сосредоточился на самыхъ главныхъ вопросахъ, оставляя въ сторонѣ наиболѣе спорные, и дѣлаетъ его книгу особенно цѣнной для указанной цѣли; большое значеніе имѣетъ здѣсь также и осторожность Липперта въ выводахъ и большая послѣдовательность его построеній. Даже тамъ, гдѣ авторъ ошибается, онъ не переходитъ границъ должной осторожности и вообще свободенъ отъ слишкомъ рискованныхъ утвержденій, такъ частыхъ въ другихъ болѣе или менѣе популярныхъ сочиненіяхъ по исторіи семьи.

Что касается до перевода, то онъ очень плохъ, и въ подлинникѣ

слогъ Липперта не отличается гладкостью и легкостью, въ переводѣ же мѣстами трудно добраться до смысла. Неточности и прямыя ошибки встрѣчаются на каждомъ шагу; напримѣръ, на стр. 168 мы читаемъ такую нелѣпицу: „человѣчество, расселясь въ болѣе высокихъ широтахъ, *не нуждалось* уже въ одеждѣ, покрывающей все тѣло", тогда какъ по-нѣмецки читается какъ разъ обратное: „wo die den ganzen Körper umhüllenden Bekleidung immer *unentbehrlicher* wurde" (стр. 209). Не менѣе грубое извращеніе смысла встрѣчаемъ и на стр. 140: рѣчь идетъ объ ассирійцахъ, гдѣ особые чиновники „выставляли на показъ народу дѣвушекъ, достигшихъ половой зрѣлости, и предлагали ихъ желающимъ жениться, но сначала *самымъ знатнымъ* изъ нихъ", тогда какъ въ подлинникѣ говорится: „welche die mannbaren Jungfrau dem Volke verführen und den Heiratslustigen ausbieten, immer die vornehmsten zuerst" (стр. 171). По переводу никоимъ образомъ нельзя было бы догадаться о смыслѣ описываемаго обычая, суть котораго, какъ слѣдуетъ изъ подробнаго описанія Геродота [1]), состоитъ въ томъ, что дѣвушки продавались въ замужество съ публичнаго торга: кто больше давалъ, тотъ и бралъ дѣвушку въ жены, и начинали, конечно, съ самыхъ красивыхъ, а деньги, вырученныя за нихъ, поступали въ приданое некрасивымъ, которыя безъ него не нашли бы себѣ мужей. Вотъ еще образчики точности перевода: „Можетъ быть и случайно то, о чемъ упоминаетъ Геродотъ, говоря о гетерическихъ обычаяхъ вавилонянъ, но во всякомъ случаѣ этотъ обрядъ былъ очень широко распространенъ. Именно онъ упоминаетъ объ омовеніи, происходящемъ утромъ послѣ брачной ночи. Этого обычая придерживались арабы и евреи. Въ настоящее время онъ встрѣчается къ нашему удивленію у южныхъ славянъ. Тюрнеръ указалъ, что славянскій „Morgengabe" дѣлается новобрачной не ея мужемъ, какъ нѣмецкій, а всѣми гостями, участвующими въ свадебномъ пирѣ (стр. 144). Добиться какого-нибудь смысла въ этомъ отрывкѣ невозможно; Липпертъ же говоритъ: „Zufällig möchte vielleicht noch das sein, aber doch erwogen werden, was Herodot *gerade im Zusammenhange* mit jenen hetärischen Sitten der Babylonier anführt, das aber eine weit grössere Verbreitung hatte. Er erwähnt eines Bades am Morgen nach dem Eheschluss [2]) als einer von der Sitte geforderten Handlung, und darauf hielten in weiterere Ausdehnuug auch die Araber, und von den Juden ist das Gleiche aus Leviticus bekannt. Nun findet sich aber bei den Südslaven noch ein recht auffälliger Hochzeits-

---

[1]) Геродотъ, Исторія, пер. Мищенко, I, 196. Разсказъ Страбона, на который ссылается въ данномъ мѣстѣ Липпертъ, несравненно короче.

[2]) Липпертъ, повидимому, неточно понялъ Геродота, который (а также и Страбонъ) сообщаетъ, что омовеніе вавилоняне совершали послѣ *каждаго* сообщенія съ женщиной, такъ что нѣтъ основаній сближать этотъ обрядъ съ гетерическими обычаями, тѣмъ болѣе, что только въ краткомъ разсказѣ Страбона (XVI, I. 20) одно приводится въ непосредственной связи съ другими, Геродотъ же говоритъ объ омовеніи въ § 198 книги I, о священной проституціи въ § 199, а о продажѣ дѣвушекъ для брака въ § 196.

brauch *dieser Art*". (Türner и т. д., стр. 176). „*Ostbecken* des Mittelmeeres" (стр. 17), по мнѣнію г. Шатерникова, значитъ „восточный *уголъ* Средиземнаго моря" (стр. 14). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы судить о вѣрности и точности перевода, а мы вѣдь привели только первые попавшіеся подъ руку и могли бы указать ихъ цѣлую массу. Не твердъ переводчикъ и въ географіи и, повидимому, не знаетъ, что Викторія-Ніанца— озеро, по крайней мѣрѣ, онъ пишетъ: „путешественникамъ удалось познакомиться *съ* Викторіи-Ніанцѣ съ однимъ начальникомъ" (по-нѣмецки „am"). Терминологія и транскрипція собственныхъ именъ сильно хромаютъ: „Mutterfolge" переводится то „матріархатъ" (стр. 7, 12), то „женская филіація" (passim), то „материнская филіація" (стр. 30—31), „Landrecht", по мнѣнію переводчика „государственное право" (стр. 51—56); „Bücher der Könige und der *Chroniken*" (стр. 19) онъ переводитъ „Книги Царей или *Числъ*" (стр. 16), вмѣсто „Паралипоменонъ"; тутъ же встрѣчаемъ и такую ошибку: „mag dieses auch die *spätere* sein" переводится: „пусть онъ будетъ по времени *первымъ*"; вмѣсто принятыхъ въ русскомъ переводѣ Библіи именъ: „Зелфа" и „Валла", переводчикъ пишетъ „Сильфа" и „Била" (стр. 109); далѣе мы встрѣчаемъ: „Буртанъ" (Burtan—англичанинъ), „Лабатъ" (Labat—французъ), „дербикійцы" (вмѣсто дербики), „гондасы" (вмѣсто гонды) и т. д. Очень часто встрѣчаются пропуски иногда отдѣльныхъ словъ, а иногда и длинныхъ фразъ (стр. 16, 18, 20, 61—62, 95, 132 нѣмецкаго текста и др.); неизвѣстно почему исключены всѣ подстрочныя примѣчанія со ссылками на источники; не мѣшало бы также оговорить, что въ подлинникѣ „Исторія семьи" появилась уже давно, а именно въ 1884 году. Отмѣтимъ въ заключеніе, что книга издана вообще очень небрежно въ корректурномъ отношеніи, и оглавленіе, напримѣръ, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; въ немъ нѣтъ ни одного вѣрнаго указанія на страницы.

А. Максимовъ.

M. Hoernes: Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 v. Chr. (37 таблицъ и 203 рис. въ текстѣ). Wien, 1898 8°, 709 стр.

Пользующійся заслуженной извѣстностью авторъ „*Первобытной исторіи человѣка*" обогатилъ научную литературу новымъ капитальнымъ трудомъ, въ которомъ онъ изслѣдуетъ вопросъ объ искусствѣ у доисторическаго населенія Европы. Въ своемъ новомъ трудѣ г. Гёрнесъ дѣлаетъ обзоръ главнѣйшихъ памятниковъ искусства, сохранившихся отъ эпохъ такъ наз. каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ (ограничивая изученія послѣдняго приблизительно половиной перваго тысячелѣтія до Р. Хр.); изслѣдуя съ большою эрудиціей многочисленныя и разнохарактерныя произведенія искусства древнѣйшихъ насельниковъ Европы, сопоставляя находки изъ разныхъ мѣстностей другъ съ другомъ, наконецъ, отыскивая въ другихъ географическихъ областяхъ параллели къ евро-

пейскимъ доисторическимъ художественнымъ памятникамъ, авторъ не только намѣчаетъ постепенную исторію развитія искусства во внѣисторическую эпоху жизни Европы, но даетъ и освѣщеніе весьма существеннымъ для историка культуры вопросамъ о возникновеніи художественнаго творчества на низшихъ стадіяхъ развитія, о преемственности проявленій художественнаго творчества и о причинахъ, дававшихъ послѣднему то или иное направленіе. За послѣднее время трудами этнографовъ въ значительной мѣрѣ двинуто впередъ изученіе вопросовъ первобытнаго искусства. Штейненъ, Эренрейхъ, Гэддонъ, Гроссе, Штольпе, Фриттъ, Прейсъ, Гринведель, Конце, Гейнъ, Шурцъ, Фридерици, Андре и др. обратили вниманіе на обширный матеріалъ, представляемый образцами художественнаго творчества современныхъ дикарей, и старались путемъ личныхъ опросовъ или изученія мотивовъ уяснить постепенное развитіе искусства у некультурныхъ племенъ. Результатомъ этого обращенія къ живому источнику явилось значительное измѣненіе прежнихъ ходячихъ мнѣній о древнѣйшемъ искусствѣ человѣчества. Въ свою очередь и археологи, занимающіеся первобытной культурой древняго населенія Европы, собирали новые памятники искусства, изучали старые и освѣщали при помощи ихъ древнѣйшую, если и не всегда самую первобытную, эпоху художественнаго творчества человѣка. Этнографія и археологія работали по данному вопросу рука объ руку, стараясь открыть зачаточную форму художественнаго произведенія и найти исходную точку для исторіи искусства человѣчества. Разобраться въ различныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ этнографами и археологами о первобытномъ искусствѣ, сдѣлать имъ критическую оцѣнку и выставить на основаніи изученія археологическаго матеріала собственные взгляды на исторію древнѣйшаго искусства и, въ частности, въ Европѣ—составляло цѣль работы г. Гёрнеса. Авторъ вполнѣ справился съ своей задачей, насколько это вообще возможно при обширности подвергнутаго изученію матеріала, спорности и неясности многихъ вопросовъ жизни доисторическаго человѣка Европы. Это дѣлаетъ книгу г. Гёрнеса чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ въ науку и придаетъ ей интересъ не только для спеціалистовъ-археологовъ, но для всѣхъ лицъ, интересующихся первобытной культурой. Отдавая должную дань новому труду почтеннаго изслѣдователя, мы не хотимъ, однако, сказать, чтобы всѣ выводы и положенія автора могли быть приняты; многіе изъ нихъ возбуждаютъ сомнѣнія, нѣкоторые построены на шаткихъ еще основаніяхъ, а иные едва ли имѣютъ значеніе бóльшее, чѣмъ всякое субъективное мнѣніе, не подкрѣпленное соотвѣтствующими доказательствами. Авторъ совершенно основательно ищетъ зародыши произведеній художественнаго творчества въ изображеніяхъ окружающей фауны и человѣческихъ фигуръ. Данныя археологіи и этнографіи безусловно не позволяютъ начинать исторію искусства съ геометрическаго орнамента. Первобытное художественное произведеніе является результатомъ желанія изобразить видимымъ образомъ извѣстный объектъ, живо запечатлѣвшійся въ воображеніи дикаря или заставляющій послѣдняго направлять на него свои мысли; такими объектами на низшей стадіи цивилизаціи оказываются или представителя

мѣстной фауны, такъ какъ заботы о пищѣ болѣе всего занимаютъ дикаря, или женщины; мужскія фигуры рѣдко появляются въ произведеніяхъ искусства первобытнаго человѣка, и это оттого, что художественныя произведенія выходятъ на низшей культурной ступени изъ рукъ мужчинъ. Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ, что примитивное художественное творчество выражается въ рисункѣ: послѣднему предшествовало искусство скульптуры (въ частности вырѣзыванья изъ кости цѣльныхъ фигуръ); пластическое искусство, по его мнѣнію, оказывается болѣе примитивнымъ, чѣмъ рисунокъ; въ немъ, а не въ рисункѣ, слѣдуетъ видѣть древнѣйшее проявленіе творчества дикаря. Этотъ выводъ не согласуется съ данными этнографіи; но такъ какъ мнѣніе автора въ этомъ случаѣ основывается почти исключительно на фактѣ находки Піеттомъ въ болѣе древнихъ слояхъ дилювія извѣстныхъ женскихъ фигуръ изъ кости, въ то время какъ *рисунки* на кости встрѣчены въ болѣе верхнихъ слояхъ,—высказанное имъ положеніе едва ли можетъ считаться убѣдительнымъ. Г. Гёрнесъ посвящаетъ далѣе много вниманія вопросу о происхожденіи геометрическаго орнамента: онъ въ основѣ соглашается съ выводомъ, къ которому пришли изслѣдователи первобытнаго искусства на основаніи этнографическихъ данныхъ, что геометрическій орнаментъ въ своей основѣ возникаетъ частью изъ подражаній текстильнымъ произведеніямъ, частью оказывается стилизаціей предметовъ окружающей обстановки, т. е. что геометрическій орнаментъ въ своей основѣ вытекаетъ изъ рисунка и орнамента подражательнаго. Но онъ справедливо отказывается отъ слишкомъ абсолютнаго принятія этого положенія и оттѣняетъ, что иногда происходитъ и обратный процессъ: фигура геометрическаго орнамента, имѣющая своимъ прототипомъ текстильное издѣліе, можетъ вызвать въ воображеніи дикаря представленія о какомъ-нибудь одушевленномъ предметѣ, какъ только дикарь пожелаетъ себѣ дать отчетъ въ значеніи непонятнаго для него рисунка. Однако, совершенно непонятнымъ представляется намъ, почему авторъ приписываетъ развитіе геометрическаго орнамента женщинамъ, въ то время какъ данныя этнографіи свидѣтельствуютъ, что мужчины на низшихъ стадіяхъ культуры по крайней мѣрѣ съ тѣмъ же, если не бо́льшимъ, успѣхомъ воспроизводятъ этотъ видъ орнаментаціи. Слишкомъ абсолютнымъ представляется и выводъ автора, что искусство охотниковъ-дикарей, представленное художественными произведеніями европейскихъ палеолитиковъ, должно было быть лишено всякаго религіознаго элемента; этому послѣднему, наоборотъ, г. Гёрнесъ отводитъ, на нашъ взглядъ, слишкомъ много мѣста въ искусствѣ послѣдующихъ культурныхъ періодовъ. Часто изображеніе женскихъ фигуръ въ произведеніяхъ послѣднихъ онъ относитъ преимущественно на счетъ господства материнскаго права и матріархата и вытекающаго изъ него культа матерей-родоначальницъ. Сама попытка связать развитіе первобытнаго искусства съ соціальными формами заслуживаетъ полнаго вниманія, но въ указанномъ вопросѣ объясненіе автора едва ли можетъ быть принято, такъ какъ онъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе женщины въ группахъ, ведущихъ счетъ родства по женской линіи; не совсѣмъ удачны и предположенія автора о

введенія нѣкоторыхъ мотивовъ въ первобытное творчество подъ вліяніемъ перехода къ агнатической организаціи (напр., фигуръ мужчинъ).

Автору пришлось наконецъ высказаться и по вопросу о степени посторонняго вліянія на искусство древнѣйшаго населенія Европы. Онъ не соглашается съ многими изъ новѣйшихъ археологовъ, которые, какъ, напр., Ренакъ, признаютъ самобытное существованіе въ древней Европѣ искусства, развившагося изъ туземныхъ основъ; г. Гёрнесъ, наоборотъ, привлекая значительный матеріалъ для сравненія, приходитъ къ заключенію о значительномъ вліяніи искусства Востока на европейское: на Востокѣ, благодаря мѣстнымъ особенностямъ, художественное творчество развилось раньше и оно-то повліяло непосредственно на художественныя произведенія южно-Европы въ металлическій періодъ, и посредственно черезъ европейскій югъ и юго-востокъ на жителей сѣвера и запада Европы. Вопросъ о степени независимости развитія древнѣйшаго искусства населенія Европы до настоящаго времени не можетъ считаться рѣшеннымъ, и всякое новое доказательство въ пользу того или иного мнѣнія, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать открытію истины. Таковы въ существенномъ главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ г. Гёрнесъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о первобытной исторіи искусства въ Европѣ: обстоятельное знакомство съ европейскими древностями, широкое пользованіе данными этнографіи и общей археологіи, наконецъ, изученіе древнѣйшаго искусства Европы съ историко-культурной точки зрѣнія—все это привело къ тому, что книга г. Гёрнеса даетъ значительно больше, чѣмъ можно ожидать на основаніи ея заглавія, и дѣлаетъ новый трудъ почтеннаго ученаго необходимымъ пособіемъ не только для археологовъ, но и для всѣхъ изслѣдователей первобытной культуры человѣчества.

Н. Х.

Stanislaus Ciszewski: Künstliche Verwandtschaft bei den Südslaven. Leipzig, 1897, 8⁰, стр. 114.

Чрезвычайно интересная работа, заглавіе которой мы выписали, касается обширной сферы отношеній, возникающихъ изъ установленія искусственнаго родства у южныхъ славянъ. Авторъ объединилъ существующія важнѣйшія литературныя свѣдѣнія по этому вопросу и представилъ ихъ въ систематическомъ изложеніи. Совершенно справедливо авторъ считаетъ область, населенную южными славянами, классической страной искусственнаго родства: трудно, дѣйствительно, отыскать въ Европѣ другую область, гдѣ бы обряды при установленіи послѣдняго сохранились до нашихъ дней въ такой сравнительно чистотѣ и въ такомъ разнообразіи. Правда, и среди южныхъ славянъ этотъ институтъ клонится къ упадку, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ почти выходитъ уже изъ употребленія, но во многихъ мѣстахъ онъ существуетъ еще, какъ жизненное явленіе, или существовалъ еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, такъ что не представляется труда возстановить очень многія обрядности, сопровождающія установленіе искусственнаго родства въ ихъ первобытной чистотѣ, и прослѣдить выдающееся значеніе, которое игралъ

этотъ видъ родственныхъ отношеній въ общественной и правовой жизни юго-славянскихъ народностей.

Авторъ останавливаетъ свое вниманіе почти исключительно на побратимствѣ (посестримствѣ) и на усыновленіи.

Особенно широка сфера примѣненія перваго. Поводы къ установленію побратимства (посестримства) чрезвычайно разнообразны, и способы, выработанные для юридическаго закрѣпленія изъ этого вида искусственнаго родства, крайне многочисленны. Авторъ, на основаніи различныхъ поводовъ, приводящихъ къ побратимству, дѣлитъ для большаго удобства побратимство на три группы: случайное, добровольное и обдуманное и, наконецъ, внушаемое суевѣріями. Подобная классификація не совсѣмъ удачно выбрана авторомъ; она приводитъ его къ повтореніямъ и затрудняетъ чтеніе его книги. Побратимство заключается на всю жизнь или на срокъ, между лицами одного и разнаго пола. Насколько разнообразными могутъ быть обстоятельства, заставляющія двухъ лицъ заключать искусственное родство, выяснится изъ слѣдующаго. Къ побратимству могутъ приводить: примиреніе кровниковъ, совмѣстное купанье въ водахъ Іордана при паломничествахъ въ Св. Землю, крещеніе дѣтей въ одной купели и въ той же водѣ, избавленіе отъ опасности со стороны кого-нибудь, совмѣстное предпріятіе, знаменательный сонъ и пр. Въ соотвѣтствіи съ этимъ разнообразіемъ поводовъ стоитъ и разнообразіе способовъ заключенія побратимства; часть этихъ способовъ преисполнена символизма и нерѣдко переноситъ въ глубокую старину: многія извѣстія, напр., устанавливаютъ фактъ существованія обряда смѣшивать свою кровь, или обряда ритуальнаго общенія пищей при заключеніи побратимства. Нерѣдко побратимство заключается подъ непосредственнымъ покровительствомъ церкви и сопровождается чтеніемъ извѣстныхъ молитвъ и др. церковными правилами, выработанными практикой для этихъ случаевъ; иногда, наоборотъ, оно заключается во время весеннихъ праздниствъ, носящихъ на себѣ черты язычества. Авторъ въ противовѣсъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ совершенно основательно отстаиваетъ положеніе, что церковь лишь освятила и взяла подъ свое покровительство исконный, народный обычай, основы котораго таятся въ условіяхъ общественной жизни сѣдой древности. Онъ старается дать научное освѣщеніе обрядамъ побратимства и привлекаетъ для этого нѣкоторыя свѣдѣнія объ аналогичныхъ обычаяхъ у дикарей, но главнымъ образомъ довольно обширный матеріалъ о побратимствѣ у другихъ представителей славянскаго племени въ томъ числѣ у великоруссовъ, мало и бѣлоруссовъ. Описавъ различные обряды при заключеніи побратимства, авторъ обстоятельно изслѣдуетъ вопросъ о правахъ и обязанностяхъ, возникающихъ между лицами, вступившими въ искусственное родство. Въ современности замѣчается стремленіе ограничить обязательства, вытекающія изъ побратимства; но авторъ на основаніи сопоставленія различныхъ источниковъ, изученія фактовъ переживанія возстановляетъ отношенія, къ которымъ приводило побратимство въ прежнее время и къ которымъ, впрочемъ, оно приводитъ мѣстами и въ настоящее.

Менѣе обширны, но не менѣе интересны и сопоставленныя авторомъ свѣдѣнія объ обрядахъ при усыновленіи: въ нихъ не меньше, чѣмъ въ обрядахъ припобратимствѣ, сохранилось чертъ древняго символизма. Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе тѣ, въ которыхъ сказывается naturae imitatio. Въ новомъ трудѣ объ искусственномъ родствѣ у южныхъ славянъ читатель не найдетъ, правда, новаго матеріала. Но и сопоставленія имѣющагося на лицо и разбросаннаго въ разныхъ изданіяхъ въ одно систематическое цѣлое было бы достаточно, чтобы признать трудъ г. Цишевскаго полезнымъ вкладомъ въ науку; тѣмъ болѣе полезнымъ оказывается этотъ трудъ, благодаря освѣщенію матеріала съ общенаучной точки зрѣнія и сравненіямъ съ аналогичными обрядами у другихъ славянскихъ народностей.

Н. Х.

Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губерніи. *Сочиненіе* **Козьмы Филатова**, *удостоенное Имп. Варшавскимъ университетомъ золотой медали.* (Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника"). Варшава, 1898.

Молодой авторъ много поработалъ надъ своимъ, сочиненіемъ и золотая медаль досталась ему недешево. Онъ не только воспользовался наличною литературою по русской діалектологіи и исторіи русскаго языка, но и произвелъ собственныя наблюденія надъ мало еще изученными великорусскими и малорусскими говорами Воронежской губерніи, вслѣдствіе чего изъ его труда мы узнаемъ много новаго. Сверхъ того, онъ собралъ и издалъ около полутораста №№ великорусскихъ и малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ фонетически.

Мы не имѣемъ въ виду входить въ подробный разборъ „Очерка" и указывать автору мелкія погрѣшности его труда. Намъ желательно обратить вниманіе лишь на два явленія воронежскихъ великорусскихъ говоровъ, на которыхъ г. Филатовъ остановился слишкомъ мало.

Сущность перваго явленія, очевидно, для автора неясна. „Довольно часто, говоритъ онъ, на мѣстѣ *у* является *ю*; этотъ переходъ особенно распространяется на *у*, стоящее въ началѣ слова, и на *у* предлогъ, при чемъ нерѣдко на появленіе *j* оказываетъ вліяніе предшествующій мягкій гласный, напр.: на юспѣхъ, на юлицу, ю мине, ю табе, фъ пустыню юдаляюсь, юродила, юсы, юташшыла, па ютру, пріютѣшъ, юшъ и др. Рѣже *у* въ *ю* измѣняется и въ серединѣ словъ..." (стр. 54). „Въ селѣ Сергѣевкѣ, Бобровскаго у., одна часть жителей въ предлогахъ *объ от* мѣняетъ звукъ *о* на *и*, напр.: иддатуть, итяжжая (отъѣзжаетъ), итправилась, итвяжись, итрадушка, ибластилъ, ибманшикъ, ибъ акошка и др." (стр. 33). То же явленіе отмѣчено профессоромъ Будде въ говорахъ Рязанской губ., но и у него не получило никакого объясненія. Онъ упоминаетъ объ *ю* вм. *у*: И ю горинки ю новой, и ю вдовушки (Къ діалектологіи вр. нарѣчій, 42); въ записанныхъ имъ пѣсняхъ мы еще нашли: игаротъ (огородъ), на юлици (№№ 23, 27), ю моей ли ю сизой, крылышки ю ней, на юличу, онъ баялъ, юговаривалъ (Къ исторіи

вр. говоровъ, стр. 352, 353). Кое-какіе относящіеся къ этому явленію факты намъ пришлось привести въ „Опытѣ русской діалектологіи“; между прочимъ, мы упомянули объ *и* въ словахъ игаротъ, игурецъ въ говорѣ уральскихъ казаковъ и объ частомъ употребленіи *и* вм. *о*, *а* въ началѣ словъ у илецкихъ казаковъ (стр. 103). Г. Филатовъ могъ бы легко найти объясненіе этому явленію, если бы болѣе внимательно прочелъ пѣсни, изданныя г. Пряжкинымъ въ I томѣ „Воронежскаго Юбилейнаго Сборника“. Послѣднія показываютъ, что въ говорѣ с. Сергѣевки, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губ., передъ *у*, *а*, *о* въ серединѣ слова послѣ гласнаго, въ началѣ слова, если предыдущее слово оканчивается гласнымъ, и въ началѣ же слова, если этимъ словомъ начинается фраза (стихъ въ пѣснѣ), является довольно послѣдовательно неорганическій *j*: па ютру, па юлицы, за юбраннымъ сталомъ, машина милава юташшила; Ты гари, гари, калечкя, Ю милóва на рукѣ; Пасажута я червённаю калинку, Ю милова...; Кустъ слязою юлила, Юшъ ты, кустикъ...; развадитя ягонь, я въ домя ястаюся, ни япъ (объ) чомъ. При этомъ древнее *а*, *о* можетъ превращаться въ *и*: пастучу я ибъ акошка, никакой жа итрадушки, молодецъ дявчонку иблястилъ (облестилъ), мине замушъ иддадутъ; Ядной Дуни маей нѣтъ, Итправилась...; Растянули Гришку ракамъ, Йочень захрапѣлъ... Впрочемъ—что естественно—встрѣчаются исключенія: мая адяла (одѣяло); Люблю я, красная, Удалова малатца; Я вечоръ сваво милова Аставляла начавать. Сравни подобный неорганическій *і* при сходныхъ условіяхъ въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ и въ современныхъ болгарскихъ говорахъ.

О другомъ явленіи авторъ говоритъ въ главѣ подъ заглавіемъ: „Смѣшеніе родовъ“. По его словамъ, „выдающеюся особенностью воронежскихъ говоровъ въ области морфологіи является замѣтное паденіе категоріи рода: многія имена существительныя изъ одного рода перешли въ другой. Больше всего въ этомъ отношеніи потерпѣли имена средняго рода. Имена этого рода въ силу аканья, т. е. въ силу фонетическихъ причинъ, измѣнили свое родовое окончаніе на окончаніе женскаго рода и сознаются народомъ, какъ имена женскаго рода“ (стр. 128). Это явленіе также извѣстно, кромѣ воронежскихъ, и въ другихъ сильно акающихъ великорусскихъ говорахъ. Сущность его авторомъ понята неправильно. Хотя, конечно, съ теченіемъ времени можетъ послѣдовать полный переходъ словъ средняго рода въ склоненіе словъ женск. р., однако, въ настоящее время въ словахъ средн. р. мы имѣемъ дѣло лишь съ замѣною старыхъ окончаній двухъ падежей им. и вин. ед. окончаніями тѣхъ же пад. словъ женск. р. Прочія падежныя формы, за немногими исключеніями, сохраняютъ старыя окончанія и, напр., при им. вин. ед: мая акошка мы имѣемъ дат. маяму акошку, твор. маимъ акошкамъ и т. п. Очевидно, мы вовсе не имѣемъ права говорить о паденіи категоріи рода или о чемъ-нибудь подобномъ.

А. Соболевскій.

В. Н. Харузина. Сказки русскихъ инородцевъ. (*Съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями*). *Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. М. 1898. 999+II. 8⁰.*

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту полезную изящно изданную книгу. Въ ней собраны характерныя сказки русскихъ инородцевъ. За рѣдкими исключеніями, онѣ носятъ на себѣ яркій отпечатокъ быта пересказывавшаго ихъ народа,—въ нихъ мало т. н. «странствующихъ мотивовъ». Въ этомъ отношеніи онѣ только дополняютъ сжатые и содержательные «бытовые очерки», обильно иллюстрированные. Передъ читателемъ проходятъ такимъ образомъ рельефныя бытовыя картины, совокупность которыхъ заложитъ въ юномъ читателѣ плодотворную идею роста человѣческой культуры: онъ знакомъ уже нѣсколько съ характеромъ болѣе высокой русской культуры, «сказки русскихъ инородцевъ» познакомятъ его съ рядомъ предшествующихъ и посредствующихъ ступеней и намѣтятъ такимъ образомъ самую идею развитія—неизбѣжными сопоставленіями. Очерки написаны просто и вполнѣ доступно, хотя мѣстами суховато. Ученыя ссылки при нихъ и при сказкахъ можно было бы свободно опустить, въ виду назначенія книги. Почти всѣ рисунки вышли очень удачно, нѣкоторые, впрочемъ, мало разборчивы (стр. 4, 109, 158), взяты съ неудачныхъ оригиналовъ (19, 31) или даже противорѣчивы (стр. 288, 289—бѣлый и черный курдъ).

Сказки приведены, насколько мы могли прослѣдить, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ напечатаны въ научныхъ источникахъ, хотя, по нашему мнѣнію, въ виду читателя можно было поступиться научною точностью и мѣстами подправить не совсѣмъ складный и правильный языкъ. «Грузинскія Сказки» Бебура Б* кажутся намъ источникомъ сомнительной достовѣрности: онѣ во всякомъ случаѣ подправлены, если не составлены почти цѣликомъ. Можно было бы ими совсѣмъ не пользоваться и подыскать другой матеріалъ.

В. К.

Сибирскій Сборникъ. *Приложеніе къ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“ на 1898 г. Подъ редакціей* **И. И. Попова.** Иркутскъ. Стр. 247.

„Восточное Обозрѣніе“, основанное покойнымъ Н. М. Ядринцевымъ и недавно вступившее въ XVI годъ своего существованія, уже 13 лѣтъ выпускаетъ въ видѣ особыхъ приложеній „Сибирскій Сборникъ“, заключающій въ себѣ крупныя литературныя и научныя статьи, не помѣщающіяся въ тѣсныхъ рамкахъ газеты. Богатое содержаніе сборника давно уже оцѣнено всѣми, кто занимался сложными и, силою судебъ, своеобразно-поставленными вопросами сибирской жизни. За послѣдніе годы нѣсколько измѣнилась физіономія какъ самого „Восточнаго Обозрѣнія“, такъ и его сборниковъ: и сама газета и ея приложенія въ значительной мѣрѣ приблизились къ типу провинціальныхъ газетъ Европейской Россіи, отводя значительное мѣсто на своихъ страницахъ явленіямъ обще-россійской жизни въ ущербъ, какъ намъ кажется, пра-

вильному и своевременному освѣщенію многочисленныхъ и отнюдь не порѣшенныхъ вопросовъ областной жизни Сибири. Здѣсь не время и не мѣсто говорить о причинахъ и о степени желательности этихъ измѣненій въ литературной физіономіи старѣйшаго и наиболѣе симпатичнаго изъ всѣхъ сибирскихъ органовъ, и если мы объ этомъ заговорили, то только затѣмъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ въ интересный сборникъ 98 года въ рядъ статей о чукчахъ, якутахъ, маньчжурахъ попала компиляція, А. А. Корнилова, посвященная В. Г. Бѣлинскому. За исключеніемъ этой статьи, все остальное содержаніе сборника посвящено Сибири и Востоку.

Статья г. Левина «Географическія и экономическія данныя о Маньчжуріи» представляетъ собою читанный авторомъ въ засѣданіи Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. рефератъ о книгѣ «Описаніе Маньчжуріи», вышедшей подъ редакціей проф. Позднѣева.

Статья г. Кона «Никольская слободка Намскаго улуса Якутскаго округа» касается любопытнаго вопроса о возможности земледѣлія въ Якутскомъ округѣ. Авторъ дѣлаетъ прежде всего историческій обзоръ попытокъ искусственными мѣрами насадить земледѣліе въ Якутскомъ округѣ,— попытокъ, начало которыхъ восходитъ еще къ концу прошлаго столѣтія. Свѣдѣнія о насажденіи земледѣлія среди якутовъ Намской инородной управы, доходя до первой четверти текущаго столѣтія, глохнутъ и вскорѣ исчезаютъ совсѣмъ. Мѣсто якутовъ заняли ссыльно-поселенцы, долженствовавшіе, въ силу административныхъ предписаній, ввести земледѣльческую культуру въ Якутскомъ округѣ. Дѣлу это помогло мало. По крайней мѣрѣ, въ Никольской слободкѣ въ 1829 году числилось 16 душъ мужского и 13 душъ женскаго пола, а въ 1846 году, 36 лѣтъ спустя послѣ перваго произведеннаго посѣва, число это упало до 7 душъ мужского и 4 душъ женскаго пола. Прослѣдивъ поучительную исторію насажденія земледѣльческой культуры въ Намскомъ улусѣ и въ частности въ Никольской слободкѣ до 1895 года, г. Конъ подробно знакомитъ съ результатами своего личнаго изслѣдованія Никольской слободки, произведеннаго имъ въ 1895 г. Выводы изъ этого изслѣдованія очень печальны: мизерное земледѣльческое хозяйство жителей слободки не въ состояніи покрыть расходовъ на прожитіе. Исторія Никольской слободки лишній разъ подтверждаетъ, что переходъ къ земледѣлію якутовъ, въ своемъ хозяйственномъ строѣ опиравшихся ранѣе исключительно на скотоводство, можетъ быть произведенъ только самою жизнью, а не искусственными административными мѣрами. Тяжелыя условія переходнаго времени были бы значительно облегчены, если бы исчезла вѣковая язва сибирской жизни—ссылка. До чего тяжело ея бремя, прекрасно показываетъ разсчетъ, приводимый въ статьѣ г. Кона. При мизерномъ хозяйствѣ Никольской слободки населеніе ея должно бы быть сильно задолжено, между тѣмъ весь долгъ слобожанъ составляетъ только 163 р. 50 к. „Чѣмъ же заполняется дефицитъ въ хозяйствѣ?"—спрашиваетъ г. Конъ и отсылаетъ за отвѣтомъ „къ опаиваемымъ и обыгрываемымъ якутамъ, темнымъ осеннимъ ночамъ, единственнымъ свидѣтельницамъ совершаемыхъ уводовъ лошадей, коровъ, быковъ, да къ уголовной хроникѣ Якутскаго округа".

Отмѣтивъ библіографическую замѣтку г. Тыжнова о „новѣйшихъ трудахъ по исторіи покоренія Сибири“ и превосходную статью о „Борьбѣ съ проказой въ Якутской области“, перейдемъ къ крайне интересному въ этнографическомъ отношеніи очерку г. В. Б. „На рѣкѣ Россомашьей“. Авторъ, производившій перепись среди чукочъ, нѣсколько недѣль прожилъ на верховьяхъ рѣки Россомашьей, у восточной границы чукотскихъ стойбищъ, на разстояніи около шестисотъ верстъ къ востоку отъ Колымы. Разсказы о всемъ видѣнномъ и слышанномъ за время пребыванія на рѣкѣ Россомашьей и составляютъ предметъ очерка. Останавливаться подробно на интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи мѣстахъ очерка—значило бы переписать его почти весь цѣликомъ. Приходится ограничиться простымъ указаніемъ на наиболѣе выдающееся въ очеркѣ. Авторъ попалъ на рѣку Россомашью въ интересное время—къ большому съѣзду, когда по берегу рѣки, кромѣ коренныхъ „нымныковъ“ (жителей), были разбросаны временныя стойбища „кавралиновъ“ (бродячихъ торговцевъ съ Восточнаго моря), связанныхъ съ чукчами тѣсными торговыми и родственными связями. Съѣздъ гостей послужилъ поводомъ для цѣлаго ряда общественныхъ увеселеній. Авторъ очень красиво и съ массой интересныхъ подробностей описываетъ призовые бѣга на оленяхъ, состязаніе въ пѣшемъ бѣгѣ и въ борьбѣ. Вниманіе изслѣдователей шаманства должны особенно привлечь страницы очерка, посвященныя описанію Тылювіи, *ирка-лаулъ*, т. е. мужчины, принявшаго на себя роль женщины и исполняющаго ее вполнѣ добросовѣстно до самыхъ послѣднихъ подробностей жизни. Подобныя превращенія находятся въ связи съ особенностями шаманскихъ вѣрованій. „Мужчина“, говоритъ г. В. Б., „которому духи велѣли сдѣлаться женщиной, совершенно отрекается отъ мужской природы, надѣваетъ на себя женское платье, усваиваетъ женское произношеніе и всѣ женскія работы, наконецъ, выходитъ замужъ и исполняетъ всѣ обязанности жены, конечно, modo Socratis“... „Чукчи считаютъ ихъ самыми сильными изъ всѣхъ „духовдохновенныхъ“ (эпитетъ шамана) и относятся къ нимъ съ весьма большимъ страхомъ“. Въ очеркѣ находится подробное описаніе камланья Тылювіи.

Большой интересъ представляютъ сообщаемые г. В. Б. разсказы Ятиргина (мужа Тылювіи) съ ихъ непосредственной поэзіей и необычайно образнымъ языкомъ. Отмѣтимъ особенно разсказъ о чудесной заморской странѣ, гдѣ растетъ необозримый, громадный лѣсъ, населенный людьми-невидимками, вымѣнивающими драгоцѣнные мѣха за листикъ табаку. Въ этой странѣ есть и карлики не больше зайца, живущіе въ норахъ, есть и великаны выше стоячихъ деревьевъ, населяющіе горныя пещеры и сопки; когда великаны варятъ себѣ пищу, изъ сопокъ идетъ дымъ. Подобно людямъ-невидимкамъ карлики и великаны все готовы отдать за табакъ. Близъ той же чудесной страны, въ дуплѣ дерева, растущаго прямо изъ моря, живетъ злой духъ. Дерево ложится въ море, а затѣмъ поднимается все бѣлое отъ рыбы, идущей на пищу духу. Иногда дерево зацѣпляетъ чукотскую лодку, и тогда пловцы всѣ попадаютъ къ пасть чудовища. Дальше всѣхъ этихъ чудесъ, на краю свѣта, край твердаго

неба падаетъ внизъ и, ударившись объ землю, отскакиваетъ обратно... И такъ безпрерывно... За тѣми воротами—птичья земля, куда птицы улетаютъ на зиму. Но небо падаетъ такъ быстро, что даже птицы не успѣваютъ пролетѣть, и заднихъ прихлопываетъ, какъ въ ловушкѣ. Обѣ сталкивающіяся половинки покрыты толстымъ слоемъ толченыхъ птицъ больше, чѣмъ на вышину человѣка, и перья тамъ вѣчно носятся по вѣтру... Очеркъ г. В. Б. написанъ прекраснымъ языкомъ, а сохраненныя авторомъ въ неприкосновенности особенности колымскаго говора его русскихъ спутниковъ еще больше увеличиваютъ этнографическую цѣнность этой работы.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ разсказа „Съ ямщиками (записки бѣглеца)", подписаннаго И-ъ. С.. Своеобразный міръ сибирской „ямщины", жившей „кнутикомъ", и теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, принужденной искать себѣ другихъ заработковъ, изображенъ авторомъ сильными и яркими красками. Читателя-этнографа, несомнѣнно, заинтересуетъ масса бытовыхъ подробностей, разбросанныхъ въ разсказѣ, а литературные критики, познакомившись съ произведеніемъ г. И-ъ, быть можетъ, призадумались бы надъ вопросомъ, ужъ не изъ провинціи ли, не съ окраинъ ли ждать имъ новыхъ, не вымученныхъ сюжетовъ и яркихъ, бодрящихъ красокъ. Вѣдь, не даромъ почетныя мѣста въ ряду современной беллетристической литературы занимаютъ очерки Короленко изъ сибирской жизни, уральскіе разсказы Мамина и якутскіе—Сѣрошевскаго, т. е. всѣ тѣ произведенія, которыя и беллетристика и этнографія по праву считаютъ своими.

Н. М—нъ.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества. Томъ XXIX, № 2. Иркутскъ. 1898 г.

За послѣдніе годы изъ „Извѣстій" Восточно-Сибирскаго Отдѣла этнографія, какъ будто, совсѣмъ исчезла. Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ во 2-ой книжкѣ „Извѣстій" за текущій годъ интересную этнографическую статью гг. Суворова и Языкова „Илимскія свадебныя пѣсни". Тексту пѣсенъ собиратели предпослали вступленіе, въ которомъ подробно останавливаются на илимскомъ свадебномъ ритуалѣ. Этотъ ритуалъ вполнѣ сохранилъ черты старины: невѣста и женихъ называются „князь и княгиня молодые"; остальные участники поѣзда называются „тысяцкій", „бояре" (большой, малый и средній); за столъ садятся непремѣнно заходя по солнцу (къ статьѣ приложена схема, указывающая, какъ разсаживаются участники свадебнаго поѣзда). Интересно отмѣтить, что для пѣнія свадебныхъ пѣсенъ приглашаютъ спеціально старушекъ „пѣвицъ". Отъ двухъ такихъ „пѣвицъ" гг. Суворовъ и Языковъ и записали въ 1897 году 29 №№ пѣсенъ. Всѣ пѣсни (кромѣ одной) записаны съ голоса, что, конечно, еще больше увеличиваетъ ихъ цѣнность. Авторы заявляютъ, что они въ своихъ записяхъ точно сохранили всѣ необычныя въ обыденной рѣчи формы, какъ, напримѣръ: *братеца*, *братецу*, *братецамъ*; *души* красными дѣвицами; *дочери* (вин. п.) отдай

въ каменну Москву. Со стороны языка нельзя не отмѣтить и такихъ, на примѣръ, стиховъ въ пѣснѣ, которою величаютъ дружку жениха:

. . . Дружка
Сапогъ на ногу надѣваетъ.
Надѣвая, на себя дружка спозираетъ:
„Будто я, дружка, хорошеня,
Хорошеня, да я дружка пригоженя".

По содержанію большинство пѣсенъ тожественно съ лучшими номерами пѣсенъ у Сахарова. Не можемъ не отмѣтить пѣсни, въ припѣвѣ которой, послѣ каждаго стиха, упоминается „Редедя". Пѣсня поется священнику и содержаніе ея таково:

1. Ужъ какъ у броду, броду,
у Редеди [1]),
У калиноваго мосту,
Ужъ прошли, прошли полки.
Господинъ нашъ полковникъ,
да Редедя,
5. Онъ соборный нашъ батюшка,
Онъ Яковъ Герасимовичъ,
На немъ шуба соболья,
да у Редеди,
Отвороты жемчужные,
Кандыри золотые.
10. Тебя кто шубой дарилъ,
да Редедя,
Али тесть, али теща,
Али милая Лада?
Ой, не тесть меня шубой дарилъ,
Ой, не теща дарила,
15. Ой, не милая Лада,—
Государь шубой дарилъ,
Государыня дарила,
За мою службу вѣрную,
19. За мою неизмѣнную.

Собиратели прибавляютъ, что пѣвица не могла объяснить слова „кандыри" („значитъ украшеніе какое-нибудь на шубѣ") и припѣва „Редедя" („здѣсь все какого-то Редедю поминаютъ; кто его знаетъ, что за Редедя"). Выраженіе „милая Лада" пѣвица объяснила, сказавъ, что это жена „Редеди". Остается только пожалѣть, что гг. Суворовъ и Языковъ не сдѣлали своей интересной статьи еще интереснѣе, собравъ и другія упоминанія про этого таинственнаго „Редедю".

Н. М—нъ.

А. П. Энгельгардтъ. Русскій Сѣверъ. Путевыя записки. С.-Петербургъ. 1897. 8°. 258+IV стр. (2 карты въ приложеніи, 1 въ текстѣ, 117 фототипій въ текстѣ). Цѣна 2 р.

Путевыя записки А. П. Энгельгардта представляютъ крайне интересный матеріалъ, въ которомъ задачи этнографіи намѣчаются въ связи съ задачами культуры. Населеніе, интересное уже по своему племенному составу (русскіе корелы, лопари, зыряне, самоѣды), интересно еще

---

[1]) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ стиховъ 1—3,7,8,9, иногда „да у Редеди"; припѣвъ „да Редедя"—послѣ стиховъ 4—6,10—19.

и въ обстановкѣ суровой, но своеобразной природы, надолго задерживавшей культурное воздѣйствіе цивилизаціи. . . . .

Авторъ (мѣстный губернаторъ) отправился въ путешествіе по Архангельской губерніи, чтобы содѣйствовать скорѣйшему насажденію культурнаго быта въ этой обиженной странѣ: телеграфныхъ и почтовыхъ сообщеній, желѣзныхъ дорогъ, срочныхъ пароходствъ, грунтовыхъ трактовъ, раціональной торговли, промышленности и проч. Однимъ словомъ, архангельскій край ставится въ условія культурнаго развитія, до нѣкоторой степени общія съ остальной Европейской Россіей. Но здѣсь культуртрегеръ сталкивается съ мнѣніемъ науки: не идетъ ли культура въ ущербъ благосостоянію отставшихъ съ нея народныхъ массъ; не вредитъ ли культура одного племени жизненности другого и т. п. Есть лица, которыя считаютъ непреодолимымъ застой жизни въ природѣ суровой или однообразной, и потому видятъ опасность во всякомъ культурномъ вліяніи извнѣ, могущемъ оказаться не по силамъ мѣстному населенію и потому извести его въ борьбѣ съ нуждою. Къ этому относительно населенія разноплеменнаго прибавляется еще и другое опасеніе, а именно, что племя, болѣе приспособленное къ воспріятію новой культуры, хищнически воспользуется силами слабѣйшихъ племенъ и тѣмъ приведетъ къ вымиранію. Ни того, ни другого мнѣнія не раздѣляетъ авторъ записокъ, основываясь на матеріалѣ, довольно поучительномъ.

Въ „Общемъ обзорѣ экономической и промышленной жизни русскаго сѣвера“ авторъ отмѣчаетъ „застой“ въ жизни обширнаго края, видитъ тѣмъ не менѣе, что „край этотъ обладаетъ всѣми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояніе мѣстнаго края, но и служить на пользу всего государства“ (1 стр.). Экономическій факторъ, этотъ желудокъ народовъ, есть, дѣйствительно, первое важное условіе и ихъ благосостоянія: онъ даетъ тонъ всему остальному: и успѣшному просвѣщенію поколѣній, и счастливому быту семьи и доброму сосѣдству племенъ. Иначе, конечно, пришлось бы однимъ жить на счетъ другихъ.

Описывая прежде всего Кемскій уѣздъ, авторъ встрѣчается съ корелой и находитъ, что экономическое положеніе корелы „незавидно и пришло въ послѣднее время въ упадокъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни, къ которымъ кореляки, по своей неразвитости, примѣняются довольно туго“ (37 стр.). Оставаться имъ въ корельской шкурѣ, такимъ образомъ, нельзя; приходится перенять или финскій или русскій образъ жизни. Несмотря на то, что по языку корелы близки къ финнамъ, они больше поддаются русскому вліянію, такъ какъ въ экономическихъ интересахъ (особенно теперь), т. е. въ этомъ важномъ факторѣ жизни они отъ финновъ отдѣлены (послѣдніе преградили имъ даже всѣ пути торговли), и всѣ кемскіе инородцы начинаютъ ассимилироваться съ русскимъ племенемъ этнографически: примѣняются къ русской одеждѣ, постройкѣ, пищѣ, языку (многіе говорятъ по-русски), наружнымъ видомъ они также мало отличаются отъ русскаго. Сейчасъ корелы еще сознаютъ свое племенное происхожденіе, и потому не трудно вести статистику ихъ численности (въ Кем. у. корелъ 22.500 чел., русскихъ 14.420); но когда это

племя приметъ совсѣмъ русскій обликъ, когда ему не зачѣмъ будетъ помнить свое корельское происхожденіе, тогда не станутъ ли статистики заносить ихъ въ свои списки подъ именемъ русскихъ и неосторожно говорить о мнимомъ „вымираніи“ корелы? А это непремѣнно случится: желѣзныя дороги, пароходные рейсы, торговые обороты выведутъ тѣсно сплоченную массу корелы изъ ихъ неподвижности и разрушатъ традиціи племенного другъ къ другу тяготѣнія; на ряду съ этимъ будутъ все настойчивѣе повторяться фразы: „нѣтъ корелы“ или: „исчезаетъ корела“. Впрочемъ, могутъ еще указывать и на то, что дорого стоющія затѣи культуры не будутъ соотвѣтствовать экономическимъ силамъ корелы, а потому заставятъ это племя подъ бременемъ всесильнаго капитала быть въ нищетѣ, въ кабалѣ, словомъ, въ условіяхъ, не располагающихъ къ процвѣтанію. „Записки“ не предвидятъ и этого печальнаго исхода; наоборотъ, онѣ видятъ во всемъ проектируемомъ „благо“ населенія.

Говоря далѣе о русскихъ поморахъ, авторъ останавливается на образѣ жизни и характерѣ этихъ „потомковъ вольнолюбивыхъ новгородцевъ“. Завидныя черты этого предпріимчиваго, смѣлаго по характеру народа, трудолюбиваго, смышленаго, черты, распространяющіяся на женщинъ и дѣтей,—какъ-то мало гармонируютъ съ картиной жалкаго ихъ благосостоянія. Суровость ли природы, поддерживающая эти черты характера, годы ли тутъ виноваты, но экономическихъ богатствъ—избытокъ, а жизнь самая незавидная. Причина послѣднему—все тотъ же недостатокъ культурныхъ благъ. Впрочемъ, въ послѣднее время культура насаждается; поправляются дѣлами и поморы: телеграфъ, срочные пароходные рейсы, ссуды матеріалами и деньгами дали имъ возможность окрѣпнуть и избѣжать какой бы то ни было кабалы. Такимъ образомъ, поморы уже сейчасъ подтверждаютъ цѣлесообразность всѣхъ культурныхъ мѣропріятій, которыя, безъ сомнѣнія, послужатъ на пользу и инородцамъ, поддавшимся общей культурной ассимиляціи съ русскимъ племенемъ.

Далѣе идетъ рѣчь о лопаряхъ Кольскаго уѣзда, племени, которое вызывало так много противорѣчивыхъ сужденій. Не задаваясь остальными вопросами о положеніи этого племени въ русскомъ государствѣ, авторъ обратилъ вниманіе на больной вопросъ и ученыхъ и администраторовъ: о вымираніи лопарей и „жалкомъ“ ихъ существованіи. „Лопарское племя“, говоритъ авторъ: „вымираетъ или, лучше сказать, постепенно исчезаетъ и *смѣшивается* съ сосѣдними племенами. Всѣ они православные: принимая обычаи и культуру русскихъ, лопари *смѣшиваются* съ русскими“ (64 стр.). Автору приходилось слышать отъ болѣе или менѣе осѣдлыхъ лопарей такую фразу: „Я не какой-нибудь лопарь, я теперь русскій“, или: „Это хорошій (дѣльный, сильный) человѣкъ, не лопарь“. „Такъ что,—прибавляетъ отъ себя авторъ,—они не дорожатъ своимъ племеннымъ единствомъ“ (стр. 64). Неосторожно употребленное слово „вымираетъ“, очевидно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (срв. литературу по этому вопросу и трудъ Н. Н. Харузина: „Русскіе лопари“). Такимъ образомъ, вторично въ этомъ трудѣ мы встрѣчаемся съ фактомъ ассимиля-

ціи, фактомъ сбивчивымъ, не важнымъ, за который слѣдовало бы приняться этнографической наукѣ, въ настоящее время неосторожно, неточно и нецѣлесообразно ставящей вопросъ ребромъ: вымираетъ племя или не вымираетъ?

Другой вопросъ или, какъ выражается авторъ, „плачъ"—о жалкой жизни лопаря. Обрисовавъ въ общихъ чертахъ привольное житье лопарей, еще далекое отъ вліяній истинной культуры, авторъ предоставляетъ разрѣшить вопросъ естественному теченію времени. „Врядъ ли", говоритъ онъ, „лопари будутъ счастливы при той опекѣ, которая предлагается въ ихъ, будто бы, интересахъ для огражденія ихъ отъ вымиранія и эксплоатаціи сосѣдей; врядъ ли они пожелаютъ промѣнять свою свободу, свою тундру, свой чумъ и вѣжу, свою кочевую жизнь на всѣ блага культурной жизни, *пока они сами, сближаясь съ осѣдлымъ населеніемъ, безъ всякаго внѣшняго давленія, постепенно не почувствуютъ потребности къ новой жизни*" (стр. 66).

А это сближеніе происходило и будетъ происходить на почвѣ экономическихъ интересовъ: лопари плохіе хозяева, и природа не надолго можетъ обезпечить имъ беззаботное существованіе; поэтому лопари уже теперь чувствуютъ преимущества высшей культуры. Такъ, помимо ассимиляціи съ русскими, можно указать на приведенный у автора случай переселенія къ лопарямъ зырянъ съ ихъ толковымъ оленьимъ хозяйствомъ, отъ котораго лопари много выиграли (стр. 67-68).

Описывая далѣе Мурманъ и промышленный бытъ этого берега, авторъ останавливается на главныхъ интересахъ культуры, одинаково привлекающихъ русскаго и инородца, одинаково ассимилирующихъ сѣвернаго промышленника въ духѣ цивилизаціи; эти интересы—производительность труда, чему служатъ: ссуды, артели, телеграфъ, устройство маяковъ, срочное пароходство и, наконецъ, устройство Екатерининскаго порта, къ которому проектируется провести желѣзный путь отъ Петербурга черезъ Петрозаводскъ, Кемь, Кандалакшу и Колу. Многое изъ этихъ благъ культуры уже осуществляется, и вмѣстѣ съ тѣмъ быстро сталъ сказываться „необычайный подъемъ духа на Мурманѣ" (стр. 132). Когда же жизнь въ этой окраинѣ закипитъ бурно и шумно, тогда и вся племенная рознь этихъ небогатыхъ историческими традиціями массъ исчезнетъ, и развѣ только на страницѣ ученыхъ изслѣдованій будетъ поставлено нѣсколько трудныхъ вопросовъ о вымираніи, исчезновеніи или переселеніи (срв. научныя данныя о нашихъ волжскихъ инородцахъ, особенно мордвѣ и чувашахъ). Повторяемъ, полезнѣе было бы выработать научные пріемы въ изслѣдованіи ассимиляціи племенъ и ставить этотъ вопросъ прежде, чѣмъ вопросъ о вымираніи.

Восточная часть Архангельской губерніи, которую также посѣтилъ и описалъ А. П. Энгельгардтъ, представляетъ не мало своеобразнаго интереса какъ сама по себѣ, такъ и въ связи съ изученіемъ западной части той же губерніи. Прежде всего авторъ останавливается на Новой Землѣ. имѣя въ виду культурную задачу—призвать къ жизни богатства сѣвера и поднять благосостояніе его жителей, авторъ устремляетъ вниманіе на

промыслы Новой Земли, колонизуетъ ее самоѣдами, народомъ, коснѣющимъ въ бѣдности и неподвижности на тундрахъ материка, связываетъ ее путями сообщенія съ рынками сбыта, вводитъ ее въ сферу вліянія капитала, освѣжаетъ бытъ поселенца духовно-нравственнымъ свѣтомъ церкви и школы. Авторъ справедливо указываетъ ниже (ст. 249), что такія опеки надъ самоѣдами невозможны въ тундрахъ ихъ родины, и что лишь Новая Земля представляетъ для того удобныя условія. Въ самомъ дѣлѣ, олень, т. е. то, на чемъ держится жизнь пастуха-самоѣда въ тундрѣ, здѣсь, на островѣ, играетъ ничтожную роль; даже ѣздить самоѣды стараются больше на собакахъ. Наоборотъ, промыслы звѣря не только обезпечиваютъ ихъ существованіе, но и даютъ имъ денежныя сбереженія, хранящіяся въ Архангельскѣ. Черты быта этихъ поселенцевъ описаны, правда, въ очень общихъ краскахъ, и трудно судить объ ихъ ассимиляціи съ русской культурой; но тѣ указанія, которыя дѣлаются относительно ихъ религіознаго просвѣщенія, ярко подчеркиваютъ угасаніе самоѣдскаго духа при полной дѣятельности неугасающихъ особей. Самая природа, описанная очень живо, привиллегированныя культурныя улучшенія—дальнѣйшія переселенія, становища, порты, промѣры, пароходные рейсы и проч.—ручаются за то, что Новая Земля сыграетъ такую же роль для исторически-обездоленныхъ самоѣдовъ, какую для многихъ крестьянъ центра Россіи играла и играетъ еще Сибирь, Средняя Азія, Дальній Востокъ. Съ другой стороны, самоѣды, если они проживутъ въ этихъ новыхъ условіяхъ лѣтъ 40—50 подъ тремя только факторами обрусѣнія: церкви, школы и экономической культуры, и если они при этомъ дѣйствительно обрусѣютъ,—дадутъ крупный примѣръ значенія культуры въ вопросѣ эволюціи національныхъ чертъ характера и быта. Къ 1895 г. на Новой Землѣ жило 128 самоѣда съ дѣтьми и женами, переселенныхъ администраціей; населеніе это еще увеличится, но и его уже вполнѣ достаточно, чтобы впослѣдствіи дѣлать научные выводы.

Другой характеръ представляетъ жизнь тѣхъ же самоѣдовъ въ Печорскомъ краѣ, гдѣ они сосѣдятъ съ зырянами и русскими. Обѣ послѣднія народности являются элементомъ жизненнымъ, и авторъ справедливо считаетъ ихъ интересы связанными съ интересами всего края, и наоборотъ, интересы самоѣдовъ—исторически проигранными. Русскіе, живущіе въ Мезенскомъ уѣздѣ и по берегамъ Печоры—въ Печорскомъ (стр. 194 и 219), и зыряне въ Печорскомъ (219 стр.) прогрессируютъ благодаря осѣдлому образу жизни и полному умѣнію приспособиться къ условіямъ края. Наоборотъ, самоѣды, живущіе на Канинѣ и въ обѣихъ Земельскихъ тундрахъ, кочуютъ, если имѣютъ хоть малѣйшую возможность держать стадо оленей, въ обрѣзъ поддерживающее ихъ существованіе; если же нѣтъ, они переходятъ въ осѣдлое состояніе, т. е. къ высшей культурѣ переходятъ вполнѣ разоренные, неспособные, нежизненные. Причина этой косности заключается исключительно въ привычкѣ кочевать, отъ которой они не отвыкаютъ, потому что еще много свободы въ тундрѣ, оленей достаточно для большинства самоѣдовъ, а глядѣть въ будущее они не умѣютъ. А это будущее—грозитъ... не вымираніемъ, а

экономическими заботами, если только они не перейдутъ къ осѣдлой жизни, подобно ново-земельскимъ самоѣдамъ или ижорскимъ зырянамъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что „нигдѣ и никогда кочевники не пользовались благосостояніемъ, если не считать тѣхъ случаевъ, когда имъ попадало чужое добро, захваченное грабежомъ, но и такого добра хватало не надолго" (249 стр.). Самоѣды имѣютъ всѣ шансы къ прогрессу: они способны „сливаться" съ русскими и зырянами и даже не уменьшаются численно. Остается имъ дать культурный толчокъ, который вывелъ бы ихъ изъ косности. Именно, не нужно „охранять" ихъ ни отъ зырянъ, ни отъ русскихъ, какъ справедливо думаетъ авторъ (248—9 стр.); но и оставить ихъ на произволъ судьбы, пока они не перейдутъ къ осѣдлости, тоже не слѣдуетъ: они перейдутъ къ осѣдлости, какъ это видно и теперь, совершенно разоренными. Мы видѣли на примѣрѣ корелы, лопарей, наконецъ, здѣсь—зырянъ, что ассимиляція съ народами высшей культуры ведетъ ассимилированную народность къ прогрессу; поэтому и въ вопросѣ о самоѣдахъ слѣдуетъ прежде уяснить, какія условія для ассимиляціи самоѣдовъ съ зырянами и русскими можно найти на мѣстѣ: намъ думается, что это церковь и школа, поставленныя раціонально, и затѣмъ— экономическое учрежденіе, облегчающее частную конкурренцію малозажиточному хозяину (самоѣду): пріобрѣтеніе обстановки промысла, сбытъ, обзаведеніе осѣдлымъ имуществомъ (избой и пр.), пріобрѣтеніе хлѣба, овощей и другихъ продуктовъ. Тогда и у самоѣдовъ оленное хозяйство не будетъ окончательной цѣлью жизни: другіе промыслы дадутъ имъ другія средства, другая пища избавитъ ихъ отъ горькой случайности питанія.

Зыряне ясно подтверждаютъ эту силу культурной жизни. Правда, они безъ опеки дошли до теперешняго своего состоянія; но, когда они начинали свое возрожденіе, у нихъ не было конкурренціи; теперь же они мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ, и, стало быть, та же конкурренція имъ не страшна. Наоборотъ, при своей многочисленности, они прекрасно приспособились и къ осѣдлой промышленно-торговой жизни русскихъ, и къ полукочевому оленному хозяйству жителей тундры. Послѣднее обстоятельство настолько важно, что если бы зырянамъ (и русскимъ) закрыть доступъ въ тундру, разорился бы весь край, какъ справедливо полагаетъ авторъ (230 стр.). Сами русскіе, ничуть не поступаясь своей культурой, приспособились къ тундрѣ, подражая зырянамъ; лучше сказать, сама тундра ассимилировала въ экономической жизни и русскихъ, и зырянъ, какъ двѣ народности, по своимъ силамъ и способностямъ вполнѣ соотвѣтствовавшія хозяйственнымъ требованіямъ тундры. Въ этомъ смыслѣ можно внести поправку къ мысли автора, высказанной на страницѣ 231: „Гдѣ сходятся два племени, менѣе культурное всегда подчиняется вліянію другого и ассимилируется съ нимъ". Именно, не только это, но и географическія условія мѣстности ассимилируютъ двѣ или нѣсколько народностей, разъ онѣ столкнулись въ этихъ условіяхъ.

Въ цѣляхъ краткости мы не останавливались подробно на богатыхъ свѣдѣніяхъ о природныхъ свойствахъ края, бытѣ и занятіяхъ жите-

лей, культурныхъ начинаній правительства и только мелькомъ коснулись всего этого, поскольку требовала того общая идея будущаго благосостоянія сѣвера Европейской Россіи съ своими суровыми условіями рельефа и климата и съ разнообразіемъ своего населенія, начинающаго входить на путь обще-русской культуры. Мы особенно часто останавливались при этомъ на фактѣ ассимиляціи племенъ, съ одной стороны, какъ на фактѣ вполнѣ отрадномъ въ исторіи человѣческихъ отношеній, а съ другой, какъ на фактѣ, который долженъ быть поставленъ научно, чтобы культура могла ему довѣриться. До сихъ поръ чаще всего ставился вопросъ о вымираніи или невымираніи, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ ставился неудовлетворительно: вымираніе никогда строго не отграничивалось отъ ассимиляціи; что же касается невымиранія, живучести, то—здѣсь нѣтъ еще полнаго отвѣта: племя живетъ—и только, а *какъ* живетъ (архаически ли, новымъ ли курсомъ), *зачѣмъ* живетъ (для себя ли, для общаго ли человѣческаго прогресса)—отвѣта нѣтъ. Даже культурная живучесть народовъ, сплотившихся въ цѣлыя государства, еще не все скажетъ нашему уму, если мы не заглянемъ въ сущность ихъ культурной другъ съ другомъ ассимиляціи. Да и каждое изъ нихъ стремится къ этой ассимиляціи: одно, чтобы подвести все подъ единую власть первосвященника, другое—подъ единую силу окованнаго въ броню кулака, третье—слышитъ только назойливыя требованія сгущенной крови, четвертое—зоветъ всѣхъ подъ власть серебра или золота, пятое—подъ единую силу народной воли, шестое—народнаго труда и т. д. Въ комъ—истина, отвѣтитъ исторія; но сейчасъ стремленіе къ ассимиляціи—фактъ на лицо. Тѣмъ съ бо́льшимъ интересомъ должны мы слѣдить за этимъ фактомъ внутри нашей Россіи, гдѣ вопросъ поставленъ какъ бы частично, но зато, подобно самоѣдамъ на Новой Землѣ, въ лучшихъ условіяхъ: безъ конкурренціи въ силѣ внѣшней.

Имѣя въ виду эти мысли и встрѣчая по нимъ такъ много отвѣтовъ въ книгѣ „Русскій Сѣверъ“, мы не можемъ не выразить, что почтенный авторъ заслуживаетъ за это большого вниманія и признательности.

Вл. Б.

Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. *Подъ редакціей члена комиссіи* **С. Д. Яхонтова.** Рязань. 1898 в. 2.

Въ отношеніи этнографіи разсматриваемый выпускъ Трудовъ Ряз. Уч. Арх. Коммиссіи содержитъ очень интересный матеріалъ, представляемый, главнымъ образомъ, „Дневникомъ раскопокъ Пронскихъ кургановъ“. Для лицъ, занимающихся изученіемъ колонизаціи Россіи, эти раскопки, несомнѣнно, имѣютъ немалое значеніе, и они съ интересомъ познакомятся съ ихъ результатами, изложенными въ указанной статьѣ, подробно описывающей какъ курганы, въ которыхъ производились работы, такъ и найденныя вещи. Въ этомъ же отношеніи интересна статья г. Раевскаго „Изъ экскурсій по Нижегородской губ.“, описывающая пробныя раскопки въ мѣст-

ности, называемой „Коровашекъ". (Любопытно, между прочимъ, объясненіе и самаго названія этой мѣстности отъ коровая—по внѣшнему виду).

Для лицъ, интересующихся содержаніемъ рукописей Рязанскаго Историческаго Архива, любопытно продолженіе „Описи дѣлъ" этого архива. Тутъ же помѣщены и документы: 2 жалованныя грамоты: одна—1616 года на монастырскія селища и пустоши въ Рязанск. у., въ Перевицкомъ стану, въ Мещерской сторонѣ; другая—1623 г., тоже относящаяся къ вотчинамъ въ Мещерской сторонѣ. Затѣмъ тутъ помѣщена выпись письма и дозору на монастырскія селища и пустоши 1620 г. и выпись изъ Рязанскихъ писцовыхъ книгъ, тоже относящихся къ монастырскимъ владѣніямъ, 1629—1630 гг.

Наконецъ, для изслѣдователя исторіи народнаго образованія въ Россіи представляетъ интересъ продолженіе „Матеріаловъ для исторіи главнаго народнаго училища въ Рязани и учрежденія другихъ народныхъ училищъ въ Рязанской губ."

Д. С.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Владимірскія Губ. Вѣд. 1888. 23, 25, 27, 35, 36, 39. *Добрынинъ.* „Сто лѣтъ назадъ и теперь". Статистическій обзоръ уѣздовъ Владимірской губерніи. —24. Учрежденіе во Владимірѣ Губернской Ученой Архивной комиссія.—26, 27, 30, 31, 33, 34, 37, 41. „Уроженцы и дѣятели Владимірской губ." Помѣщены: 1) біографія Н. Я. Дубенскаго съ подробнымъ перечнемъ его трудовъ, среди которыхъ есть и этнографическіе: 2) біографія К. Н. Тихонравова съ подробной библіографіей всего имъ напечатаннаго (много любопытныхъ этнографическихъ статей), и 3) біографія Іеромонаха Іоасафа съ перечнемъ его работъ.—28, 29, 30. Рукописная повѣсть о видѣніи Козьмы Игумена (по поводу изданія И. А. Голышева); довольно большая и интересная замѣтка.—32. Первый Спасъ въ народныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ (изъ „Прав. Вѣстн.").—33. Спасъ Преображенье (оттуда-же).—32, 33. *Сперанскій.* „Сельскія хороводныя игры и пѣсни"; интересный матерьялъ изъ Владимірскаго у.—34. Спожинки (изъ „Прав. Вѣстн.").—39. *Сперанскій* „Крикуны". Любопытная этнографическая замѣтка о добровольныхъ членахъ церковнаго причта, называемыхъ „крикунами" (погостъ Баглачево Владимірск. у.) Во всю пасхальную недѣлю они помогаютъ духовенству обходить приходъ. Придя въ деревню, крикуны поютъ не „Христосъ воскресе", а „Христосъ воскресъ! Воистинной красуйся, Мать Божія! Помилуй"!.. На вопросъ автора, почему они не поютъ „Христосъ воскресе", крикуны отвѣчали: „Христосъ воскресе" такъ шибко не споешь!.. Да ужъ это пѣнье испоконъ вѣку ведется". Авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ крикуновъ, объ отношеніи къ нимъ духовенства, крестьянъ.—40. Энографическо-статистическая статья *Поздиякова.*—„Константиновская волость Александровскаго уѣзда„.—41. Покровъ—первый зимній праздникъ (изъ „Прав. Вѣстника).—35, 40, 41 *Соловьевъ.* „Бытовые очерки. І. Деревенскіе праздники"; интересные матеріалы по народному календарю.

Всемірный Путешественникъ (прилож. къ „Родинѣ"). **1889.**—2. *Шевляковъ.* Черезъ Новгородъ.—5, 6. *А. Арсентовъ.* Пятнадцать лѣтъ въ Нижнеколым-

скомъ краѣ 1843—1867 (Изъ воспоминаній миссіонера).—10, 12. *Н. Леnихов*. Изъ путешествія по Новороссіи.—1890.—4, 5. *Е. Марковъ*. Внизъ по Чороху (на Кавказѣ)—6, 7. *Лепиховъ*. „Изъ путешествія по Новороссіи". 7—10. *В. Кудрявцевъ*. Прикамскій край, его памятники, легенды и преданія—8. *Н. Лепиховъ*. Кое-что объ историческихъ памятникахъ въ Новороссіи (скиѳскія письмена на скалахъ и изваянія изъ камня).—10. *Н. Лепиховъ*. Кое-что о степяхъ Запорожья (преданія)—11. *Вербенскій*. Изъ путешествія по Малороссіи.—12. *Н. Лепиховъ*. Кое-что изъ жизни крестьянъ малороссовъ Новороссійскаго края.—1892.—5, 6, 7, *А. Вакуловскій*. Сибирскіе очерки.—9. *Д—каю*. Сибирскія крестьянскія свадьбы и „женщины". —1893.—8—11. *А. В—скій*. Сибирскіе очерки.

Кіевское Слово. 1898. 3734. Изъ „Петерб. Лист." Секта „райскихъ коммерсантовъ". Центръ—село Осиповка, Хвалынскаго у., Сарат. губ.; основатели Аѳанасій и Андрей Коноваловы, продававшіе мѣста въ раю и живымъ и мертвымъ, что связано съ нѣкоторой обрядностью.—3775. Изъ газ. „Югъ" „Катакомбы пещерно-жителей"—Въ окрестностяхъ с. В. Знаменка, Таврич. губ.—3757. „Секта сухарниковъ". Центръ—с. Алексѣевка около г. Хвалынска, Сарат. губ., основатель секты монахъ Прохоръ, пріобщавшій своихъ послѣдователей сухарами.—3756. Изъ „Правит. Вѣстн." Рѣшеніе вопросовъ чести у гренландскихъ эскимосовъ (посредствомъ пѣнія и танцевъ въ формѣ особаго состязанія),—3754. „Раскопки Муранскаго-могильника" изъ статьи Краснодубровскаго въ „Сарат. Листкѣ." Добытыя данныя приводятъ къ заключенію, что населеніе Муранки имѣло сношенія съ булгарами и съ Азіей, отличалось богатствомъ, что погребеніе существенно отличается отъ татарскаго.—3794. Изъ „Сибир. Вѣстн.". Способъ излѣчиванія у дѣтей такъ назыв. „собачьей старости" въ с. М. около Сузуна въ Барнаульскомъ округѣ (запеканіе ребенка въ тѣстѣ, послѣ чего куски тѣста бросаются собакамъ, на которыхъ и переходитъ болѣзнь).—3816. Засѣданіе секціи Географіи, Антропологіи и Этнографіи на Кіев. съѣздѣ естествоиспытателей: докладъ свящ. *Н. Блинова* „О вотяцкихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ" (докладчикъ доказываетъ существованіе у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній).—3854, 3857. „Пѣснопѣнія и религіозное ученіе хлыстовъ" Терской области (собрано 8 пѣсней, снабженныхъ необходимыми объясненіями.)

Курскія Губ. Вѣд. 1898. 117. Біографическія свѣдѣнія о курскомъ археологѣ М. С. Тетеркинѣ.—132. Страничка изъ приходской лѣтописи; историческія данныя о произвольно-заимочномъ способѣ расчистки лѣсныхъ участковъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курской губ.—134, 135. Отчетъ о рефератѣ Л. Денисова („Иконы Знаменія въ христіанскомъ искусствѣ"), прочтенномъ въ отдѣлѣ иконовѣдѣнія Московскаго Общества Люб. Просв. Иконы Знаменія г. Денисовъ считаетъ древнимъ и основнымъ типомъ изображенія Богородицы.—144. Интересная выдержка изъ журнала „Трудовая помощь" о жизни сельскихъ нищихъ въ Калужской губеніи.—146. Праздники у китайцевъ.—148, 149. Воспитательное значеніе сказокъ. Изложеніе взглядовъ по этому поводу. Стоитъ отмѣтить одинъ совѣтъ Адлера, при строгомъ примѣненіи котораго, пожалуй, всѣ сказки надо признать матеріаломъ антипедагогическимъ: надо выбрасывать изъ сказокъ все, что въ нихъ является суевѣріемъ, остатокъ стариннаго анимизма и, конечно, все, что непригодно съ точки зрѣнія нравственности.—150. Выписка изъ „Волыни": со словъ мужика разсказывается, что въ мѣстечкѣ Коднѣ пошли крестить ребенка; приносятъ къ попу—вмѣсто ребенка оказывается хлѣбъ; унесли назадъ домой—ребенокъ, какъ ребенокъ; во второй разъ вмѣсто ребенка оказалась восковая свѣча; а третій разъ—рыба. Рыбу окрестили; превратившись дома въ ребенка, новорожденный говоритъ: „Если бы меня окрестили, когда я былъ хлѣбомъ, дешевъ былъ бы нынѣ хлѣбъ; если бы окрестили, когда я былъ свѣчей моръ былъ бы на людей; теперь же, когда меня окрестили рыбой, будетъ,

„ледъ“ и вода большая. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого прошелъ градъ, выбившій всѣ поля.—155, 156. Мѣстный элементъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Считая автора „Слова“ курянином, замѣтка даетъ указанія на мѣстныя черты въ „Словѣ“. Нѣкоторыя черты пейзажа въ „Словѣ,“ которыя авторъ замѣтки считаетъ мѣстными, спеціально курскими, съ большимъ еще правомъ могутъ быть названы повсемѣстными для юга Россіи, напримѣръ: „картинное описаніе наступленія ночи въ „Словѣ“.. осталось вѣрнымъ для курскаго края нашихъ дней. Какъ много вѣковъ тому назадъ, такъ и теперь, яркій, характеристичный признакъ окончанія весенняго вечера: прекращеніе соловьинаго пѣнія и громкаго, надоѣдливаго подчасъ крика галокъ“ Гораздо любопытнѣе привлеченіе авторомъ къ объясненію лексическаго состава „Слова“ матеріаловъ изъ народной рѣчи курянъ.—157. Замѣтка свящ. Тимофеева объ археологической экскурсіи Д. М. Струкова въ пещерѣ села Холки, Новооскольскаго у.—194. Женщины въ Кореѣ.—157, 158. Изложеніе доклада г. Леонтьева „Объ организаціи дѣятельности С.-петерб. юридич. общества по изученію обычнаго права и объ организаціи изученія юридич. обычаевъ въ предѣлахъ Курской губерніи“ и преній по этому докладу въ Курскомъ юридическомъ обществѣ.—167, 169. Суевѣрія относительно камней. 201. Цыгане (этногр. очеркъ).—207. Выписка изъ „Фельдшера“ относительно знахарей въ Малороссіи.

Московскія Вѣд. 1898. 252. *И. И. Шаховской*. Раскопки въ Херсонесѣ.—254. Старинная гробница (королей 20-ой династіи въ Ѳивахъ).—259. Кіевъ. Археолог. находка въ лаврѣ (трехъ череповъ; погребеніе въ стоячемъ положеніи).—261— Владикавказскій Окружный Судъ: Борьба съ чертями. — 263. Открытіе этрусской могилы близъ Волатерръ.—270. Греческія раскопки вблизи Ѳермона.—272. Археологическія находки въ Чигиринскомъ уѣздѣ.—277. Раскопки въ Троѣ (о лекціи Дёрпфельда въ Дюссельдорфѣ).—Праздникъ 7 звѣздъ въ Китаѣ.—281. Поѣздка въ верховья Аму-Дарьи (гг. Бобринскаго, Богоявленскаго и Семенова).—283. Библіографія: *Т—ъ*, Живая Старина, годъ восьмой, вып. I Спб. 1898.—Древнѣйшее упоминаніе о нефтяномъ маслѣ.—Бисмаркъ и суевѣріе.

Олонецкія Губ. Вѣд. 1898. 1. *Левинъ*. Изъ жизни Олонецкихъ евреевъ (см. 1897 г. № 43). *Боровскій*. Кустарные промыслы въ Каргопольск. у. (окончаніе: см. 1897 г. № 98).—4, 8 Собираніе свѣдѣній о юридич. обычаяхъ народа (съ программой для собиранія свѣдѣній М. Н. Харузина).—9, 12. *Ягодкинъ*. Зимнія картинки Олонецкаго края.—14, 16. Путешествіе по Олон. краю акад. Озерецковскаго въ 1785 г. 20, 21. *В. И.* Матеріалы для исторіи Олон. края.—36—41. *Д. Березкинъ*. Древніе обитатели Каргопольскаго края „Чудь бѣлоглазая“. 44—46, 48—53, 65—79. (прод). Путешествіе по Олонецкому краю въ 1785 г. академика Озерецковскаго.—52. *С. А—скій*. Троицынъ день въ Каргополѣ (между прочимъ, о свадьбахъ уходомъ).—54—64. Св. *А. Пономаревъ*. Кижское нарѣчіе Великогубской волости, Петрозаводскаго у. 57—61. *Е. П.* Картинки увеселеній сельской молодежи (бесѣды, посидки и игрища).—64. Изъ с. Теплаго, Нижегор. у. (Жертва суевѣрія: „Нижег. Губ. Вѣд“).—81—83. *Дм. Березкинъ*. Городъ Каргополь и его окрестности до паденія Великаго Новгорода.—84—89. Путешествіе Озерецковскаго—88—89 (и слѣд).—Объ „уходѣ“ дѣвицъ въ замужество (въ Павловской волости Каргопольскаго у.).

Оренбургская Газета. 1898. 283, 353. *Тимашевъ*. „Отъ Оренбурга до Владивостока“. 357 Къ исторіи перехода киргизъ въ осѣдлое состояніе (перепеч. изъ „Прав. В.“).

Пермскія Губ. Вѣд. 1898. 1. *Дмитріевъ*. Къ 300-лѣтію г. Верхотурья (истор. очеркъ).—2. *С—въ*. По Пермскому краю: Ирбитскій уѣздъ (данныя по вѣрованіямъ: знахари, лѣшіе, домовой).—5, 7. *Мейеръ*. По Вишерѣ (путев. замѣтки).—16, 18, 24, 26, 38, 43, 46, 50, 57, 58, 63, 69, 85, 90,

94, 99, 105, 108 (прод. слѣд). *Белдыцкій.* Поѣздка на Печору. 98. *Щепетильникова.* Жизнь, Нравы и обычаи японцевъ.

Псковскія Губ. Вѣд. 1898 11. *Быстровъ.* Намогильные кресты, Елинскаго прихода и его окрестностей (Остров. у). 17. Матеріалы для исторіи Псковской старины (описаніе архива. г. Плюшкина).

Родина. 1889. 1—4, 8, 9. *С. В. Максимовъ.* Изъ чудесъ и диковинокъ русской земли (легенды и преданія).—1890—6, 7, 10. 15, 22, 23, 25. *С. В. Максимовъ.* Изъ крылатыхъ словъ.—8—12, 16. *А. В. А.* Валаамскій монастырь (впечатлѣнія поѣздки)—26—28. *М. Шевляковъ.* Поѣздка въ Савино-Сторожевскій монастырь.—1891. 1. *М. И. Пыляевъ.* Святочная старина. 30.—*И. Вдовинъ.* Ильинская пятница—35. *П. Лукашенко.* Свадьба въ Малороссіи.—1892. 8—13, 15—31. *Свящ. I. Ивановъ.* Суевѣрія крестьянъ. Этнологическіе очерки села Георгіева, при рѣкѣ Лухѣ. Статья интересна и оригинальна, прослѣживаетъ жизнь крестьянина отъ рожденія до самой смерти со всѣми его темными предразсудками. Въ статьѣ помѣщено, между прочимъ, много заговоровъ и заклинаній. Жаль, что неуказанъ уѣздъ.—21 *Д. Дмитріевъ.* Русальная недѣля.—1893. 1. *О. Л.* Жизнь и обычаи айносовъ.—25. *И. Емельяновъ.* Ночь подъ Ивана Купала.

Ставропольскія Губ. Вѣд. 1898 г.—28. Новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ.

Сѣверный Кавказъ. 1898.—35. Инородцы Ставропольской губерніи и ихъ нынѣшнее экономическое устройство—30. *Кубанецъ.* Село Круглолѣсское Ставропольской губерніи (былое и настоящее).—96. Поимка лѣшаго (корресп. изъ села Солтанова, Минской губерніи).—114. Борьба съ чертями: лѣченіе больной въ деревнѣ Ставропольской губерни (судебная хроника).

Фельдшеръ. 1891. 16. *М. Воекъ.* Матеріалы по народному акушерству *С—н—въ.* Народныя средства въ Кадниковскомъ уѣздѣ—1892. 2. *А. В—въ.* Акушерская помощь у народа въ Ярославской губ.—16. *Г. Путинскій.* Психическое вліяніе народной медицины.—*П. Сентамовъ.* Къ вопросу о народныхъ лѣчебныхъ средствахъ.—N.N. Малорусскіе знахари и ихъ способы лѣченія.—*Е. Дыммъ* Народный массажъ—18. *Г. Ковбленко.* Къ вопросу о народной медицинѣ.—1893. 15. *Б. Милашевскій.* Роженица въ деревнѣ, уходъ за ней и новорожденнымъ.—1895. 7. *Г. Коваленко.* О составленіи словаря народной медицины—17. *А. Ловинскій.* Программа для собиранія свѣдѣній о знахарствѣ.—(За 1894,—96,—97 ничего касающагося этнографіи не было).

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Алтайскій Сборникъ. Изд. Общ. Люб. изслѣдованія Алтая. Т. III. Барнаулъ, 1898. Ц. 50 к.

Анучинъ, Д. Н. Армяне въ антропологическомъ и географическомъ отношеніи (изъ „Братской помощи пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“, год. 2). Москва. 1898, б. 8°, брош.

Архипова, П Н. Бытъ русскаго народа въ повѣстяхъ для дѣтей школьнаго возраста. Повѣсть первая. Симбирскъ. 1898. 8°, бр.

Барановскій, Антоній, епископъ. Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словахъ. I—VIII. Изданіе II Отд. И. Академіи Наукъ (оттискъ изъ LXV т. „Сборника Отдѣленія рус. яз. и словесности“). СПБ. 1898. 8°.

Баранцевичъ, Е. М. Конокрадство и мѣры противъ него въ Россіи. Судебно-бытовой и статистическій очеркъ. *Приложеніе*: Статистика конокрадства въ Россіи. Изданіе журнала „Конская Охота“. Москва. 1898. 8°. vol 1.

Бартъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 р.

Бахтіаровъ, А. А., и Михайловъ, П. А. Краткое понятіе о письменности у древнихъ народовъ и ея развитіе до настоящаго времени. Краткое пособіе для учениковъ спеціальнаго класса первой школы печатнаго дѣла (Первая школа печат. дѣла Имп. Рус. техническаго общ.). СПБ. 1896. 8°.

Березовскій, В. В. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. СПБ. 1898 8°. 524 стр. Ц. 1 р. 90 к.

Блиновъ, Николай, свящ. Языческій культъ вотяковъ. Вятка. 1898. Ц. 30 к.

Болсуновскій, К. Древнія гирьки, найденныя въ Кіевѣ, и отношеніе ихъ къ различнымъ вѣсовымъ системамъ. Съ 2 табл. (матеріалы по археологіи Кіева). Кіевъ. 1898. 8°, брош.

Боршовъ, В. „Исторіографическое описаніе о Казанской губерніи“. Капитона Милковича (изъ „Изв. Общ. Арх., ист. и этногр.“ Т. XIV. вып. 5). Казань. 1898. 8° брош.

Будде, Е. О заслугахъ Ѳ. И. Буслаева, какъ ученаго лингвиста и преподавателя. Рѣчь, читан. въ торжественномъ засѣданія Казан. Общ. Арх. Ист. и Этногр. 28 сент. 1897 г. Изъ XIV тома „Изв. Общ. Арх. Ист. и Этнгр.“. За 1898 г. Казань. 1898. 8° брош.

Будде, Е. Ѳ. О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губ. I. СПБ. 1897.

Бѣньковскій, Ив. Повѣрья, обычаи, обряды, суевѣрья и примѣты, пріуроченные къ „Риздвянымъ святамъ" (изъ „Кіев. Стар."). Кіевъ. 1896. брош.

Бюхеръ, К. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Статьи изъ книги „Происхожденіе народн. хозяйства" (I. Паденіе ремесла. 2. Соединеніе труда и совмѣстный трудъ. 3. Первобытный хозяйственный строй. 4. Хозяйство первобытныхъ народовъ). Переводъ подъ ред. *В. Э. Дена*. Изд. М. И. Водовозовой. СПБ. 1898. 8°. 144 стр. Ц. 60 к.

Варбъ, Е. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учрежденій (Очерки Румянцовскаго музея). Оттискъ изъ „Вѣстн. Воспитанія". Москва. 1898.

Варпаховскій, Н. А. Рыболовство въ бассейнѣ р. Оби, I. Орудія рыболовства и продукты рыбнаго промысла. (Изд. Департам. Земледѣлія). СПБ. 1898. б. 8°.

Веселовскій, Александръ. Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля. (Изъ Журнала Мин. Нар. Прос., мартъ, 1898). СПБ. 1898. 8°.

Виленская губернія. О нѣкоторыхъ трудахъ по изслѣдованію Виленскаго края и его исторіи (Изъ „Вил. Вѣст".) Вильна. 1898. 16°.

Витевскій, В. Н. Введеніе въ историческую монографію: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Казань. 1897, бр. 8°.

Военскій, К. Русскій музей Императора Александра III. СПБ. 1897. 8°. бр.

Вороновъ, Г. Крестьянскія свадьбы въ Устюжскомъ уѣздѣ Новгород. губ. Новгородъ. 1897. 8°. бр.

Восточный вопросъ. Политико-этнографическій очеркъ. СПБ. 1898.

Гальковскій, Н. Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ. Сумы. 1897.

Гёрнесъ, М. Исторія первобытнаго человѣчества, пер. съ нѣм. съ пред. и прим. Н. Березина, съ 45 рис. 2-е изд. журнала „Образованіе". СПБ. 1898. Ц. 50.

Голосковичъ, Конст. Свящ. астрологія въ Россіи въ XV—XVI вв. и посланіе старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея „На звѣздочетцы и на латыны." Островъ. 1897. 8-° бр.

Гроссе, Эрн. Формы семьи и формы хозяйства. Переводъ съ нѣм. Изд. кн. маг. „Книжное дѣло". Москва 1898, 8° 273 стр. Ц. 1 р.

Да'атъ-Кедошимъ. Матеріалы для исторіи семействъ, производящихъ свое происхожденіе отъ лицъ, умершихъ мученическою смертью въ 1659 г. въ мѣстечкѣ Ружинахъ вслѣдствіе обвиненія въ умерщвленіи ребенка съ религіозною цѣлью. Собралъ изъ печатныхъ изданій и рукописей *И. Т. Эйзенштадтъ*. Привелъ въ порядокъ, дополнилъ, снабдилъ примѣчаніями *С. Е. Винеръ*. Изд. Л. П. Фридланда СПБ. 1897-98.

Дебьеръ, Н. Первобытные люди. СПБ. 1898.

Докладъ редакціоннаго комитета отдѣленія обычнаго права СПБ.

Юридическаго общества о предстоящей ему дѣятельности СПБ. 1898 (?), 8-°, бр.

Древности. Труды археографической коммиссіи Им. Моск. археол. общества. Томъ I—вып. 1,2. Москва 1898 4-°.

Дюкудрэ, Г. Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Т. I. Перев. съ франц. А. А. Позенъ подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Съ рис. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе". Москва 1898. 354 стр. Ц. 1 р.

Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ. Очерки по этнографіи края. Подъ ред. *В. В. Иванова.* Изд. Харьк. губ. статист. комит. Т. I. Харьковъ. 1898.

Зетъ, Е. Сказки китайскія, бретонскія, финдляндскія, и рождественскіе разсказы. Екатеринославъ 1897 8-° бр.

Зильберштейнъ, Іоан. Сводъ этики іудаизма. (По библіи, талмуду и раввинской письменности). Изд. А. Цукермана. Ч. I—по библіи. Варшава. 1899.

Истринъ, В. М. Откровеніе Меѳодія Патарскаго. Москва. 1897.

Калачевъ, А. Поѣздка къ теленгетамъ на Алтай. (Изъ „Жив. Стар." 1896. III IV). СПБ. 1896. 8°, бр.

Кампфмейеръ, П. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Пер. съ нѣм. А. Гердъ, изд. журнала „Образованіе". С.П.Б. 1898 Ц. 60 к.

Карѣевъ, Н. Указатель соціологической литературы. СПБ. 1897. 8-° 33 стр.

Катановъ, Н. Ѳ. Отчетъ о поѣздкѣ, совершенной съ 1 іюня по 20 авг. 1897 г. въ Белебеевскій и Мензелинскій у. Уфимской губ. Казань. 1898, 8°, бр.

Клингенъ, И. Среди патріарховъ земледѣлія народовъ ближняго и дальняго востока (Египетъ, Индія, Цейлонъ, Китай, Японія). Часть I. Введеніе.—Египетъ. Съ 132 рис. и картой СПБ. 1898 г. б. 8°, стр. XXVIII+460. Ц. 3 р.

Клоддъ, Эдуардъ. Первобытный человѣкъ. Популярныя бесѣды. Пер. со 2-ого англ. изд. Изд. магаз. „Книжное Дѣло". Москва 1898. Ц. 50 к. (Рецензія въ „Русс. Бог.," 1898. III. т.).

Колесниковъ, В. А. Причины крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Ярославль. 1898, 8°, бр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры, пер. съ 3-го нѣм. изд. подъ ред. А. Рейнгольдта. Вып. VI, изд. Іогансона. 1898. Ц. за 8 вып. 3 р. 50 к.

Кузнецова, А. А. **и П. Е. Кулаковъ.** Минусинскіе и ачинскіе инородцы (Матеріалы для изученія). Изд. Енисейскаго губ. Стат. Комитета. Красноярскъ. 1898.

Кулаковъ, П. Е. Къ новѣйшей исторіи минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ. Отт. изъ изд. Енис. губ. Статист. Комитета: „Минусинскіе и ачинскіе инородцы" Красноярскъ. 1898.

Куликовскій, Герм. Словарь областного олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Изданіе Отдѣленія русскаго

языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. СПБ. 1898. 4°, VIII+150 стр. (въ 2 столбца). Ц. 2 р. 50 к.

Кулишъ, П. А. Письма къ О. М. Бодянскому (изъ „Кіев. Стар.“). Кіевъ. 1898. 8°, бр.

Лашкаревъ, П. Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты. Кіевъ. 1898, 8°.

Летурно, Ш. Эволюція рабства, пер. съ франц. З. Журавской, изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Липпертъ, Ю. Исторія семьи. Пер. съ нѣм. Н. Шатерникова, изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1897. Ц. 60 к.

Лоренцъ, Н. Ф. Орнаментъ всѣхъ временъ и стилей. 100 таблицъ съ объяснительнымъ текстомъ. Изд. А. Ф. Девріена. 1898, б. 8° (выходитъ выпусками по 10 таблицъ).

Майновъ, И. И. Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края. Съ 3 табл. 1 фототип. и 1 цинкогр. („Труды Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ.“ № 2). Иркутскъ 1898, 214 стр. (Сочиненіе удостоено награды отъ Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э.).

Меѳодій, іером. Калмыки Большедербетовскаго улуса Ставропольской губ. и калмыцкіе хурулы. Изд. 2-е. Ставрополь. 1898, 8°.

Милорадовичъ, В. Снѣтинская старина (изъ „Кіев. Стар.“). Кіевъ, 1898, бр.

Милюковъ, П. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. 2-е изд. „Русской Мысли“., Москва 1898.

Миролюбовъ, А. Бытъ еврейскихъ царей. Библейско-археологическое изслѣдованіе. Казань. 1898.

Мостицъ, А. Слѣды каменнаго вѣка въ долинѣ рѣки Селенги. Москва. 1898. 8°, бр.

Недзѣльницкій, Іоаннъ, (свящ. мисс.). Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его. 2-е изд. И. Тузова. СПБ. 1899.

Нидерле, Люборъ, д-ръ. Человѣчество въ доисторическія времена. Доист. археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Пер. съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ ред. Н. Д. Анучина. Съ 459 рис. и картами. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. СПБ. 1898 Ц. 5 р. (Рец. В. Сизова—въ „Русск. Вѣдом.“ 1898, № 100).

Ольденбергъ, Герм. Будда, его жизнь, ученіе и община. Пер. П. Николаева. Изд. 3 Д. П. Ефимова. Москва. 1898. Ц. 2 р.

Островскій, Д. Н. Путеводитель по Сѣверу Россіи. (Архангельскъ, Бѣлое море, Соловецкій монастырь, Мурманъ, Новая Земля, Печора). Съ прилож. плана и 12 картъ. Изд. Т-ва Архангельско-Мурманскаго пароходства. СПБ. 1898. 8°.

Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности. Подъ ред. *Н. В. Пономарева.* Т. I, II, III, IV, V. Изд. Мин. Земл. и Госуд. Им. СПБ. 1892—98, б. 8°.

Пакульскій, Н. А. Краткіе очерки кустарныхъ промысловъ Черниговской губ. Кіевъ. 1898.

Пальмовъ, И. С. Франтишекъ Палацкій. Рѣчь въ тор. собр. Славянск.

Благотвор. Общ. 11 мая 1898 г.) (Къ столѣтію его рожденія 14 іюня 1798 г.). СПБ. 1898.

Памяти Өедора Ивановича Буслаева. Изданіе Учебн. Отдѣла Общества распростр. технич. знаній. Москва. 1898. 8°.

Передольскій, В. С. Новгородскія древности. Записка для мѣстныхъ изысканій. Вып. 1. Новгородъ. 1898.

Перетцъ, В. Н. Изъ исторіи пословицы. Историко-литературные замѣтки и матеріалы. Съ приложеніемъ сборника польскихъ пословицъ по рукописи 1726 г. СПБ. 1898. 8°. 39 стр. (Изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1898, май).

Перетцъ, В. Н. Скоморошьи вирши по рукописи половины XVIII в. (оттискъ изъ „Ежегодника Имп. театровъ", серія 1896—97 г.). СПБ. 1898. 8° 19 стр.

Плоссъ, Г. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе. Перев. съ 5-го нѣмецк. изданія, дополненнаго и переработаннаго послѣ смерти автора д-ромъ М. Бартельсомъ, подъ ред. д-ра А. Г. Фейнберга, съ рис. Т. I, вып. 1—5 (издается по подпискѣ). СПБ. 1898. 8°. 320 стр.

Плющевскій-Плющикъ, Я. А. Сужденія и толки народа объ однодневной переписи 28 янв. 1897. СПБ. 1898, б. 8°.

Полянскій, Іоаннъ, свящ. Записки миссіонера Вологодской епархіи. Изд. 2-е, вып. 1 и 2. Москва. 1898.

Поповъ, Іоаннъ, свящ. Ламаизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-миссіонерскаго изслѣдованія. Казань. 1898.

Пржевальскій, Н. М. Путешествія въ восточной и центральной Азіи. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ *М. А. Лялиной*, съ предисл. Э. Ю. Петри. 2-е просм. изданіе А. Ф. Девріена. СПБ. 1898. 8°.

Путинцевъ, Мих. Изъ Киргизской миссіи Омской епархіи. (Изъ „Тобольск. Епар. Вѣд." 1896. № 4).

Путь къ истинѣ (*Dhammapada*). Изреченія буддійской нравственной мудрости. Переводъ и предисловіе *Н. Герасимова*. Москва. 1898.

Пыпинъ, А. Н. Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсенъ. (Памятники древней письменности. CXXVII). СПБ. 4° стр. 33.

Рамбо, А. Живописная исторія древней и новой Россіи. 2-е испр. и допол. изд. Москва. 1898.

Романовъ, Е. Р. Матеріалы по исторической топографіи Витебской губ. Уѣздъ Велижскій. Могилевъ. 1898. 8°. 308 стр.

Романовъ, Е. Р. Общій очеркъ Витебской губ. (Изъ Памятн. кн. Витеб. г. на 1898 г.) Витебскъ. 1898.

Рѣдинъ, Е. К. Ө. И Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства. Харьковъ. 1898. бр.

Сабатье, Арманъ. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Переводъ В. Обреимова. 2-е изд. Павленкова. СПБ. 1897.

Сапожниковъ, А. П. Иновѣрцы и иностранцы въ Россіи. Ихъ права и отношенія къ кореннымъ жителямъ. (Изъ „Странника"). С-Петербургъ 1898 г. бр.

Сборникъ, Систематическій, очерковъ по отечествовѣдѣнію. Составили: М. Н. Беклемишевъ, В. Ѳ. Держжинскій, Н. А. Карышевъ, Л. К. Лебедевъ, Ѳ. А. Макшеевъ, В. И. Марковъ, Н. А. Обручевъ, В. В. Степановъ, бар. А. Е. Тизенгаузенъ, А. П. Турчаниновъ и В. Г. Яроцкій. Подъ ред. генер.-лейт. Ѳ. А. Фельдмана. Изд. Имп. Александров. Лицея. СПБ. 1898. 8°.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ. Т. I. Юрьевъ. 1898 (отмѣтимъ: проф. *Е. В. Пѣтухова.* Лужицкіе сербы. Изъ путевыхъ замѣтокъ, лѣтомъ 1897 г.; *А. Н. Ясинскаго.* Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизаціи на берегахъ Балтійскаго моря; *А. С. Будиловича.* О причинахъ гибели Балтійскаго славянства; *В. Е. Данилевича.* Пути сообщенія Полоцкой земли до конца XIV ст.).

Сибирь и ея дореформенные суды. Администрація по дѣламъ фермы бр. Бутиныхъ (издалъ Мих. Бутинъ). СПБ. 1898. б. 8°.

Силантьевъ, А. А. Обзоръ промысловыхъ охотъ въ Россіи съ приложеніемъ двухъ картъ, двухъ діаграммъ и 54 рисун. Изд. Мин. Зем. и Госуд. Имущ. СПБ. 1898, 8°, брош.

Смирновъ, В. Д. Турецкія легенды о Святой Софіи и о другихъ византійск. древностяхъ. Изд. факультета вост. яз. Имп. СПБ. Универс. ко дню открытія XI международ. съѣзда оріенталистовъ въ Парижѣ. СПБ. 1898. 4°.

Созоновичъ, И. Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію. Изслѣдованіе. Варшава 1898.

Соколовъ, М. Е. Великорусскія свад. пѣсни и причитанія, записанныя въ Сарат. губ. Саратовъ. 1898. Ц. 60 к.

Сумцовъ, Н. Ѳ. О мотивахъ поэзіи Т. Г. Шевченка (изъ „Кіев. Стар."). Кіевъ. 1898.

Сущинскій, П. Экономическій бытъ и правовыя отношенія старожиловъ и новоселовъ на Алтаѣ (изслѣдованіе на мѣстѣ). Въ пользу проектируемой Обществомъ для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ школы имени Н. М. Ядринцева. СПБ. 1898. 8°, 38 стр. Ц. 35 к.

Труды Сѣверной комиссіи 1897—98. Научно-промысловыя изслѣдованія у Мурмана. СПБ. 1898.

Тураевъ, Б. Богъ Тотъ. Опыты изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Съ рис. Лейпцигъ. 1898.

Тыжновъ, И. Замѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири. Ч. I. Лѣтописи города Тобольска. СПБ. 1898.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ I—XX тт. „Записокъ Имп. Одесс. Общ. исторіи и древностей" Одесса. 1898. 8°, 43 стр.

Флоринскій, Т. Д. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. Кіевъ. 1898. 8°, стр. 41.

Харузина, В. Н. Сказки русскихъ инородцевъ (съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями). Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. Изд. А. И. Мамонтова. Москва 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Хижняковъ, В. М. Опыты програмы для изслѣдованія народной жизни. (s. l.) 8°, бр.

Царевскій, А. А. Религіозныя представленія древнихъ египтянъ о загробной жизни (изъ Кіев. „Университ. Извѣстій" за 1898). Кіевъ 1898, бр.

Чернышевъ, В. И. Свѣдѣнія о мещовскомъ говорѣ. СПБ. 1898, 8°, бр.

Его-же. Списокъ словъ портновскаго языка (изъ „Извѣстій отдѣл. русс. яз. и слов. И. Ак. Н." 1898, кн. 1). СПБ. 1898, бр.

Шавровъ, Н. А. Колонизація, ея современное положеніе и мѣры для русскаго заселенія Мурмана (Труды СПБ. отдѣленія Имп. Общ. для содѣйствія русскому торговому мореходству). СПБ. 1898. 8°.

Шефферъ, П. Н. Замѣтка о сборникѣ Кирши Данилова. СПБ. 1896.

Шантепи-де-ля-Соссей, Д. П. Иллюстрированная исторія религій. Пер. съ нѣм., подъ ред. В. Н. Линдъ. Вып. II. Изд. магазина „Книжное дѣло". Москва. 1898.

Явловскій, Прок. Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части „Якутскихъ Епарх. Вѣдомостей" за 1-е 10-лѣтіе изданія. 1887—1897. Сергіевъ-Посадъ. 1898, стр. 76.

Яковенко, М. Г. Матеріалы къ антропологіи еврейскаго населенія Рогачевскаго уѣз., Могилевск. губ. (диссертація въ Военно-Медиц. академіи, изъ серіи 1897-98 г. № 55). СПБ. 1898.

Ѳирсовъ, Н. Нѣкоторыя черты изъ исторіи торгово-промышленной жизни Поволжья. (съ древнѣйшихъ временъ до осмотра этого края имп. Екатериной II-ой). Отд. отт., изъ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. т. XIV, вып. 5. Казань. 1898 8° брош.

Chyliczkowski, X. Jan.—Syberia pod względem etnograficznym, administracyjnym, rolniczym i przemysłowo-handlowym.—Włocławek. 1898.

Jevons, Frank. An introduction to the history of religion. London. 1896.

Müller, Max F. Beiträge zu einer wissenschaftlichen Mythologie. Aus dem englisch. übersetzt von Heinr. Lüders. Leipzig. 1898.

Muller, Max. Nouvelles études de mythologie. Paris. 1898.

Parczewski, A. J.—Szczątki Kaszubskie w prowincyi Pomorskiej. Szkic, historyczno-etnograficzny. Poznań. 1896. (Рец. въ „Изв. II Отд. И. Ак. Н". 1898, 1).

Prinz, J. Die Kolonien der Brüdergemeinde. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Kolonien Südrusslands. Verlag von Jakob Prinz in Pjatigorsk. Москва 1898..

Radić, d-r. A. Osnova za sabirańe i proućavańe gradje o narodnom źivotu. (Оттискъ изъ „Zbornika za narodni źivot i obićaje juźnih Slavena"). U Zagrebu. 1897. 8°—88 стр. (Изданіе Югославянской Академіи).

Zlotnicki, Ant. Człowiek, istota jego i pszyszłość. Warszawa. 1898.

Извѣстія и замѣтки.

О преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени *М. И. Михельсона* доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1898—1900 г.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка, 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]).

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ герман-

---

1) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

скихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія [1]).

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.

Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ.—Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени *М. И. Михельсона* устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени *М. И. Михельсона* присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія [2]).

На соисканіе премій имени *М. И. Михельсона* допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

Исправить важнѣйшія опечатки въ болгарскихъ текстахъ:

Стр.	№	*вм.*	*чит.*
121	47	нупадни	пупадни
—	55 (bis)	пегакъ	петакъ
122	58	срѣтнишь срѣшишь	срѣшнишь
123	64	нитките	нишките
—	67	неда	жда
124	76	парѣтъ, а ма	нарѣтъ, ама
—	79	параси	нараси
125	80--81	шалѪсамъ	тъласъмъ

---

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

[2]) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1900 года—печатныя въ двухъ, рукописные въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.